Институт Философии Академии Наук СССР

ПОЛЬ ЛАФАРГ

РЕЛИГИЯ И КАПИТАЛ

ОГИЗ

Государственное
НТИРЕЛИГИОЗНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва·1937

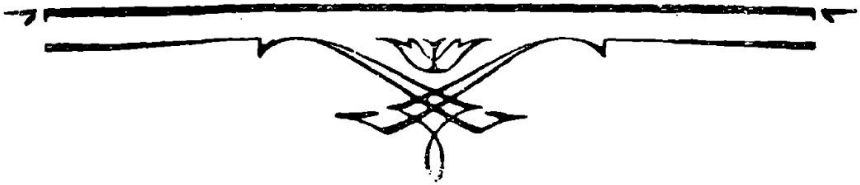
В сборнике помещены работы Лафарга по истории религии и атеистические памфлеты. Основное содержание сборника — разоблачение реакционной роли религии и ее служителей. Книга рассчитана на читателя, имеющего подготовку в объеме антирелигиозного учебника. Работы Лафарга могут быть успешно использованы пропагандистом-антирелигиозником для массовых докладов и бесед

Отв. редактор П. Н. Федосеев
Техн. редактор И. С. Гохман

Уполномоченный Главлита № Б—29923. Сдано в набор 1/VI-37 г. Подписано к печати 15/XII-37 г. Тираж 10.200 экз. Формат бумаги 82×110 1/32. Печатных листов 15 1/4. Учетн.-авт. листов 15,35. Инд. Б-2. ГАИЗ № 31. Зак. тип. № 449.

17-я ф-ка национальной книги Огиза РСФСР, треста „Полиграфкнига" Москва, Шлюзовая наб., 10.

Цена 2 руб. 65 коп.
Переплет 1 руб. 35 коп.



ПРЕДИСЛОВИЕ

Поль Лафарг (1842—1911), ученик и зять К. Маркса, был одним из лучших пропагандистов и популяризаторов марксизма во второй половине XIX и и начале XX в. В то же время Лафарг был крупным деятелем рабочего движения, одним из организаторов и вождей первой марксистской политической организации французского пролетариата.

Значение Лафарга в истории революционного движения отметил Ленин в речи, произнесенной от имени РСДРП на похоронах Лафарга:

«Сознательные рабочие и все социал-демократы России, — говорил т. Ленин, — еще в период подготовки русской революции научились глубоко уважать Лафарга, как одного из самых талантливых и глубоких распространителей идей марксизма, столь блестяще подтвержденных опытом борьбы классов в русской революции и контрреволюции...

Нам, русским социал-демократам, испытывающим весь гнет абсолютизма, пропитанного азиатским варварством, и имевшим счастье из сочинений Лафарга и его друзей почерпнуть непосредственное знакомство с революционным опытом и революционной мыслью европейских рабочих, нам в особенности наглядно видно теперь, как быстро близится время торжества того дела, отстаиванию которого Лафарг посвятил свою жизнь»[1].

В конце 60-х годов прошлого столетия Лафарг, преодолев свои юношеские прудонистские и бланкистские заблуждения, в ходе классовой борьбы и под непосредственным влиянием Маркса бесповоротно пер шел в лагерь революционного марксизма. Лафарг стал ближайшим помощником Маркса и Энгельса. В рядах I Интернационала он вел непримиримую борьбу против бакунизма и отстаивал линию руководимого Марксом Генерального совета Интернационала. Он принимал деятельное участие в Парижской коммуне, пытаясь поднять юг Франции против версальского правительства и прорвать блокаду революционной столицы. После поражения Коммуны Лафарг, будучи вынужден покинуть Францию, продолжал свою революционную деятельность в Испании и в Португалии. В 1872 г., переехав в Лондон, он работал под непосредственным руководством Маркса и Энгельса. По заданиям Маркса и Энгельса Лафарг пишет

[1] Ленин, собр. соч., т. XV, стр. 264.

статьи, устанавливает связи с Францией, Испанией и другими странами. В 1873 г. Энгельс и Лафарг, по поручению Гаагского конгресса Интернационала, написали брошюру против бакунизма, обличавшую предательскую роль анархистов в Интернационале.

Ни политическая реакция, охватившая всю Европу после поражения Коммуны, ни личные материальные невзгоды не могли поколебать политические убеждения Лафарга и его горячую веру в неизбежность грядущей победы дела Маркса.

В 1877 г. в Париже начала выходить социалистическая газета «L'Egalité». Сгруппировавшиеся вокруг газеты социалисты во главе с Жюль Гедом вступили в резкую борьбу против господствовавших в ту пору в рабочем движении оппортунистических течений, отрицавших классовую борьбу и социализм. Лишенный возможности вернуться во Францию, Лафарг, оставаясь в Лондоне, принимает самое деятельное участие в возрождении французского социалистического движения и в организации Рабочей партии. В 1880 г. в Лондоне Лафарг и Гед, при содействии Маркса и Энгельса, вырабатывают программу Рабочей партии, вводная часть которой была продиктована Марксом. В 1880 г. Лафарг на страницах «L'Egalité» помещает ряд замечательных теоретических статей: «Классовая борьба», «Рабочая партия и капиталистическое государство», «Эволюция и революция». Этими статьями было положено начало систематической пропаганды революционного марксизма во Франции. После амнистии 1880 г. Лафарг, вернувшись во Францию, возглавляет совместно с Ж. Гедом Рабочую партию.

Лафарг был активнейшим борцом за объединение французского пролетариата на основе марксистской программы, против которой выступили все мелкобуржуазные оппортунистические группировки — бакунисты, прудонисты, профессионалисты и кооператоры и пр. После раскола французской Рабочей партии в 1882 г. на оппортунистов-поссибилистов и марксистов Лафарг вместе с Гедом стал во главе марксистской партии.

Огромная заслуга Лафарга заключается в том, что он повел против поссибилизма резкую и непримиримую борьбу (правда, не без отдельных ошибок).

Лафарг решительно выступил против Мильерана, который в 1899 г. вступил в буржуазное правительство и занял министерский пост рядом с палачом Парижской коммуны генералом Галифе. В среде гедистской партии Лафарг был наиболее решительным врагом оппортунизма и реформизма. С трибуны объединенного конгресса в Жани (Париж, 1899 г.), на массовых рабочих собраниях, со страниц органа партии «Le Socialiste» Лафарг клеймил позором Мильерана и так называемых «независимых социалистов» во главе с Жоресом, разоблачая их предательскую политику и требуя изгнания реформистов из рядов партии. Он был самым горячим сторонником разрыва гедистов с жоресистами, что осуществилось в 1900 г.

В дальнейшем, с 1905 г., когда произошло вновь объединение гедистов и жоресистов, Лафарг остался самым решительным врагом оппортунистической тактики Жореса, к которой на деле скатывалась и большая часть гедистов.

Неправильно считая, что 70 лет — предельный возраст для человеческой жизни, в котором человек становится бесполезным членом общества, Поль и Лаура Лафарги 1 декабря 1911 г. покончили с собой.

Больше чем 45 лет своей жизни Лафарг посвятил неутомимой

борьбе против капиталистического строя, против всевозможных разновидностей оппортунизма и ревизионизма, стараясь высоко держать непобедимое знамя Маркса и Энгельса. Однако эта честная, беззаветная борьба Лафарга против открытых и замаскированных врагов пролетариата не была свободна от ряда существенных ошибок и заблуждений. Рецидивы былого анархизма в деятельности Лафарга зачастую очень сильно давали о себе знать. Не избежал Лафарг этих ошибок и в понимании основного вопроса марксизма — в вопросе о диктатуре пролетариата. В отличие от оппортунистов из II Интернационала Лафарг считал невозможным мирный переход от капитализма к коммунизму, через буржуазный парламентаризм. Борясь против поссибилизма, анархизма, жореснанского реформизма и бернштейнианства, Лафарг отстаивал историческую необходимость диктатуры пролетариата, но глубоко ошибался, сводя ее значение к осуществлению лишь «экспропрнации экспроприаторов».

«...Диктатуру пролетариата, — пишет товарищ Сталин, — переход от капитализма к коммунизму нужно рассматривать не как мимолетный период в виде ряда «революционнейших» актов и декретов, а как целую историческую эпоху, полную гражданских войн и внешних столкновений, упорной организационной работы и хозяйственного строительства, наступлений и отступлений, побед и поражений. Эта историческая эпоха необходима не только для того, чтобы создать хозяйственные и культурные предпосылки полной победы социализма, но и для того, чтобы дать пролетариату возможность, во-первых — воспитать и закалить себя, как силу, способную управлять страной, во-вторых — перевоспитать и переделать мелко-буржуазные слои в направлении, обеспечивающем организацию социалистического производства» [1].

Лафарг же сводил задачи диктатуры пролетариата именно к осуществлению отдельных «революционнейших» актов и декретов. Ему казалось, что коль скоро эти мероприятия, и в их числе, в первую очередь, конфискация капиталистической и феодальной собственности, будут осуществлены, то тем самым антагонистические классовые противоречия отпадают и государство, как таковое, становится излишним. Скатываясь к анархо-синдикализму, Лафарг писал о необходимости на следующий же день пролетарской революции передать все орудия и средства производства в руки «коллективов-производителей».

Не менее грубые отступления от марксизма Лафарг допускал и национальном и крестьянском вопросе.

Лафарг резко бичевал реформистов, но во имя формального единства не шел на разрыв с ними и продолжал работать в одной партии с Реноделем, Самба, А. Тома и др. подобными им, которые уже задолго до войны не имели ничего общего с пролетариатом и революцией. Борясь против открытого оппортунизма бернштейнианского и жоресианского типа, Лафарг одновременно не сумел распознать опасности каутскианства и сам во многих вопросах скатывался к позициям центризма. Дожив до эпохи империализма, Лафарг не понял новой ступени развития капитализма, новых условий борьбы рабочего класса и необходимости выковать новые формы и средства этой борьбы.

В 90-х гг., после значительных успехов Рабочей партии на выбо-

---

[1] И. Сталин — Вопросы ленинизма. Партиздат. 1935. Стр. 26—27.

рах, у Лафарга проявилась переоценка парламентаризма. По большинству принципиальных вопросов Лафарг сочувствовал большевикам, но большевизма в целом он не понял и не сумел до него подняться.

Но как ни серьезны эти ошибки Лафарга, однако, они никогда не вырастали в систему взглядов, ревизующих марксизм. Лафарг был одним из лучших представителей революционного марксизма во II Интернационале.

В течение всей своей жизни Лафарг с революционной воинственностью и страстностью боролся против всевозможных «критиков» Маркса из лагеря буржуазии и ренегатов социализма.

Первые вылазки идеологов буржуазии против «Капитала» встретили уверенный и решительный отпор со стороны Лафарга. В течение 80-х годов Лафарг написал ряд замечательных работ против «критиков» Маркса из лагеря буржуазных экономистов («Теория прибавочной стоимости Карла Маркса и критика П. Леруа-Болье», «Капитал» Карла Маркса и критика Блока» и др.).

Основные философские статьи Лафарга были написаны им в период ожесточенной борьбы против тех или иных оппортунистических течений, каждое из которых стремилось подвести под свои антимарксистские, ревизионистские взгляды соответствующую философскую основу. Так, например, в разгар борьбы против жоресианского реформизма появилась в 1895 г. работа Лафарга — «Идеализм и материализм в объяснении истории». В период борьбы против бернштейнианского оппортунизма и неокантианской ревизии марксизма Лафаргом был написан ряд статей против кантианства и идеализма вообще. («Le matérialisme du Marx et l'idéalisme du Kant», «Les matérialistes-idéalistes», позже — «Проблема познания» и т. д.).

В 90-х и 900-х годах в условиях прогрессирующего разложения буржуазной идеологии и роста всевозможных мистических и религиозных течений Лафарг дает целый ряд марксистских исследований по вопросам философии, морали и религии. Эти работы были изданы отдельной книгой под названием «Экономический детерминизм Карла Маркса». Однако теоретические работы Лафарга не свободны от ошибок.

В вопросах философии имеется у Лафарга ряд отступлений от диалектического материализма; он допускает отклонение в сторону механицизма и биологизма (механистическое перенесение дарвиновского принципа борьбы за существование в теорию борьбы классов, немарксистский подход к вопросу о человеческом мышлении: «Мозг обладает свойством мыслить, как желудок — свойством переваривать пищу» и т. д.).

Тем не менее в своих теоретических работах Лафарг был непримиримым борцом против врагов марксизма. Изучение любой теоретической проблемы нужно было Лафаргу для атаки на буржуазное мировоззрение, для освобождения сознания пролетариата от влияния буржуазной идеологии. Открытая классовая направленность, политическая заостренность и боевой тон теоретических и публицистических работ Лафарга приводили в негодование многих схоластов из II Интернационала. «Вандервельде и другие товарищи, — писал Лафарг, — возмущаются тем, как я непочтительно и «бесшабашно» разоблачаю вечные идеи и принципы. Называть справедливость, свободу, отечество метафизическими и этническими кокотками, которые торгуют собой в академических и парламентских речах, избирательных програм-

мах и торговых рекламах — какая ужасная профанация! Если бы эти товарищи жили во времена энциклопедистов, они метали бы громы своего негодования против Дидро и Вольтеров, которые схватили за шиворот аристократическую идеологию и поволокли ее к суду своего разума, которые высмеивали священные истины христианства, Орлеанскую девственницу, голубую кровь, аристократическую власть, божественное право и другие бессмертные вещи»[1].

Круг интересов Лафарга был чрезвычайно широк и разнообразен. У него имеются высказывания по вопросам философии и литературоведения, истории и экономики, политики и религии. Большого внимания заслуживают его исследования о языке, мышлении, мифологии и литературно-критические очерки.

Особенное внимание Лафарг уделял борьбе против религиозного мировоззрения. Он был непримиримым борцом против всех открытых или замаскированных, грубых или утонченных форм поповщины. В отличие от ренегатов марксизма Штампфера, Каутского и др. Лафарг отстаивал марксистскую характеристику религии как «опиума народа» и отвергал всякие попытки примирения ее с социализмом. Разоблачая христианство, которое он считал религией, наиболее соответствующей сущности и классовым задачам буржуазии, Лафарг писал:

«Социальная функция эксплоататорского труда требует от буржуа, чтоб он пропагандировал христианство, проповедуя смирение и послушание воле бога, который делит людей на господ и слуг»[2].

В другом месте он замечает, что «для того, чтобы буржуазный порядок был понятным и терпимым, необходимо, чтобы человек верил в свое обладание душой, которая переживает человека».

Лафарг выступил против идеализации первоначального христианства, протаскиваемой Каутским и другими деятелями II Интернационала. Но в вопросе о возникновении христианства («Идея души и загробной жизни у христиан первых веков») Лафарг допустил ряд ошибок и неточностей. В частности, ему не удалось в полной мере понять христианство как идеологический продукт разложения рабовладельческого общества. Считая христианство типичной религией буржуазии, Лафарг антиисторично и неверно пытается связать его возникновение с развитием «античного капитализма». Увлекаясь аналогиями между восточными мифами и мифами христианской религии, Лафарг часто упускает из виду специфическое содержание христианской религии. Но одновременно с этим Лафарг разоблачает реакционные попытки изобразить первоначальное христианство коммунистическим течением.

«Первые христиане, — пишет он, — были до такой степени не способны к какому бы то ни стало сопротивлению и так далеки были от какой-либо мысли об освобождении в земной жизни, что апостолы, призывавшие к новой вере неимущих и рабов, вовсе не думали их освобождать, — наоборот, они советовали «каждому оставаться в том звании, в котором он призван» (первое послание Павла к коринфянам)»[3].

---

[1] Лафарг — Экономический детерминизм Карла Маркса. Соч., т. III, стр. 14—15.

[2] Лафарг — Вера в бога. Наст. изд., стр. 93.

[3] Лафарг — Происхождение и эволюция понятия души. Наст. изд., стр. 61.

В другом месте Лафарг указывает, что хотя первоначальное христианство сумело воспринять ненависть неимущих к имущим, но оно одновременно успокаивало богачей тем, что уничтожение несправедливости, вознаграждение за добродетели, обещание благополучия откладывало до будущей загробной жизни. «Христианство, — пишет Лафарг, — несмотря на свои первоначальные демократические замашки... было предохранительным клапаном для имущих классов...»[1].

Воинствующие атеистические памфлеты Лафарга наносили удар за ударом по реакционному религиозному мировоззрению, разоблачали мерзкую, контрреволюционную физиономию поповщины. Лафарг показывал, что буржуазия, которая в XVIII в. противопоставляла религии свое материалистическое и атеистическое мировоззрение, боролась против нее насмешкой и порой ножом гильотины, придя к власти, заштопала сильно потрепанную ходом революционных событий и атеистической критикой идею бога, отреклась от «грехов» своей молодости и протянула свои трясущиеся от страха руки к религии и попам.

«Мы — якорь спасения, убежище для буржуазии, — говорит у Лафарга кардинал Антонелли папе Пию IX, — ибо мы ведем людские толпы, пугая их страхом неизвестного; мы знаем тайные слова, которые ломают энергию, укрощают волю и принуждают людское стадо упускать синицу из рук, гонясь за журавлем в небе. Не видишь ты разве, что, подобно орленку, напирающему на скорлупу яйца, чтоб вырваться из него, черный класс рабочих судорожно поднимается, чтоб взорвать форму старого общества. Все привилегированные классы должны будут соединиться, чтобы задушить чудовище, прежде чем оно вылупится. Не видишь ты разве, что страх перед пролетарскими требованиями, страх перед Интернационалом, страх перед коммунизмом связали в один узел интересы господствующих классов всех стран? Чтобы осадить социализм, возрожден священный союз. О, непогрешимый папа, это мы — дух прошедших веков — станем во главе крестового похода против разрушителей цивилизации, которые хотят уничтожить всякое общество, всякую мораль, всякую справедливость»[2].

Читая эти строки памфлета Лафарга, нельзя не вспомнить ныне здравствующего папу Пия XI, глашатая «крестового похода» против Страны Советов во имя все тех же лицемерных фраз: «цивилизации», «морали», «справедливости» и т. п.

Лафарг подчинял антирелигиозную пропаганду основным классовым задачам пролетариата. Он боролся против анархистского и бланкистского выпячивания борьбы с религией на первый план. Он понимал, что только уничтожение капиталистических отношений создаст условия для окончательного преодоления религии. Так, в своей статье «Эволюция — революция» Лафарг пишет, что религия не исчезнет, «пока индивидуальные капиталисты не будут гарантированы от потерь, сомнительных долгов и банкротства, а индивидуальные рабочие — от безработицы и нищеты»[3]. В другом месте он писал:

«Современные средства производства могут быть контролируемы лишь обществом; а для того, чтобы мог установиться такой конт-

---

[1] Лафарг — Происхождение и эволюция понятия души. Наст. изд., стр. 68.

[2] Лафарг — Пий IX в раю. Наст. изд., стр. 216.

[3] Лафарг, соч., т. I, стр. 275.

ль, они должны предварительно стать общественной собственностью: только тогда они перестанут порождать социальное неравенство, создавать богатства для паразитов и нищету для производящих их наемных рабочих и перестанут вызывать мировые кризисы, которые капиталист и его экономисты способны приписывать лишь случаю и неизвестным причинам. Когда общество овладеет средствами производства и станет их контролировать, не будет больше непознаваемого в области социального, тогда — и только тогда — исчезнет окончательно из головы человека вера в бога»[1].

Французская буржуазия пыталась использовать свою шумную антиклерикальную кампанию как средство отвлечения трудящихся от насущных задач классовой борьбы против капитализма. Лафарг в ряде статей подверг самой уничтожающей критике эту лживую антиклерикальную политику французской буржуазии. В статье «Новая перемена фронта французского духовенства» он обрушился на Гамбетту, который бросил лозунг о «сокрушении церкви», надеясь этим путем сгруппировать вокруг себя передовых республиканцев, которым попы внушали страх, и отвлечь рабочих от всякой социалистической агитации, отдавая им ежедневно по одному попу на поживу»[2].

Разоблачая лицемерный антиклерикализм реакционных буржуазных политиков, Лафарг однако допускал ту ошибку, что недооценивал прогрессивного значения демократической борьбы против церкви, борьбы за отделение церкви от государства, за светскую школу и т. д. Во время известного дела Дрейфуса Лафарг занял левацкую позицию невмешательства в борьбу, происходившую между республиканско-прогрессивным и реакционно-клерикальным лагерем.

Лафарг иногда допускал ошибку, объявляя религию частным делом для партии. Но вся практическая деятельность воинствующего атеиста Лафарга и основные защищаемые им установки в корне противоречили этому оппортунистическому лозунгу. Лафарг на деле никогда не руководствовался этим глубоко антимарксистским тезисом.

Отвергая ограниченный буржуазно-просветительский подход к религии, как к продукту обмана и невежества, Лафарг пытался марксистски разработать вопрос о социально-экономических предпосылках возникновения первых религиозных представлений и их эволюции на основе развития общественных отношений. Однако в этих интересных и во многом оригинальных исследованиях Лафаргом допущен ряд серьезных, механистических ошибок и отдельных идеалистических отступлений от марксизма. Так, Лафарг ошибочно пытается объяснить возникновение понятия души у людей первобытного общества лишь «естественными» причинами, взятыми вне и независимо от общественных отношений. Лафаргу не удалось в данном вопросе материалистически переработать накопленный буржуазными этнографами фактический материал. Он в значительной степени подпал под влияние идеалистических теорий анимизма, в частности учения Тэйлора. В духе этих учений Лафарг один из гносеологических источников возникновения веры в душу (например, сновидения) превращает в основную причину появления первоначальных религиозных представлений. «Вдумываясь в свое представление о двойнике, — пишет Лафарг, — измышленном для объяснения явления сновидений, дикарь логически вывел из него ряд понятий, которые нашли себе

---

[1] Лафарг — Вера в бога. Наст. изд., стр. 98.
[2] Лафарг, соч., т. I, стр. 157.

потом место и получили дальнейшее развитие в религиозных и философских системах»[1].

Таким образом, возникновение веры в душу Лафарг пытается объяснить, отвлекаясь от анализа социальных условий жизни первобытного человека, от условий, которые делали дикаря бессильным в борьбе со стихийными силами природы и порождали в его сознании идеи о сверхъестественных силах.

Существенный недостаток Лафарга в исследовании первоначальных религиозных представлений заключается еще в том, что он совершенно не показывает их реакционный характер. Напротив, в работах Лафарга порой мы встречаем определения наподобие того, что «душа, являющаяся лишь цивилизованным синонимом двойника дикаря, была одной из первых научных гипотез человеческой мысли»[2].

Значительно более оригинальной и интересной является та часть работы Лафарга, которая посвящена вопросу об эволюции понятия души. Здесь на основе анализа развития общественных отношений и форм собственности Лафарг показывает изменения представлений людей о душе. В частности, Лафаргу с позиции исторического материализма удается вскрыть причины продолжительного отсутствия представления о бессмертии души у средиземноморских народов (исключая египтян) и возрождении в видоизмененной форме этого понятия за 6—7 веков до начала христианской эры. Эти факты неоднократно были отмечены буржуазными историками, но последние, стоя на идеалистических позициях, не были в состоянии их объяснить.

Однако и в этих частях своего исследования Лафарг не избежал существенных методологических ошибок. Наряду с некоторым схематизмом в исследовании вопроса об эволюции понятия души мы сталкиваемся у Лафарга с попытками установления непосредственной механической связи между отдельными религиозными представлениями и социально-экономическим базисом.

Энгельс в письме (от 21 сентября 1890 г.) к Иосифу Блоху писал: «Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего не утверждали. Если кто-нибудь это положение извратит в том смысле, что будто экономический момент является единственным определяющим моментом, тогда утверждение это превращается в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу»[3].

Лафарг нередко предает забвению это методологическое указание Энгельса и пытается исследуемое религиозное понятие механически свести к тому общественному бытию, которое породило данное понятие. Исследуя, например, эволюцию религиозных представлений о душе, Лафарг пытается рассмотреть те или иные стороны этих представлений как точный аналог, копию материальных процессов, упуская из виду превратный фантастический характер религиозного отражения и его относительную самостоятельность. Лафарг зачастую не учитывает сложную, опосредствованную различными политическими

---

[1] Лафарг — Происхождение и эволюция понятия души. Наст. изд., стр. 6.

[2] Там же.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс — Письма. Изд. IV, стр. 374.

и идеологическими надстройками, взаимосвязь между базисом и религиозными представлениями. Ошибки Лафарга усугубляются еще тем, что сами производственные отношения порой приравниваются им к техническим отношениям, и он вкладывает неверное содержание в понятие способа производства, отождествляя его с техническими условиями труда.

Так, например, Лафарг пытается доказать, что техника мануфактурного труда порождает мистические настроения.

«Ремесла, — пишет он, — в которых ручная ловкость и сноровка играют преобладающую роль, способствовали усилению склонности человека к религиозному мистицизму»[1].

Механистическое выведение тех или иных понятий непосредственно из техники, из технических отношений нашло свое выражение и в исследованиях Лафарга по вопросу о социальных корнях религиозности различных общественных классов в капиталистическом обществе.

В своей работе «Вера в бога» Лафарг устанавливает принципиально различные причины веры у класса буржуазии и крестьян. Если религиозность последних, согласно Лафаргу, вырастает из страха и незнания стихийных сил природы, то корни религиозности буржуазии иные, они кроются в условиях стихийного анархизма товарного хозяйства.

В работах Лафарга получается, что антагонистический характер буржуазного производства порождает религиозные предрассудки только у буржуа.

Лафарг пытался доказать, что пролетариат при капиталистическом строе не может быть религиозен. Индиферентность рабочего класса к религии он выводил из постоянного общения рабочих с техникой. «Работа в механической мастерской, — писал Лафарг, — приводит наемного рабочего в соприкосновение с грозными силами природы, которых крестьянин не знает, но не эти силы господствуют над рабочим, а рабочий их контролирует... Рабочего очень удивили бы, сказав ему, что какой-нибудь бог может, по своему желанию, остановить машины и погасить лампы, которым он дал электрический ток; он ответил бы, что этим анархистским богом является просто какая-нибудь попортившаяся шестерня или разорвавшаяся проводка и что ему не трудно было бы найти и угомонить этого бога-смутьяна»[2]. Лафарг в данном случае объясняет безрелигиозность пролетариата прогрессом техники машинного производства. Безразличие пролетариата к религии он объясняет лишь познанием со стороны рабочих естественных причинно-следственных связей между явлениями. Тем самым вопрос о причинах атеизма и религиозности масс сводится к знанию и незнанию, к старому тезису просветительного буржуазного атеизма о невежестве как источнике религии. Не вызывает сомнения, что при капитализме пролетарий является относительно менее верующим, чем, например, крестьянин, но это объясняется не только ролью пролетариата в техническом процессе производства, как это утверждает Лафарг, а в первую очередь его ролью в классовой борьбе. Пролетарий является единственным классом, который под руководством своей коммунистической партии возглавляет борьбу всех угнетенных за уничтожение капитализма. В этой

---

[1] Лафарг, т. III, стр. 134.

[2] Лафарг — Вера в бога. Наст. изд., стр. 96.

борьбе пролетариат все больше освобождается от кажущейся беспомощности перед стихийными силами капитала и, следовательно, от реакционных религиозных иллюзий.

Таким образом, концепция Лафарга о корнях религиозности различных общественных классов при капитализме страдает существенными недостатками. Лафарг отступает от марксистского анализа социальных корней религии в буржуазном обществе. Он отходит здесь от марксова учения о гнете капитала как основного источника религиозности масс. Анархия производства, стихийность, кризисы и другие проявления сущности капитализма, в которых Лафарг видит лишь источники религиозности буржуа, ложатся в действительности в первую очередь на плечи эксплоатируемых капиталом масс.

«Страх создал богов», — писал Ленин. — Страх перед слепой силой капитала, которая слепа, ибо не может быть предусмотрена массами народа, которая на каждом шагу жизни пролетария и мелкого хозяйчика грозит принести ему и приносит «внезапное», «неожиданное», «случайное» разорение, гибель, превращение в нищего, в паупера, в проститутку, голодную смерть, — вот тот корень современной религии, который прежде всего и больше всего должен иметь в виду материалист, если он не хочет оставаться материалистом приготовительного класса» [1].

Но, как было уже сказано, отдельные теоретические ошибки Лафарга находились в прямом противоречии с практической деятельностью этого неутомимого и талантливого борца против религии и ее истинной социальной основы в буржуазном обществе — гнета капитала.

Атеистические памфлеты Лафарга, печатаемые в настоящем сборнике избранных антирелигиозных произведений Лафарга, до сих пор сохранили (несмотря на имеющиеся в них отдельные ошибки) свое боевое атеистическое значение и будут еще служить нам полезным оружием в практике нашей антирелигиозной пропаганды.

По живости и занимательности изложения и по боевому, задорному духу памфлеты Лафарга стоят в одном ряду с лучшими произведениями французских атеистов XVIII в. Но от французских атеистов Лафарг отличается пониманием классовой, эксплоататорской сущности религии, связи религии с капиталом, и это понимание придает его памфлетам еще большую остроту и убедительность.

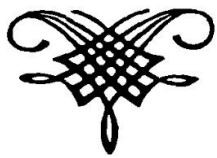
Институт философии Академии Наук СССР

---

[1] Ленин, соч., т. XIV, стр. 71.

Поль Лафарг

ИЗБРАННЫЕ АНТИРЕЛИГИОЗНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ



ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ ДУШИ

„Критическое изучение эволюции понятия собственности должно некоторым образом охватить наиболее замечательные фазы духовной истории человеческого рода".

Морган — Первобытное общество

1. ИЗМЫШЛЕНИЕ ДУШИ

Уже свыше двух тысяч лет философы-спиритуалисты ведут бестолковые споры о душе, об ее сущности и ее качествах, об ее судьбах и о месте ее пребывания в человеческом теле. Декарт, — должно быть, в насмешку, — поместил ее в шишкообразной железе — маленьком тельце, расположенном впереди мозжечка. Другие философы, над которыми издевается Вольтер, давали ей более просторное помещение в мозговых оболочках. Но никто из них не заинтересовался вопросом, когда, почему и как понятие души проникло в человеческую голову, как оно в ней укоренилось и развилось. А между тем вопрос этот заслуживает внимания, хотя бы для того, чтобы найти объяснение того двоякого явления, мимо которого проходят историки и философы: именно, факта исчезновения у древних народов понятия души, которое встречается даже у наиболее низко стоящих дикарей, и нового его появления за несколько веков до христианской эры.

Один английский фольклорист утверждает, что было бы легко проследить у крестьян цивилизованных народов самые грубые суеверия африканских негров. Этому нечего удивляться; ведь понятия дикарей занимают почетное место в философии спиритуалистов и в религии христиан; а понятие души зародилось у дикарей.

Первобытные люди, более идеалистичные, чем это обычно думают, спиритуализируют все. Индивидуальная собственность — этот идеал цивилизованных людей — появляется у них лишь в нематериальной форме. Прежде чем дикарь начинает обладать материальной собственностью, он обладает уже нематериальной собственностью, собственностью на свое имя. Это имя дается ему при достижении зрелости в особом обряде посвящения, пережитком которого является христианское крещение. Это имя — его самое ценное достояние, и когда он хочет засвидетельствовать своему другу любовь каким-нибудь бесценным подарком, он меняется с ним именами. Индивидуальная собственность встречает на своем пути столько трудностей, что даже это имя является лишь пожизненной собственностью, принадлежащею племени и возвращающейся к нему после смерти личности [1].

Душа, нематериальное начало жизни, покидающая тело после смерти, чтобы продолжать свое существование на земле или под землею, на небе или в аду, есть измышление дикарей, усовершенствованное цивилизованными людьми.

Существуют такие проблемы жизни и природы, которые

---

[1] Слово, логос, по Платону, является разумом и интеллектом (и действительно, чем были бы они без языка?), есть характерная черта человеческого рода. Римляне называли новорожденного неговорящим — in-fans. Это чудесное свойство производит такое яркое впечатление на наивное и сильное воображение дикарей, что они приписывают словам существование, независимое от обозначаемых ими предметов; слова суть их души, их призраки — agalmata, — говорил Гераклит; они действуют, как живые существа. Греки верили, что проклятия отца или матери доносились до Гадеса, где будили эринний и вызывали их на землю. Проклятия обладали такой страшной силой, что евреи и китайцы наказывали смертью сына, проклявшего своего отца. Знание имени какого-нибудь лица давало обладателю этого знания магическую силу над ним. Поэтому дикарь скрывает свое имя от чужестранцев. Даже в наше время в Китае народу неизвестно имя членов царствующего семейства. Под страхом смертной казни запрещено называть императора по имени. Его можно обозначить лишь его эмблематическими названиями: солнце народа, голубая искра и т. д. Имя божие не раскрыто в библии, евреи и христиане его не знают. Тому, кто знал бы его, достаточно было бы произнести его, чтобы заставить бога выполнять все его пожелания. По словам Павсания, раскрытие посвященным имени кабирских божеств и аркадской владычицы было одним из обрядов их таинств. Бертло говорит, что эта вера в силу слов была «смутным предчувствием той власти, которую наука должна была некогда дать человеку над природой; она породила то мнение, что возможно отвратить грозящую от богов опасность и даже получить господство над ними одной лишь силой сосредоточенного размышления и магических формул» («Речь на открытии памятника Ренану»).

во все времена занимали мысль человека. Как только человек начал размышлять, он пытался их разрешить и он их решал, как мог и как позволяли ему его знания. Не раз решения первобытного человека — неизбежно ошибочные — становились общепринятыми истинами и служили основанием для идеологических построений, разрушать которые приходилось потом веками. Так, например, представление, что солнце вращается вокруг земли, возникло в отдаленнейшие времена, и если его удалось научно опровергнуть, то оно, тем не менее, сохраняется в языке цивилизованных народов, которые говорят о восходе и заходе солнца.

Своеобразные физиологические явления сна и сновидений, которые смущали Паскаля и которые до настоящего времени не получили еще вполне удовлетворительного объяснения[1], очень тревожат дикаря, который для объяснения их измыслил душу, ибо он не сумел и не мог найти ничего более простого и остроумного, как раздвоить человека на твердое, осязаемое, видимое тело и воздухообразный, неосязаемый и невидимый дух.

Дикарь не сомневается в реальности своих сновидений. Если ему снится, что он путешествует, дерется, охотится, то он считает, что все это так и было. Но так как, проснувшись, он оказывается на том же месте, на котором заснул, то он умозаключает, что во время его сна «некий другой он» — двойник, как он выражается, — покинул его тело и отправился охотиться или драться, а потом вернулся к своему телу, которое тогда и просыпается. Австралиец воображает, что уход двойника происходит в то время, когда спящий храпит. Если двойник почему-либо не возвращается, то тело не просыпается; не следует раздражать это второе «я», — иначе оно может не вернуться; нельзя будить сразу спящего человека, ибо его дух может быть далеко, — надо делать это медленно и осторожно, чтобы дать ему время вернуться. В некоторых местах в Индии считают, что изменить лицо спящего, причесав его или прилепив ему усы, значит совершить убийство, ибо двойник, не узнав своего телесного обиталища, не сможет вернуться в него, и спящий умрет. Если двойник при жизни человека покидает иногда тело, чтобы вести самостоятельное существование, то он может также

[1] «Никто, — говорит Паскаль, — не может знать (если не говорить о вере), спит ли он или бодрствует, ибо и во сне мы думаем, что бодрствуем... и так как полжизни проходит во сне, то кто знает, не является ли та половина, когда мы считаем себя бодрствующими, другим, несколько отличным от первого сном, от которого мы пробуждаемся тогда, когда думаем, что спим» («Pensées», VIII, I).

пережить разложение трупа. Дикарь не сомневается в этом, ибо ему случается видеть своих умерших предков и товарищей: во время сна его навещают их духи, т. е. их двойники. Так как дикарь допускает лишь смерть от ран и несчастных случаев, то, когда кто-нибудь умирает от старости или болезни, он воображает, что какой-нибудь колдун похитил у него двойника или что какой-нибудь зловредный дух завлек его во время ночного странствования и не дает ему вернуться в свою телесную оболочку. Двойник — это своего рода жизненное начало, поддерживающее жизнь в теле и причиняющее ему смерть, когда оно его покидает.

Вдумываясь в свое представление о двойнике, измышленном для объяснения явлений сновидений, дикарь логически вывел из него ряд понятий, которые нашли себе потом место и получили дальнейшее развитие в религиозных и философских системах; выработанная им с помощью этого представления идеология дала ему объяснение множества явлений, естественных причин которых он не мог найти. Душа, являющаяся лишь цивилизованным синонимом двойника дикаря, была одной из первых научных гипотез человеческой мысли.

Душа представляет как бы дубликат тела, — у нее есть голова, руки, ноги, сердце, живот и т. д.; она развивается вместе с телом, растет и уменьшается в объеме и в силе по мере того, как человек растет и стареет. Эскимос, жизнь которого проходит в смене периодов изобилия и лишений, воображает, что его двойник толстеет и худеет одновременно с его телом. Всякая часть души пребывает в соответствующем ей органе тела. Платон перенял и философски разработал это представление о локализации души, дающее индусу возможность понимать последовательную смерть органов, умирающих один за другим по мере того, как их покидает их частица души, так что окончательно смерть наступает лишь с уходом последней частицы.

Двойник неосязаем, подобно тени. Тень, отбрасываемая телом, принимается дикарями за душу. Дикари, живущие под экватором, где тела не имеют в полдень тени, не выходят в этот час из своих хижин из страха потерять свою душу и умереть. У греков было то же представление: они думали, что люди и животные, проникшие в святилище Зевса на Ликейской горе, теряли свою тень и умирали. Изображение человека в ясной воде или на отполированной поверхности есть изображение его души; если ударить по изображению, то ранят душу. Миф о Нарциссе и средневе-

ковое «наваждение» находятся, вероятно, в связи с этим верованием; если взять портрет какого-нибудь человека и унести его, то уносят его душу; поэтому дикари не позволяют снимать с себя портреты.

Душа есть легкое дуновение, tenuis aura; греческие и латинские слова, употребляемые для обозначения души — pneuma, psyche, anemos, anima — первоначально обозначали «дуновение». Блаженный Августин отмечает, что в греческом тексте Нового завета дух святой постоянно называется святым дуновением, to hagion pneuma; на кресте Иисус, по словам св. Иоанна, «преклонил главу и предал дуновение» (XIX, 30). Эту душу-дуновение можно слышать: австралийцы слышат духов, живущих у них, подобно дриадам греческой мифологии, на деревьях, когда они прыгают с ветки на ветку. Душа вылетает через естественные отверстия, главным образом через нос и рот, и в это время ее можно поймать на удочку или же заключить в тыкву. Герои «Илиады» думали, что она «вылетает через раны — и тогда туман застилает глаза» — и что ее можно извлечь, как чужеродное тело. Патрокл «вырвал душу Сарпедона вместе с острием своего копья» («Илиада», XVI, 505).

Хотя душа может, когда пожелает, совсем покинуть тело, однако она должна воплощаться в каком-нибудь предмете; она остается поэтому прикрепленной к трупу, а когда мягкие части тела истлевают, она укрывается в скелете, преимущественно в черепных костях. Вот почему, желая иметь поблизости души предков, дикари хранят головы мертвых и даже простые кости; караибы укутывали такие кости в хлопчатую бумагу и обращались к ним, спрашивая у них советов.

Греки заботливо сохраняли лопатку Пелопса, ибо они верили, что если обладать костями мертвеца, то и его душа находится здесь поблизости. Кимон перевез в Афины скелет Тезея, дабы афиняне могли пользоваться услугами его души. Геродот рассказывает, что, когда македоняне похитили у тегейцев кости Ореста и перенесли их в Спарту, они получили «в сражениях большое превосходство над тегейцами» (I, § 68). В основе почитания католиками чудотворных мощей святых лежит то же верование. Одной из главных причин успеха христианства было то, что оно усвоило и систематизировало представления дикарей, сохранившиеся в греко-латинской цивилизации. Уверяют, будто обычай дикарей поедать трупы родных носит мистический характер и объясняется желанием дать душам родных живое обита-

лище и сохранить их в пределах семьи и племени. Египтяне бальзамировали мертвых, чтобы сохранить для души в наилучшем виде ее телесное жилище. Масперо предполагает, что многочисленные статуи и статуэтки покойника, которые находят в гробницах, ставились там, чтобы, в случае разрушения мумии, душа могла в них поселиться.

Под влиянием верования, что душа мертвеца обитает в могиле, где похоронен его труп, дикари стали думать, что она воплощается в надмогильных кольях и камнях; тасманийцы и перувианцы устраивали браки между надмогильными камнями лиц различного пола. Считалось, что деревья, растущие на могилах, и живущие среди них животные одухотворялись душами покойников. Когда из могилы Анхиза показался уж, решили, что в уже воплотилась его душа. Вероятно, из этого верования зародилось представление о метемпсихозе, а может быть, и обычай дикарей принимать за тотемы, т. е. за предков, животных, растения и даже неодушевленные предметы.

Душа мертвеца бродит, несчастная, вокруг своих родных, пока они не положат его в могилу, которая становится его обиталищем. Поэтому-то ирокезы и греки так старались подбирать тела воинов, павших на поле битвы. Обычай зарывать трупы вместо того, чтобы оставлять их без погребения на съедение животным, как это некогда делали эскимосы, заставляет предполагать, что понятие души восходит к отдаленнейшей древности, ибо, по мнению антропологов, погребения в некоторых пещерах относятся к палеолитической эпохе, т. е. самой древней эпохе, в которой найдены несомненные следы человека. Лишь в эпоху бронзового века погребение было заменено сжиганием трупа, ибо, как мы увидим далее, понятие души за это время изменилось.

Дикарь, со своими детскими представлениями о природе, воображает, что он может повелевать стихиям, как органам своего тела, и что он может магическими словами останавливать солнце, вызывать бурю, дождь и т. д. У духов мертвых эта власть над стихиями больше, чем у живых. Когда дикарю не удается вызвать самому какое-нибудь явление, он обращается к духам мертвых. Их помощь настолько постоянна, что он не перестает молить их о помощи: отправляясь на охоту, краснокожий не преминет попросить у них благоприятной погоды и изобилия дичи. Так как к просьбе вождей прислушиваются скорее, нежели к словам простых смертных, то последние поручают вождям заступаться за них в трудные минуты перед духами мертвых, и вождям

приходится расплачиваться, если они не имеют успеха в своей миссии. Когда африканским неграм не удается своими молитвами прекратить продолжительную засуху, они ведут своих царьков к могилам предков вымолить у них дождь, и если дождь все же не приходит, они осыпают царьков ударами и даже убивают за то, что они не хотят молиться или молятся недостаточно усердно. Скандинавский король Олаф был в IX веке сожжен живым за то, что не мог склонить души предков прекратить голод.

Души мертвых способны производить все явления в природе; они ниспосылают болезни и излечивают от них. В «Одиссее» рассказывается о больных, страдающих от жестоких болей, причиненных «враждебными духами» (V, 396). А тасманийцы клали своих больных вокруг одра мертвеца, чтобы его дух вылечил их. Души имеют такое сильное влияние на растительность, что когда жители Новой Гвинеи засевают какое-нибудь поле, они в центре его кладут бананы и сахарный тростник, призывают по именам предков и говорят им: «Вот ваша пища, сделайте так, чтобы урожай был обильный. Если он не взойдет хорошо и не будет обильным, это будет позором для вас, а также и для нас».

Духи мертвецов семьи и племени оказывают услуги их членам. Они приходят к ним во сне, дают им советы и защищают их от мертвых и живых врагов. Они принимают участие в их войнах и сражаются за них. Греки видели в битвах при Марафоне и Саламине, как душа Тезея сражалась во главе войск с персами (Плутарх, «Тезей», § 35). Иногда дикари, чтобы добыть себе могущественного духа, убивали человека, отличавшегося выдающимися достоинствами. Можно почти с уверенностью сказать, что если таитяне убили капитана Кука, которого они глубоко почитали, то ими руководило лишь желание, чтобы его душа осталась с ними. То же самое едва не случилось с сэром Ричардом Бертоном, который нарядился брамином для исследования неизвестных областей Индии. Он так хорошо разыгрывал свою роль, что его сочли святым, и в одной деревне замышляли его убить. Лукиан и Павсаний упоминают о существовании в Афинах могилы некоего скифа, Токсариса, душа которого творила чудесные исцеления; возможно, что для этого-то он и был умерщвлен. Это верование сохраняется и в христианстве. Иисус обречен богом на крестную смерть, дабы спасти верующих от вечных мук. В средние века города, церкви, часовни владели могилой или костьми какого-нибудь святого или святой, дабы иметь к своим услугам

душу мертвеца. Венецианская республика, желая обзавестись защитниками против папы и султана, вывезла из Александрии останки св. Марка и выкрала из Монпелье останки св. Рока. Когда два города или два народа вели между собой войну, духи тоже сражались друг с другом: в «Илиаде» боги и богини, являющиеся обожествленными душами, принимают участие в битвах — одни на стороне греков, другие на стороне троянцев. Клисфен, сикионский тиран, во время войны с Аргосом просил город Фивы уступить ему останки Меланиппа и Менестея — двух знаменитых воинов фиванского цикла, чтобы противопоставить их души душе Адраста, аргосского героя.

Души мертвых могут оказывать услуги живым только потому, что они в своих могилах продолжают жить; а раз они живут, они нуждаются в необходимых для жизни вещах. Австралиец зажигает ночью огни около могил, чтобы души могли согреться, и приносит пищу, чтобы они могли насыщаться, а для утоления их жажды проливает на могиле кровь, молоко или другую жидкость, и так как почва впитывает жидкость, то он воображает, что души выпили ее. Гомеровские греки обращались к мертвецам по имени, когда устраивали в их честь возлияния из сладкого вина и из воды, смешанной с медом или посыпанной мукой («Илиада», XXIII, 220; «Одиссея», XI, 26 и т. д.).

Привычка зарывать в землю на могилах зерна и клубни корнеплодов в качестве пищи для душ мертвых могла, как предполагает Грант-Аллен, внушить мысль об их разведении. Трудно объяснить себе, каким образом дикарь мог открыть, что, зарыв в землю зерна и клубни, он через более или менее продолжительный промежуток времени получит урожай из подобных же зерен и корнеплодов. И действительно, если бы их просто зарывали в неподготовленную почву, не выполов предварительно прежней растительности и разных сорных трав, последние заглушили бы посаженное семя, как глушатся семена деревьев в травянистых степях. У дикаря и без того достаточно хлопот при сборе зерен и корней, которыми он питается, и вряд ли ему могла притти в голову мысль зарывать их в землю в надежде собрать подобные же зерна через неопределенный срок. Культ душ покойников должен был его бессознательно привести к производству опытов по взращиванию растений. И действительно, зарывание зерен и клубней в могильные холмы было своего рода земледельческим опытом, которого он сам не мог бы придумать. Опыты эти производились в наи-

более благоприятных условиях, так как насыпанная на могиле земля тщательно очищалась от всяких трав, корней и камней и часто поливалась кровью и другими жидкостями. Охраняемые и питаемые таким образом растения росли лучше, чем в диком состоянии, и давали обильный урожай. А так как дикарь не сознавал, что он непроизвольно ухаживает за ними, то он, естественно, стал приписывать их роскошное произрастание действию души мертвеца. Тогда ему пришла в голову мысль расширить вокруг могилы засеваемое пространство в надежде, что душа окажет свое содействие произрастанию зерен на более обширной площади. Таким образом он начал возделывать обширные пространства при том же активном содействии души мертвеца. Гипотеза Грант-Аллена объясняет также и то, почему дикари роют могилы посреди возделываемых ими полей и почему в периоды посева они просят души предков дать им обильный урожай. Процессии в полях и крестные ходы у католиков в периоды посева, в течение трех дней до вознесения, являются пережитком времен дикарей.

Дикарю, не знающему своего возраста и имеющему только зачаточные познания в счете, недоступно понятие вечной длительности. Поэтому у него еще не может быть и помысла о бессмертии души, которая живет, как верит дикарь, до тех пор, пока сохраняется память о покойнике. Первобытный человек верит в посмертное существование духов своего отца, деда и прадеда, которых знал или о которых он слышал, и души всякого человека, память о котором почему-либо сохранилась [1]. Но так как духи мертвецов, память

---

[1] Души мертвых, предохраняемые традицией от забвения, становятся центром кристаллизации легенд; сохраняясь в памяти живых, они начинают рассматриваться как виновники чудес, приписываемых дикарями духам; поэтому к ним начинают взывать при всяких обстоятельствах и постепенно, незаметно для самих дикарей, они естественно становятся высшими духами, богами.

История греческого слова daimon и его производных дает возможность проследить этапы этой эволюции. В единственном числе оно означает «дух», а во множественном «маны», т. е. тени мертвых. Оно происходит от слова daiomai — разделять, делить — и отражает представление дикаря о разделении, делении, раздвоении человека на твердое тело и воздухообразный дух. Гомер, Гесиод и Эсхил пользуются им для обозначения богов, которые, перед тем как взобраться на Олимп, обретались, подобно Иисусу, на земле. Слово это встречается в таком смысле неоднократно в «Илиаде» (I. 222; III, 420; V, 438; XI, 792; XVII, 98 и т. д.). Отцы церкви употребляют его для обозначения демонов. Оно дает начало словам daimonion — «божество» у классических авторов и «демон», «нечистый дух», «дьявол» у церковных писателей, и daimonio — обоже-

о которых утерялась, могут все же существовать, то по отношению к ним ведут себя так, как если бы не сомневались в их существовании. Суданский негр, совершая приношение своему предку, говорит ему: «О, отец, я не знаю всех твоих родных, ты знаешь их всех, пригласи их разделить с тобой эту пищу». Порфирий сообщает, что греки обращались с молитвами и совершали жертвоприношения душам, имен которых они не знали, «из опасения, что если выказать им пренебрежение, они могут захотеть причинить зло... между тем как они нам делают добро, когда им воздают почести». Павсаний рассказывает, что из подобных же соображений в Афинах воздвигали храмы неизвестным богам, т. е. неизвестным обожествленным душам.

Дикарь, не отделяющий себя от животных, в которых вселяется и обитает его душа и которых он считает своими предками, наделяет их душой. И так как его логика не отступает ни перед какими выводами, то он наделяет душой также землю, луну, солнце, звезды, растения и даже неодушевленные предметы. Анаксагор счел необходимым дать душу, nous, даже вселенной. В воображении дикаря и варвара все обладает душой. Вот почему на могилах и кострах мертвецов они приносят в жертву животных и ломают утварь и оружие; они хотят, чтобы души этих животных и предметов отделились и продолжали и в загробном мире оказывать услуги покойнику.

2. ИЗМЫШЛЕНИЕ РАЯ

Лишь только открыт двойник, этот зародыш души спиритуалистической философии, как открытие это обращается против своего творца: человек всегда был жертвой того, что он создавал своим мозгом и своими руками.

Дикари больше страшатся мертвых, чем живых. Они живут в непрестанном страхе перед невидимыми, но всегда присутствующими духами. Они приписывают им все обрушивающиеся на них беды, все несчастные случаи, ранения, болезни, старость, смерть. Так, в «Илиаде» боги, т. е. обоготворенные души, направляют копья и дротики, ранящие воинов. Духи, которые могут быть полезными товарищами, в то же время крайне мстительны; они мстят за реальное или мнимое зло, причиненное им при жизни и после смерти.

ствлять, быть обожествляемым; христиане дали ему значение — демонизировать, быть одержимым дьяволом.

Страх перед этой местью побуждает родных и врагов умирающего мириться с ним, дабы душа его их не мучила, и поскорее удалиться от его трупа, вокруг которого она бродит. Дикари покидают хижину и даже становище, где произошел смертный случай; они оставляют местность, чтобы сбить со следа душу мертвого, перестают произносить его имя, чтобы душа не подумала, будто ее призывают, и не прилетела на этот зов. Если нельзя бежать от покойника, его хоронят, связав его, чтобы душа не вырвалась, и насыпают над могилой холмик; для большей безопасности на могилу кладут камни. Если это труп врага, то ему ломают позвоночник и отрезают большие пальцы рук, чтобы он не мог натягивать лук. Греки отрезали покойнику кисти рук и ступни, чтобы он не мог сражаться. Грант-Аллен рассказывает, что в протестантской Англии труп самоубийцы пронзают колом, пригвождая его таким образом к могиле, чтобы помешать душе его вырваться из нее. Страх перед духами имел, однако, и менее мрачные последствия: у сиу он является, говорят, сдерживающим началом, не допускающим до убийства, а другие племена он заставлял отказаться от людоедства, чтобы не навлекать на себя мести жертвы [1].

Души хищных животных также считаются опасными. Сорок шестая песня Калевалы, драматически описывающая охоту на медведя у древних финнов, подробно рассказывает о предосторожностях, какие надлежит предпринять, чтобы предотвратить месть убиваемого животного. Когда, убив его, с него снимают шкуру, к нему обращаются с самыми ласковыми и льстивыми словами, называя его «стройной медовой ногой, древним человеком, знаменитым героем» и т. д., а убийца его, герой-певец Вейнемейнен, старается убедить его, что он не был убит копьем, но что он сам наткнулся на ветвь дерева.

Но, несмотря на все эти предосторожности, причудливое воображение дикаря не может освободиться от ужаса, внушаемого ему душами мертвых: дикарь убежден, что они окружают его и причиняют ему множество бед. И вот ему пришла в голову мысль отвести им определенную территорию для их местопребывания; под влиянием аналогичного чувства шотландские крестьяне в средние века при переделах земли выделяли для сатаны участок земли, который

[1] По сообщению «Temps» от 10 января 1902 г., один норвежский миссионер, которого сакалавы собирались убить, пригрозил им, что его дух останется среди них; опасаясь его мести, они оставили его в живых.

оставался необработанным. Назначенное для духов местопребывание находится обыкновенно за морем или на вершине горы, которую живые тщательно избегают. Этим объясняется, почему самые древние божества живут в пещерах и на вершинах; им, по выражению библии, поклоняются «на высотах», которые становятся священными местами. Ягве, бог Авраама, т. е. обоготворенный дух предка, явился Моисею на горе Синае, на «освященном месте», куда можно было ступить только «разутым». То же самое было в святилище Зевса в Додоне, жрецы которого ходили босыми. Иосиф рассказывает, что Моисей по неведению завел своих овец в это место, куда, несмотря на цветущее пастбище, местные пастухи не водили своих стад («Древности», II, гл. 12).

Чтобы душа добровольно отправилась в свое последнее жилище, ей указывают, что ей нечего больше делать среди живых. Бодосы Индии говорят мертвецу, предлагая ему рис и напитки: «Пей и кушай. До сих пор ты пил и кушал с нами, — теперь ты уже этого не можешь. Ты был один из наших, — теперь ты перестал им быть. Мы не будем больше ходить к тебе, — не приходи больше к нам». Даяки на острове Борнео, желая напугать душу покойника, заявляют ей, что если она останется с ними, ее жилищем будет лишь тростниковая корзина, а ирокезы в вечер похорон выпускают птицу, чтобы она поскорее унесла душу; у греков и римлян существовал подобный обычай еще до христианской эры. Но души были упрямы и не торопились покидать родных и друзей, которые иногда вынуждены бывали прибегать к насилию, чтобы заставить их убраться: австралийцы и негры с Золотого Берега, чтобы заставить души покинуть становища и деревни, бегают взад и вперед и поражают воздух дубинами, издавая рычания. Они уверяют, что спят спокойнее и наслаждаются лучшим здоровьем после подобного изгнания душ. Но эти героические битвы не лишены опасности: Гауитт видел, как один мужественный австралийский воин зачах, потому что позволил себе преследовать духов.

Чтобы не прибегать к подобным тягостным и опасным мероприятиям, дикарь придумал остроумное средство. Он снабдил загробное жилище мертвых всеми радостями и удовольствиями, какие только мог придумать, чтобы душа не колебалась перебраться туда и потеряла всякую охоту вернуться к живым. Все первобытные народы измыслили загробный рай, где души продолжали восхитительным образом

свое земное существование. Душа австралийца, карабкаясь по веревке, добирается до отверстия в облаках, через которое попадает в другой мир, где все лучше, чем на земле. Когда австралиец хочет сказать, что кенгуру жирно и вкусно, он заявляет, что оно похоже на кенгуру заоблачной страны. Греки гомеровских времен думали, что боги пробирались в свое небесное жилище через отверстия в облаках. Души ирокезов преследовали и убивали бизонов в изобиловавших дичью охотничьих чащах. Души гренландцев жили в стране, где была вечная весна, где солнце всегда было на небе и было изобилие лосей, тюленей и морских птиц. Души скандинавов сражались днем и пировали по ночам в Валгалле, в сообществе лучезарных валкирий. Души мертвых продолжали в этих загробных жилищах земное существование среди блаженства, неведомого живым. Поэтому догомеровские греки, прощаясь с мертвецом, говорили ему: chaire! радуйся!

Греки прошли по тем же идеологическим путям, по которым шли дикари, ибо они жили в тех же условиях, которыми эти пути были обусловлены. Во время золотого века, как сообщает Гесиод, души мертвецов, подобно душам дикарей, бродили по земле, не имея жилища. Когда же души стали им надоедать и беспокоить их, греки отвели им местопребывание на высочайшей вершине Олимпа (в Греции и Малой Азии несколько гор назывались Олимпом) и наделили его всевозможными увеселениями, чтобы доставить душам жизнь «блаженных», как они выражались, daimones, духов. Обоготворение духов Олимпа во времена «Илиады» было столь недавнего происхождения, что «новые боги», как их называет Эсхил, едва отличались от гомеровских героев. До того как боги стали жить на Олимпе в качестве духов, они родились и жили на земле как люди; подобно воинам «Илиады», они снабжены копьями и эгидами, они сражаются и передвигаются на колесницах, они живут во дворце с позолоченными панелями, пируют под песни Аполлона и муз, в то время как Геба разливает им нектар. Они получают ранения, которые заставляют их рычать от боли, у них семейные ссоры и неприятности, их мучают всякие душевные огорчения; они присутствуют на священных пиршествах смертных и сердятся, если их не приглашают. Богини любят заниматься туалетом, разукрашивают себя и опрыскивают себя благовониями подобно земным красавицам. Нравы обитателей Олимпа те же, что и нравы людей, от которых они отличаются лишь силой, ростом, текущей в

их венах жидкостью, ichor, более нежной, чем кровь, благодаря амброзии, которой питаются, а также способностью становиться невидимыми и превращаться в животных и неодушевленные предметы. Афина в «Илиаде» превращается в птицу и в пламя. Греки принимали появлявшихся неожиданно животных за богов, которые хотели присутствовать инкогнито на интересующем их зрелище.

Греческий Олимп, подобно загробным обиталищам других дикарей, был одинаково доступен душам всех мертвых, душам женщин, как и душам мужчин. Но когда Зевс победил титанов, защитников матриархального строя, и водворил на Олимпе патриархат, он изгнал Кроноса, Гайю, Деметру и других богинь матриархальной эпохи. Он закрыл Олимп для душ людей, предоставив его для духов, которые поддерживали его и признали его патриархальную власть [1]. Но греки, не бывшие еще в это время подготовленными к отмене загробного рая, заменили Олимп, в качестве местопребывания душ мертвых, Островом блаженных, «расположенным далеко от Олимпа бессмертных... где земля трижды в год приносит плоды, сладкие, как мед», — говорит Гесиод. Это новое обиталище, которым правил Кронос, было аристократическим раем, в который допускались лишь полубоги и герои фиванских и троянских циклов; подобно Олимпу, он был закрыт после того, как они вошли в него; одни только души Гармодия и Аристогитона имели счастье попасть на Остров блаженных. Елисейские поля, о которых впервые упоминается в «Одиссее» (IV, 563 и след.), представляют собою более гостеприимную репродукцию Острова блаженных; они «расположены на краю земли... Люди ведут там блаженную жизнь, там нет ни снега, ни долгой зимы, ни дождей, воздух постоянно освежается дуновениями зефира, посылаемыми Океаном».

Загробное жилище, измышленное дикарями с целью освободиться от беспокоивших их душ мертвых и обставлен-

---

[1] Если очистить богатую и поэтическую греческую мифологию от напластования символических, аллегорических и мистических выдумок, которыми ее перегрузили и затемнили философы и поэты классической эпохи и александрийского периода и в которые внесли окончательный хаос немецкие мифологи и их плоские подражатели во Франции и Англии, она становится неоценимым кладом доисторических обычаев, сохранившим память о нравах, которые путешественники и антропологи наблюдают у диких народов нашего времени. (В «Мифе о Прометее» я исследовал мифологические рассказы Гесиода, Эсхила и Гомера, повествующие о введении патриархата на Олимпе).

ное со всевозможным комфортом, чтобы отнять у них желание его покинуть, стало затем для самих дикарей приятным обетованием и надеждой на счастливое продолжение земной жизни. Вера в это блаженное местопребывание укоренилась в воображении первобытных людей, достигших известной ступени развития, так крепко, что они умерщвляли людей, чтобы они могли передавать туда новости с земли, и что мужчины и женщины добровольно шли на смерть для исполнения роли вестников.

Загробный рай был сначала свободно открыт для всех членов племени, для женщин и мужчин, независимо от их заслуг или прегрешений. Он был не наградой, а правом. К тому же желание поскорее избавиться от душ мертвых было слишком сильно, и потому не ставили никаких препятствий к их допущению в рай. Но когда души привыкли стремиться попасть в рай, решили использовать его в качестве средства морального воспитания. Ацтеки усеивали препятствиями путь, ведший в загробный мир; богиня Теогамика, подруга бога войны Вицлипуцли, переносила туда души воинов, павших на поле битвы или под пытками у врагов; валкирии рыскали по полям битв, чтобы подобрать души убитых скандинавов и быстро доставить их в Валгаллу; керы, которых послегомеровская мифология изображает фуриями, бегающими посреди кровопролития, щелкая своими длинными, остро отточенными зубами и споря из-за трупов (Гесиод, «Щит Геркулеса»), вероятно были, подобно богине Теогамике у ацтеков и валкириям у скандинавов в догомеровские времена, водительницами душ воинов, убитых в сражениях. «Одиссея» (XIV, 207) и гомеровский гимн Аресу изображают их влекущими в Гадес души воинов, указанных майорами. У ацтека, умершего на поле битвы или под пыткой, должен был, как и у египтянина, быть паспорт, и он должен был знать пропускной пароль, чтобы быть принятым в рай, куда допускались лишь души мужчин и женщин в цвете лет. Души старцев отправлялись в место, где спали вечным сном, а души детей воплощались снова, чтобы иметь шансы достигнуть возраста воинов. Алгонкины хоронили своих детей вдоль дорог, чтобы их маленькие души могли проникнуть в лоно проходящих женщин и снова родиться.

Лишь только укрепилась вера в загробное обиталище, стали поспешно убирать трупы, дабы разлучить души с их телесным вместилищем. Вместо того чтобы, согласно обычаю, хоронить труп, его стали сжигать. Научились торопиться с погребальными обрядами, чтобы у покойника не было

никаких оснований оставаться среди живых: душа Патрокла является ночью его другу Ахиллу и требует скорых похорон, «вещи, самой приятной для мертвых». Так как духи продолжали в другом свете жить земной жизнью и им нужны были животные и другие предметы, которыми они пользовались на земле, то на костре сжигали лошадей, собак, а иногда и людей, и ломали оружие и другие предметы, чтобы их двойники продолжали свою службу мертвым. Улисс находит в Эребе, «откуда нет возврата», своих покойных товарищей, одетых в свои доспехи; однако и воины, и оружие были двойниками, неосязаемыми тенями. Но Гадес XI песни «Одиссеи» уже не «местопребывание блаженных», не радостное обиталище, измышленное дикарями; духи ведут в нем жизнь столь мрачную, что гордый Ахилл, сын богини, изливает свою скорбь и готов променять царскую власть над мертвыми на жизнь сельского раба. Когда эта песнь была написана, греки в течение нескольких поколений жили в патриархальном строе, нравы которого совсем не соответствовали уже идеологии дикарей.

Дикари, изобретя душу для объяснения явлений сновидений, а затем загробное обиталище, чтобы избавиться от душ мертвецов, дали идеологические элементы, которые впоследствии легли в основу понятия бога и были использованы спиритуалистической философией и христианской религией для создания учений о бессмертии души и о небесном рае. В идеологии дикарей не встречается совершенно упоминания об аде. Тэйлор замечает, что когда дикари говорят об аде, это значит, что они уже вступили в соприкосновение с христианами, которые им внушили представление о нем. Однако представления дикарей о рае различаются между собою. Караибы, например, утверждают, что в краю блаженных, где плоды произрастают в изобилии и где души с утра до вечера пляшут и пируют, их враги — араваки являются рабами и что трусы-караибы будут прислуживать душам араваков. В греческой мифологии представление об аде начинает отчетливо вырисовываться лишь в начале патриархальной эпохи, когда Зевс, «бог отцов», становится владыкой Олимпа. Но Тартар, «с медным порогом и воротами»,— только темница, в которую Зевс заключил и где он пытает своих личных врагов; там он заковал в цепи, вдали от солнечного света, своего отца Кроноса и титанов («Илиада», VIII, 13 и 481).

3. ЗАТМЕНИЕ ПОНЯТИЯ ДУШИ

Понятие души, занимающее столь значительное место в идеологии коммунистических племен дикарей и варваров, претерпело продолжительное затмение у средиземноморских народов, за исключением египтян. В это время по привычке и рутине продолжают еще выполнять погребальные обряды, которые, однако, потеряв всякий смысл для тех, кто им следовал, постепенно изменяются. Перестают приносить жертвы на кострах, появляется законодательное ограничение числа предметов, сжигаемых только напоказ, ибо они совсем не нужны мертвецу, у которого уже нет души. Греки продолжают, как и в прошлом, говорить покойнику: радуйся! Но вера в то, что душа продолжает жить, умерла.

Феогнид и авторы «Притчей» и «Екклезиаста», эти древние философы буржуазного пессимизма, советуют наслаждаться земной жизнью, ибо со смертью кончается все. Одна и та же участь, по уверению еврейского моралиста, предназначена человеку и животному: «Как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимуществ перед скотом... Кто знает: дух сынов человеческих восходит ли вверх, и дух животных сходит ли вниз, в землю?.. Вот что я нашел доброго и приятного: есть и пить и наслаждаться добром во всех трудах своих... Это — дар божий... Наслаждайся жизнью... во все дни суетной жизни твоей... Все, что может рука твоя делать, по силам делай; потому что в могиле, куда ты пойдешь, нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости» («Екклезиаст», III, 19—21, V, 18—19; IX, 9—10). Мегарский поэт Феогнид точно так же уверен в том, какой ему жребий уготовлен после смерти. «Я буду лежать, — говорит он, — в глубине земли, безгласный, подобно камню». Вера в будущую жизнь совершенно заглохла, и Тиртей может предложить тем, кто жертвует собой для отечества, лишь бессмертие славы; а Перикл в знаменитой речи, произнесенной при погребении первых жертв Пелопонесской войны, может обещать им лишь «бессмертную хвалу и самую почетную усыпальницу». Уже в «Илиаде» Зевс дает своему сыну Сарпедону, убитому Патроклом, «лишь могилу и надгробный памятник, ибо такова награда мертвых» («Илиада», XVI, 675 и сл.)[1]. Вера в посмертное существование души по-

[1] «Илиада», являющаяся сборником народных песен, составленных в разных местах и в разное время, описывает, естественно, и

является после Гомера лишь у Пиндара, — говорит Целлер в своей «Истории греческой философии». То же явление наблюдается у римлян и других народов бассейна Средиземного моря и вообще у всех народов, достигших известной ступени развития; исключением являются только египтяне, и это объясняется тем, что они сохранили матриархальную семью даже в историческую эпоху. Но понятие души, которое, казалось, навеки исчезло из человеческого мозга, возрождается с новой силой за шесть-семь веков до х. э., становясь затем излюбленной темой спиритуалистической философии и главной основой буржуазной морали и христианской идеологии.

Историки, отметившие исчезновение и возрождение понятия души, ограничились лишь упоминанием об этих странных явлениях, но не пытались их объяснить и вскрыть их причину. Впрочем, привычными для них методами мышления они и не могли найти необходимого объяснения. Причины указываемых явлений можно рассчитывать вскрыть, лишь применив исторический метод Маркса, лишь ища их в экономической среде. Только изучая превращения собственности и способов производства, можно надеяться найти причины, которые определили эволюцию в человеческой голове созданных дикарями представлений о душе и о ее загробном местопребывании.

Собственность и производство предметов, необходимых для материальной жизни, прошли ряд форм, обусловивших собой семейный и политический строй, а также соответствующие нравы, верования и воззрения.

Коммунизм был социальной колыбелью человечества, и этой первой форме общественного устройства соответствуют первобытные представления о душе и ее загробном жилище. Пока существует эта форма общественного устройства, члены рода, а иногда и племени, живут в одном общем доме, и так как они равны между собою, они имеют равные права на достояние родовой или племенной общины. Разницу в этом отношении можно заметить разве лишь между полами. Мужчина, занимающийся главным образом охотой, доставляет средства пропитания, которыми распоряжается

различные верования и нравы: в то время как в XVI песне Зевс не обещает своему сыну Сарпедону загробной жизни, душа Патрокла в XXIII песне просит Ахилла поторопиться с его похоронами, чтобы он мог отправиться в Гадес, «откуда душа уже не вернется, после того как ей воздадут почести костра».

женщина; она их сохраняет, готовит из них пищу и распределяет ее. Эти важные функции обеспечивают за ней интеллектуальное и социальное превосходство. Женщина является своего рода провидением для беззаботного и непредусмотрительного дикаря; от колыбели до могилы она думает и заботится о нем. Так как человек вырабатывает свою идеологию с помощью интеллектуальных элементов, почерпаемых из его повседневной жизни, то естественно, что дикарь стал обожествлять женщину. Доисторические эллины и латиняне ставили свою судьбу под начало богинь, мойр и парк, moirae, parcae, имена которых означают по-латыни— «бережливых», а по-гречески — долю, какую получает каждый при дележе пищи и добычи. «В руках мойр находится руль необходимости... Сам Зевс не мог бы избежать своей судьбы», — говорит Эсхил в «Прометее» (V, 516—559).

Это экономическое равенство неизбежно влечет за собой равенство и в других условиях материальной и духовной жизни. Поэтому, когда дикарь измышляет душу и ее загробное жилище, он снабжает душами всех членов племени — как женщин, так и мужчин — и открывает доступ в рай всем душам. Это жилище — общее, как и земной дом. Все души, вне всякой зависимости от их заслуг или провинностей, переходят в это жилище, чтобы там в радости продолжать вести коммунистическую жизнь, которую они покинули на земле. Мужчины охотятся за дичью, а женщины шьют из кож платья и ведут хозяйство. Древняя итальянская богиня Мания, мать манов, т. е. мать духов мертвецов, изображение которой, помещенное у ворот дома, защищало от всякой опасности, царствовала, подобно греческой Прозерпине, в царстве теней: женщина продолжала в мире мертвых исполнять те же функции, что и на земле, и правила домом. Пока существует первобытный коммунизм рода, представления о посмертном существовании души и о ее загробном блаженстве отличаются большой живучестью.

Но когда замужние женщины рода, жившие раньше под одной кровлей, отделяются друг от друга и поселяются каждая в отдельном доме, род, бывший прежде общей семьей, распадается на ряд частных семей, во главе которых стоит сперва мать, а впоследствии отец. Каждая семья является собственницей дома, в котором она живет, и окружающего его сада. Хотя пахотная земля еще остается общей собственностью, но она уже не возделывается сообща: она перераспределяется ежегодно между семьями. Эти ежегодные переделы постепенно выходят из обычая; каждая

семья становится собственницей участка, доставшегося ей при последнем переделе. Пока переделы продолжаются, земля распределяется между главами семей пропорционально числу хозяйств, находящихся под их началом.

Эта экономическая эволюция, которую я набрасываю здесь в самых кратких чертах, не могла не отразиться на воззрениях по вопросу о существовании души. Уничтожение общего дома вызвало аналогичное явление и в загробном мире, где исчезло общее жилище душ. Установление патриархальной семьи и раздробление общей собственности на отдельные хозяйства, ставшие частной собственностью отдельных семейств, повлекло за собою другое, весьма примечательное идеологическое явление: все члены семьи, за исключением патриарха, потеряли свои души; он один сохранил ее, так как он один был собственником. Всякий человек, не имевший собственности, был лишен души. Женщины, которые в первые времена патриархата не владели даже собственным телом, ибо их продавали и покупали, словно скот, также потеряли свою душу; представление о том, что у женщины нет души, настолько укоренилось в древности, что в течение ряда веков его продолжали придерживаться и в христианстве, хотя одним из самых могучих средств пропаганды последнего было учение о том, что все люди имеют душу. Всех членов патриархальной семьи, за исключением отца, постигла судьба женщины: они потеряли свою душу, ибо не владели собственностью. Хотя дикарь наделял людей и животных душой, которая росла и убывала вместе с телом, и хотя он интересовался ее загробной судьбой, однако он мало задумывался над вопросом об ее происхождении; он считал, что вообще рождаются с душой, как рождаются с сердцем и руками. Патриарху душу стала давать теперь собственность патриархальной семьи, и это продолжалось до тех пор, пока платоновская софистика и христианская религия не стали приписывать функцию наделения душой божеству. Так как загробное жилище было отменено, душа патриарха должна была ютиться в семейном склепе, к которому не мог бы приближаться и которого даже не мог бы видеть чужестранец, в центре дома и вблизи очага, хранительницей которого душа патриарха становится. Чтобы ясно осведомить мертвеца, что отныне здесь его жилище, греки и римляне, опуская его в склеп, прежды называли его по имени; римляне при этом торжественно прибавляли: animam sepulcro condimus — мы опускаем твою душу в склеп.

Мифологические рассказы позволяют проследить у греков главные фазы эволюции представления о душе. Олимп, бывший общим жилищем, открытым для всех духов мертвецов, закрывается для них, как только Зевс завладевает им, вводит там патриархат, выгоняет титанов, Гайю, Кроноса и других духов, защищавших матриархальный строй, и предназначает его исключительно для духов, которые сражались за него и стали предками патриархальных семейств на земле. Остров блаженных, расположенный далеко от Олимпа, является местопребыванием героев и полубогов фиванских и троянских циклов; эти полубоги — сыновья богов и смертных женщин — были первыми предками патриархальных семейств, которые через них связаны были с обожествленными духами Олимпа. Не все члены патриархальной семьи без сопротивления дали лишить себя души. Они продолжали попрежнему приписывать себе душу. И вот, чтобы отбить у них всякую охоту к загробному существованию, придумали Эреб, куда стали переселять их души. Они были так несчастны в этой ледяной местности, куда никогда не проникал солнечный луч, что они сами отказались от столь ужасного посмертного существования. А чтобы сделать совсем невыносимой мысль о бесконечном продолжении жизни, рассказывали, будто Тифон, которому Зевс при своем бракосочетании с богиней Авророй дал, в виде свадебного подарка, бессмертие, впал в такой маразм, что стал предметом всеобщего отвращения, и будто Главк, который, потершись травой, посеянной Кроносом, стал бессмертным, тщетно пытался утопиться, чтобы избавиться от недугов старости.

Главу патриархальной семьи наделяли душой из утилитарных соображений. Это нуждается в объяснении.

Патриархальная семья, в отличие от индивидуалистической буржуазной семьи, не сводилась только к трем непременным элементам: отцу, матери и детям. Она была группой хозяйств, ибо если от дочерей избавлялись, выдавая их замуж, то сыновья не покидали отцовского дома, а вводили в него своих законных жен и своих наложниц. Глава семейства имел, таким образом, под своим началом семьи своих дядей, братьев и сыновей. Все эти хозяйства владели сообща домом, некоторым неотчуждаемым имением и правами на ежегодное распределение земель, оставшихся общим достоянием племени и рода. Глава семейства распоряжался всем имуществом семейного коллектива, и он представлял его при земельных переделах. Если он умирал без законного наследника, то коллектив терял свои права. Поэтому

глава семейства обязан был родить сына, а если это ему не удавалось, то патриархальная мораль заставляла его развестись с женой или предоставить ее родственнику, замещавшему его в исполнении супружеских обязанностей. Дитя, родившееся от этого требуемого моралью и религией прелюбодеяния, признавалось предками и всей семьей в качестве законного наследника; оно считалось потомком предков. Теленок принадлежит не собственнику быка, который покрыл корову, а собственнику коровы, — говорит индийская формула кодекса Ману. Эта необходимость иметь законного наследника, чтобы сохранить за патриархальным коллективом его права собственности, объясняет, почему предки всегда были озабочены тем, чтобы живущий глава семейства имел сына, «спасителя очага», как говорит Эсхил в «Хоефорах», ибо сын — «спаситель от ада», т. е. от экономического разорения, как говорит Брама. Сын же является в христианстве искупителем, спасителем от ада. Когда впоследствии женщина приобрела благодаря приносимому ею приданому некоторые права в семействе, то она отказалась подчиняться этому обязательному, столь же моральному, сколь и религиозному прелюбодеянию; тогда дано было главе семейства право усыновлять ребенка, чтобы он был его наследником. У римлян акт этого усыновления совершался у супружеского ложа, как бы в доказательство того, что усыновленный ребенок на нем зачат.

Патриарх, представлявший предков и олицетворявший семью, был собственником ее достояния лишь по уполномочию и владел им только пожизненно; он не имел права ни раздроблять его, ни завещать по своему усмотрению; он лишь управлял им в интересах членов семьи. Он в своем лице объединял права собственности всего семейного коллектива, неограниченным владыкой которого он был; если он не мог отчуждать достояние семьи, он зато имел право бить, продавать в рабство и убивать ее членов. Все они, мужчины и женщины, лишены были по отношению к нему и собственности, и прав, и души; он один обладал душой, потому что он один владел собственностью.

Когда умирал какой-нибудь член семьи, ему воздавали традиционные погребальные почести; его труп сжигали согласно обычному ритуалу; но собрав, вымыв в вине и сложив в нише его обугленные кости, им больше не занимались. Другое дело, когда умирал глава семьи. Его душу присоединяли к ряду предков. В Риме сохраняли их восковые маски и проносили их перед трупом умершего главы

семьи и во время больших публичных церемоний: умерший, подобно предшествовавшим ему патриархам, становится божеством, объектом семейного культа. Пока он был жив, он был связью между семьей и предками; когда он умирал, — он сам становился предком. Другие же члены семьи, не обладавшие душой, умирали целиком и не были объектами никакого культа; они были, как называют их Гесиод и Эсхил, «смертными людьми».

Но душа давалась патриарху лишь для того, чтобы при жизни и после смерти он заботился о семейной собственности: при жизни он должен был управлять ею в интересах семьи, после смерти он должен был интересоваться тем, как ею управляют другие.

Соображения высшего порядка заставили приписать душу патриарху. На первых этапах патриархальной семьи не легко было заставить мужчин и женщин, вышедших из родового коммунизма, в котором царило равенство, признать власть отца. История Зевса, как она рассказывается в «Илиаде», поэмы Гесиода и «Прометей» Эсхила дают представление о трудностях, которые пришлось преодолеть земным отцам в их стремлении сосредоточить в своих руках управление семьей. Боги — отцы семейств, чьи потомки живут на земле, но на Олимпе они дети Зевса, которого «Илиада» и «Прометей» Эсхила называют отцом, ибо они подчинены его патриархальному деспотизму. Он мог установить свою власть только силой; по бокам его трона было двое служителей — Сила и Насилие, всегда готовые повиноваться ему, — говорит каллимаховский гимн Зевсу. Их-то он послал с Гефестом заковать Прометея. Чтобы усмирить Посейдона («Илиада», XV, 227), он должен был прибегнуть к кулакам и «сильно потеть»; ему удалось установить мир, лишь разделив с обоими братьями наследство Кроноса и подвергнув позорным наказаниям Геру, свою сестру и супругу. На земле каждое вскрытие завещания должно было вызывать подобные споры и столь же острую борьбу; дочери покойника отказывались подчиняться власти своих братьев, а последние ссорились и дрались между собой из-за того, к кому должно перейти управление семьей. Весьма вероятно, что сперва сыновья делили между собой оставшееся имущество и каждый из них основывал, подобно Зевсу, Посейдону и Гадесу, свою самостоятельную семью или же, подобно Этеоклу и Полинику, поочередно управляли семьей. Равный раздел имущества между детьми мужского пола вероятно предшествовал праву первородства; в кодексе

Ману встречаются оба способа наследования. Но когда право первородства вошло в нравы, новый глава семьи — в некоторых странах им становился младший сын — мог проявлять свою власть по отношению к своим дядьям, братьям, их женам и детям, лишь используя их предрассудки, лишь выдавая себя за уполномоченного покойника, дававшего ему из глубины своей могилы советы и приказания; повинуясь ему, они лишь подчинялись воле души мертвеца, который вместо того, чтобы переселиться на Остров блаженных, оставался навсегда в семейном склепе. Этим объясняется, почему поторопились закрыть доступ на Блаженные острова, лишь только туда были отправлены души полубогов и героев Фиванской и Троянской войн. Мертвые патриархи слишком нужны были для управления семьей, чтобы им можно было разрешить роскошь загробной жизни в этом восхитительном месте. И именно для того, чтобы лишить их всякой охоты покидать склеп, расположенный у очага, хранителями которого они считались, греческая мифология стала изображать в столь мрачных красках жизнь душ в темном и ледяном Гадесе.

Души мертвых, внушавшие такой страх дикарям, стали божествами — хранителями для людей патриархального периода. Они поселили душу в центре дома, чтобы она защищала семью, вела ее дела и давала советы патриарху, наследовавшему ей и не принимавшему ни одного важного решения, не посоветовавшись с предками. Предки отдавали всю свою загробную энергию на служение одним лишь интересам семейного коллектива, окружавшего их совершенно частным культом, к которому не допускался ни один посторонний; замужним женщинам и рабам дозволялось принимать участие в этих церемониях лишь после совершения над ними обрядов усыновления. В культе предков, который Фюстель-де-Куланж изображает в таких сентиментальных тонах, целиком отражается весь завистливый и эгоистический характер частной собственности.

Души дикарей продолжали в загробном жилище свое земное существование; они сами заботились о своих нуждах: охотились, ловили рыбу, собирали плоды и изготовляли себе оружие и одежду. Совсем иначе обстояло дело, когда уничтожен был загробный рай, и душам приходилось жить в семейных склепах, — теперь родным пришлось взять на себя заботу об их пропитании и содержании. Мертвецы не мучают больше живых; наоборот, их самих мучит теперь мысль, что живые могут перестать заботиться об их со-

держании. Индусы полагали, что они беспрестанно повторяют: «Пусть в нашем потомстве всегда рождаются сыновья, чтобы они приносили нам рис, молоко и мед». Греки и римляне, над которыми издевается скептик Лукиан, думали то же самое. «Мертвецы, — пишет он, — питаются приношениями и возлияниями, которые мы делаем над их могилами, так что мертвецу, не оставившему на земле ни родных, ни друзей, нечего есть, и он обречен на вечный голод» («De luctu»). Манихейский епископ Фауст упрекал христиан в том, что они ведут себя как язычники и «угощают маны мертвых вином и мясом». Возражая ему, блаженный Августин признает, что верующие действительно приносят пищу на могилы мучеников, но, — прибавляет он, — они ее тут же съедают или раздают бедным [1].

Пришлось изменить идеологию, унаследованную от дикарей, и придумать другое объяснение для сновидений. Дикари думали, что в сновидении является душа живого или мертвого человека; теперь от этого объяснения нужно было отказаться, ибо, за исключением патриарха, никто из живых или мертвых не имел души. Тогда предположили, что лица, навещающие спящего человека, это — призрачные видения, посылаемые богами. Это объяснение встречается уже в «Илиаде», хотя гомеровские эллины успели прожить в патриархальном строе всего в течение нескольких поколений. И действительно, когда воины прекращают битву и начинают перечислять свою генеалогию, после трех или четырех человеческих предков они доходят до бога, т. е. до неизвестного отца, как это было при матриархате с его материнской филиацией. По приказанию Зевса, похожий на Нестора призрак является в сновидении Агамемнону, чтобы побудить его вступить в бой («Илиада», II). Афина, желая

[1] Верование, что следует кормить мертвых, было всеобщим; приходится констатировать, как это ни странно, что оно продержалось во Франции до XVII века. Риказоли, итальянский посланник при дворе Франциска I, пишет: «Хотя король умер, но ему подают каждое утро и каждый вечер его обычную пищу. Так будет до его погребения. Вокруг стола стоят кардинал Турнон, адмирал и другие лица, стоявшие там во время его трапез и при его жизни. Ему прислуживают так, точно он еще жив: попрежнему кравчие пробуют блюда и напитки, а потом, во имя божие, раздают всем бедным» (письмо от 13 мая 1547 г. Fonds Medici. Цитировано в «Petit temps» от 15 июля 1894 г.). По словам Тэйлора, Сенфуа, живший при Людовике XIV, рассказывает в своих «Essais historiques sur Paris», что в течение сорока дней после смерти короля перед его восковым изображением накрывали стол, епископ благословлял пищу и произносил молитвы до и после еды.

успокоить Пенелопу относительно судьбы Телемаха, послала ей призрак, похожий на ее сестру: «Ее сердце преисполнилось радостью, ибо не трудно было истолковать сон» («Одиссея», IV). Сновидение перестало быть физиологическим явлением, как это смутно представлял себе дикарь, — оно стало вестью божества, смысл которой надо было угадать. Истолкование сновидения стало таким важным делом, что эсхилов Прометей гордится тем, что научил смертных объяснять сны, и что истолкование сновидений породило целый класс людей, эксплоатировавших человеческую глупость и ставших профессиональными толкователями снов и предсказателями будущего.

Дикарь выработал свою идеологическую систему, взяв исходным пунктом ошибочное объяснение сновидений: человек обладает невесомым двойником, который действует во время его сна и который переживает его; хотя труп погребен под холмиком из земли и камней, но душа может выходить из могилы и беспокоить живых; чтобы предупредить возможность такого беспокойства, дикарь отводит помещение для души в малодоступных местностях, в пещерах, на вершинах гор, на островах, расположенных на краю земли, и т. д., а чтобы отбить у нее всякую охоту возвращаться на землю, дикарь обставляет самым соблазнительным образом это посмертное жилище, дабы мертвый мог весело продолжать свое земное существование. Когда души привыкли отправляться туда добровольно, он начинает пользоваться этой их готовностью как средством облагорожения нравов. Так как мужество и стойкое перенесение страданий являются крайне необходимыми достоинствами, то он располагает на пути к загробному раю препятствия и всякого рода опасности, которые воины, погибшие на поле битвы или под пытками, легко преодолевают благодаря помощи божеств, между тем как люди, умершие от болезней, могут избегнуть их и преодолеть лишь с помощью амулетов, особых паролей и формул заклинания.

Идеология дикаря изменяется вместе с эволюцией его социальной среды: лишь только члены рода перестают жить в одном общем доме и каждая из входящих в состав рода семья строит себе свой отдельный дом, как и общее для всех душ загробное жилище постепенно улетучивается из воображения людей; но цель была достигнута: души мертвых больше не тревожили живых; если они, подобно Патроклу, являлись своим друзьям и родным, то лишь для того, чтобы попросить поторопить их похороны, — без ко-

торых они не могли попасть в обитель душ умерших, — обещая больше не возвращаться. Страх перед мертвыми исчез настолько, что люди патриархальной семьи могли уничтожить загробное жилище даже до того, как они отняли у членов этой семьи их души. Они оставили душу патриарху лишь для того, чтобы она оказывала семье услуги: не давая ей вести безмятежную, счастливую жизнь на Острове блаженных, в Елисейских полях или в каком-нибудь ином загробном раю, они заключили ее в семейный склеп, где у нее была одна лишь радость — интерес к семейной собственности и одна постоянная забота — желание, чтобы в ее потомстве всегда были сыновья, которые приносили бы ей пищу.

Но и патриархальная идеология должна была, в свою очередь, изменяться вместе с эволюцией ее социальной среды. После того, как хозяйства, объединенные под властью патриарха, распались, разделив между собой общее неотчуждаемое достояние семьи, возродилось понятие души.

4. ВОЗРОЖДЕНИЕ ПОНЯТИЯ ДУШИ

За семь или шесть веков до начала христианской эры в городах Ионии и Греции появляются мистические культы: мистерии кабиров, корибантов, Кибелы, Матери богов, Астарты, Деметры, Деспойны, Диониса Загрея и т. д. Обряды этих мистерий сопровождались дикими воплями, сценами скорби, плачем по поводу похищения молодой богини или смерти искупительной божественной жертвы и кончались шумными и неистовыми проявлениями радости, а иногда оргиями распутства; во время вакханалий женщины с распущенными волосами, одетые, как дикари, в шкуры животных, пожирали трепещущее мясо искупительной жертвы, которую изображали молодая лань или козленок; пасхальный агнец у евреев заменил человеческую жертву, каковую перестали приносить. Культы эти существовали открыто в Аттике во времена Пелопонесской войны; о них говорят поэты, философы и историки. Они перенесены были и в Рим. Сенат в 186 г. до р. х. запретил их и возбудил преследование против последователей, число которых, по словам Плиния, превышало семь тысяч; среди них оказались матроны, принадлежавшие к самым знаменитым семьям республик. Эти культы проникли также в Иудею; Иезекииль, пророчествовавший приблизительно за шесть веков до Иисуса Христа, «восхищенный рукой господа», увидел у

входа в иерусалимский храм «мерзость... женщин, оплакивавших Таммуза», между тем как мужчины раздирали себе лица. Св. Иероним, предпринявший пересмотр перевода Ветхого завета семьюдесятью толковниками, отождествляет Таммуза с Адонисом — искупительной жертвой одного из этих таинственных культов. Иеремия говорит о гневе извечного против женщин, которые «в городах Иудеи и на улицах Иерусалима... воскуривают ладан и совершают возлияния в честь царицы неба... месят тесто, чтобы делать для нее пирожки, в то время как дети собирают дрова, а отцы зажигают огни» (Иеремия, VII, 17—18; XLIV, 18).

Эти таинственные культы воскрешали религии, предшествовавшие патриархату, и были повсюду протестом против официальных религий; греки их допустили и шли на уступки, а римский сенат и еврейский Ягве их преследовали. Тертуллиан, чтобы показать бессилие Юпитера, напоминает, что консулы Пизон и Габиний запретили «Изиде, Серапису и Гарпократу доступ в Капитолий, этот дворец богов... чтобы положить конец непорядкам, вызванным этими пустыми и гнусными суевериями, которые восстановлены были римлянами; они объявили национальными Сераписа и его алтари, Вакха и его беснования» («Апология», § IV). Но Ягве был также бессилен; Таммуз, искупительная жертва в таинстве Афродиты, смерть которого оплакивали и воскресение которого чествовали иерусалимские женщины, ожил в лице Христа — искупительной жертвы христианской религии, заменившей патриархальный культ Ягве.

Эти мистериальные культы, воспроизводившие доисторические нравы и пробуждавшие к жизни понятия и легенды, забытые уже в течение ряда поколений, были в таком явном противоречии с обычаями и взглядами новой эпохи, что древние и современные ученые считали их продуктами чужестранного влияния: по мнению одних, они перенесены были из Египта, по мнению других — из Фракии; третьи, однако, допускают, что это могли быть древние пелазгические религии, запрещенные завоевателями Эллады и продолжавшие втайне существовать наряду с религией победителей. Так в наше время обращенные в христианство краснокожие Мексики втайне поклоняются своим древним божествам.

Заслуживает внимания пол божеств в этих культах: это почти всегда — богини. Если наряду с ними выступают какие-нибудь боги, они им подчинены; когда рядом с богинями этих мистериальных культов фигурируют какие-нибудь

боги, они отступают на второй план и даже должны принимать характерные черты женского пола. Орфические гимны причисляют Диониса и Адониса к обоим полам. Существуют медали из Малой Азии, изображающие Зевса с объемистыми грудями и с цепочками на запястьях. Какая деградация для Зевса «Илиады»!

Происхождение этих богинь было неизвестно. Их называли «родившимися сами собой»; официальные же боги Олимпа родились от известных отцов и матерей, выросли и жили на земле как простые смертные. Христиане первых веков издевались над этим их земным происхождением, забывая, что Иисус тоже родился и жил на земле. Деметра, земля-мать, мать богов, мать всего, как называет ее Эсхил, была богиней одного из таинственных культов, которому поклонялись в городах Ионии, на Цикладах, в Великой Греции (Милет, Эфес, Абдеры, Парос, Аморг, Делос, Митилена и т. д.) и который достиг апогея своей славы в Элевсине, маленькой аттической деревушке, расположенной в шестнадцати километрах от Афин. Согласно приводимому Павсанием преданию (I, § 38), жители Элевсина должны были в доисторические времена защищать с оружием в руках против Эрехтея, базилевса афинян, культ Деметры, запрещенный патриархальными героями, поклонниками Зевса. Мужчины были устранены от участия в обрядах, выполнявшихся под руководством жрицы, которая одна могла совершать жертвоприношения и давать посвящение новым сторонницам; она сохранила эту власть и после того, как ей дали на помощь иерофанта. В Тесмофориях принимали участие только женщины. За несколько дней до празднества они начинали готовиться к нему очищениями и воздержанием от всякого полового сближения. Чтобы очиститься от мужских прикосновений, они садились и ложились на известные растения, среди которых Гезихий упоминает лавр и чеснок. На следующий день они шли босиком позади колесницы, отправлявшейся из Афин и увозившей в Элевсин мистические символы. Впоследствии к этому прибавили новые обряды, на которые допускались уже и мужчины.

Эти возродившиеся религии, в которых верховным божеством была богиня, принадлежали к допатриархальному периоду, когда мужчина и женщина пользовались равными правами. Разделение полов, введенное дикарями в их общинах, повидимому, в целях охраны нравственности и закрепленное специализацией функций, привело к антагонизму полов, доходившему иногда до вооруженных схваток и вы-

ражавшемуся в различии языка, божеств и религий. Каждый пол имел свой тайный культ. Человек, имевший неосторожность присутствовать при обрядах культа другого пола, рисковал жизнью в случае, если бы его открыли, подобно тому как погиб, согласно легенде, Пенфей, спрятавшийся на дереве, чтобы подглядеть дионисовские обряды фиванских женщин на горе Парнасе. Женские религии, запрещенные после установления патриархата, были забыты или сохранились лишь в величайшей тайне среди женщин, живших вне патриархальной семьи. Поэтому «Илиада», рассказывающая о подвигах патриархальных героев, не упоминает об этих культах; она не упоминает среди богов о Деметре, великой женской богине. И если она отвела среди богов место Гере и Афине, то она не упускает отметить, что они подчинились власти Зевса, патриарха Олимпа. Религии с женскими божествами, на возрождение которых в промышленных и торговых городах Ионии указывают историки, были религиями не побежденного народа, а порабощенного пола. Если мифографы нашли аналогии им в религиях Египта и Фракии, то это объясняется тем, что в обеих этих странах еще сохранились к этому моменту нравы патриархальной эпохи.

Возрождение этих религий выдвигает чрезвычайно важную историческую проблему, которой не занимаются ни историки, ни философы, интересующиеся лишь историческими особами и политическими событиями. Почему эти религии диких времен возрождаются как раз в наиболее развитых городах Ионии, этих первых колыбелях наук, философии, искусств и лирической поэзии, — поэзии по преимуществу индивидуалистической, сменившей забытую эпическую поэзию, поэмы которой были как бы сводами исторических, религиозных и практических знаний, полезных людям героической эпохи? [1]

Города, в которых возникли эти идеологические явления, были торговыми и промышленными центрами, и именно потому, что в них процветали торговля и промышленность, они первые ввели в употребление имеющие обязательное хождение монеты с гарантированным весом и ценностью [2],

---

[1] Г-н Виктор Берар доказал недавно в книге «Les Phéniciens et l'Odyssée», 1902 г., что гомеровская поэма изобилует сведениями, полезными для пиратских и каботажных судов Средиземного моря. Они отличаются такой точностью, что почти дослочно фигурируют в мореходных инструкциях современных моряков.

[2] Древнейшие известные монеты восходят к VII веку. Первые

поэтому же они были раздираемы непрерывной кровавой борьбой за обладание властью и собственностью. Смуты, вызывавшиеся производством и обменом товаров, можно понять, лишь имея точное представление об организации древнего города.

Когда варвары оседали в какой-нибудь стране, они изгоняли, истребляли или обращали в рабство туземцев и завладевали их землей, распределяя ее между семьями, главы которых образовывали совет старейшин, управлявший городом. Чужестранцы не имели права жительства в нем, если не занимались каким-нибудь ремеслом; они селились на окраинах города, в домах, собственниками которых они не могли стать, если даже работали и торговали в них в течение ряда поколений. Землей могли владеть лишь семьи, основавшие город, ибо владение ею давало политические права; так как чужестранцы (ремесленники, промышленники и купцы) не были поземельными собственниками, то они всегда оставались чужестранцами, лишенными политических прав; если чужестранец незаконно вносил свое имя в список граждан, имеющих политические права, то в случае изобличения его (как в Афинах во времена Перикла) продавали в рабство. Как бы велико ни было число чужестранцев и как бы они ни были богаты, они лишены были политических прав, даже в городах, ставших промышленными и торговыми центрами. Плутарх рассказывает, что в Эпидавре, весьма цветущем городе, в состав горожан в продолжение очень долгого времени входило лишь 180 человек («Quaest gr.», I); в Гераклее, по словам Аристотеля, состав граждан был еще малочисленнее.

Семьи, владевшие землей и управлявшие городом, составляли аристократический класс; они производили на своей земле все, в чем они нуждались, за исключением некоторых предметов, изготовлявшихся ремесленниками-чужестранцами или добывавшихся с помощью грабежа, этого главного занятия патриархальных героев; поход аргонавтов и Троянская война были подобными грабительскими экспедициями.

золотые и серебряные монеты были отчеканены царем Лидии, в форме черепахи, на острове Эгине. Милетские, эфесские и фокейские греки воспользовались этим нововведением и стали чеканить монеты из золота и электрума — сплава золота с серебром. Раньше употребляли в качестве средства обмена песок, неправильной формы куски, кольца и пластинки из бронзы, серебра, золота и электрума. В городах Египта и Передней Азии встречаются надписи, упоминающие о подобных слитках, с точным и установленным весом.

Богатство какого-нибудь города делало его объектом вожделения героев. Шлиман в своих раскопках на месте древней Трои нашел расположенные друг над другом следы трех пожаров, — тот пожар, о котором рассказывается в «Одиссее», считается вторым по счету.

Чужестранцы не допускались к официальному культу божеств, покровителей города, — исключение чужестранцев было одной из характерных черт патриархальной эпохи. Каждая семья, как и каждый город, имела своих особых богов и свои особые религиозные обряды. Афинские ремесленники в эпоху наивысшего расцвета города имели лишь маленький храм на Акрополе, к западу от Пантеона, посвященный Athena ergane, Афине-ремесленнице. Если чужестранцам и разрешали принимать участие в панафинеях, в которых участвовало все афинское население, то они занимали в них низшее место; их дочери зонтиками защищали от солнца дочерей граждан, несших в корзинах золотые смоквы; их женщины везли в тележках кувшины с водою, между тем как мужчины держали в руках кораблики, — вероятно, миниатюрные копии тех кораблей, которые они должны были содержать и вооружать на свой счет.

Так как в древности чужестранец был врагом, то с ремесленниками, промышленниками и торговцами обращались, как с врагами. Им, как и рабам, воспрещалось носить оружие. Аристократические семьи оставляли за собой привилегию защиты города. Но зато, как только плебеи лавки и мастерской начинали богатеть, на них взваливали налоги, чтобы покрыть расходы на флот, армию, общественные празднества и на содержание ничего не делавших бедных граждан.

В то время как в городах, становившихся центрами промышленной и торговой деятельности, чужестранцы разрастались численно и богатели, образуя мощный демократический класс, способный вести политическую борьбу за свое участие в управлении городами, — аристократический класс, истребляемый войнами и раздираемый внутренними усобицами, непрерывно уменьшался в численности и беднел.

Хозяйства, жившие прежде под властью главы семейства, распадались и раздробляли неотчуждаемое достояние патриархальной семьи, чтобы дать каждому хозяйству отдельный участок земли. В результате этого раздробления, уничтожившего неотчуждаемость поземельной собственности, создалась концентрация земель в руках немногих «высоко-

мерных и надменных семейств», против которых еврейский Ягве мечет громы своего демагогического гнева, потому что они прибавляют «дом к дому, присоединяют поле к полю, так что другим не остается места, как будто они одни поселены на земле» (Исаия, V, 8). Хотя экспроприированные принадлежали к аристократам, однако, потеряв свои земли, они теряли свои права граждан. Они превратились в буйный и голодный плебс, который труд считал унизительным для себя. Государство вынуждено было их содержать. Оно платило им жалованье за посещение собраний, в которых обсуждались государственные дела и разбирались частные тяжбы. По словам Аристотеля, этот обычай существовал во всех демократических государствах. Им часто раздавали продовольствие и деньги, им отдавали мясо жертвенных животных, для них устраивали за счет богатых общественные обеды. Эта буйная толпа обедневших аристократов соединялась с плебеями лавки и мастерской, чтобы свергнуть аристократическое правительство и заменить его демократией. В случае успеха восстания демократы отменяли долги, захватывали достояние богатых, убивали одних, а других изгоняли, распределяли между собой их имущество и выбирали тирана для защиты и охраны своих завоеваний. Тиран поощрял промышленность и торговлю, чтобы удовлетворить буржуазию и найти средства для кормления бедных граждан; Перикл стал даже давать им деньги на посещение театров. Но побежденные и изгнанные аристократы соединялись с врагами города, возвращались из изгнания и с их помощью свергали тиранов, избивали главарей демократии и восстанавливали олигархическое правление. Однако спустя некоторое время снова возобновлялась гражданская война, ибо нельзя было изгнать бедных, ремесленников, промышленников и купцов [1].

Посреди этих экономических событий и порождавшейся ими политической борьбы в промышленных и торговых го-

---

[1] Во Французской революции, этой классовой борьбе между демократами и аристократами, повторились на расширенной до национальных размеров арене перипетии гражданской войны античных городов: младшие члены дворянских семей объединились с буржуазией, чтобы свергнуть аристократическое правительство, экспроприировать дворянство и церковь и поделить между собой их достояние; революционеры отдались под покровительство тирана Бонапарта, чтобы сохранить награбленное добро и завоеванную власть, между тем как дворяне соединились с чужеземным врагом, чтобы отвоевать обратно свое имущество и свои привилегии. Английская революция тоже прошла через те же фазы.

родах все же развивались наука, философия, поэзия и искусство и зарождались элементы демократической религии, которая, по истечении ряда веков, должна была заменить официальные культы аристократического язычества. Историки, игнорировавшие или не придававшие должного значения этим экономическим явлениям и политическим волнениям, не способны были понять разложение античного общества, замещение первобытной философии природы софистикой Сократа и Платона, крах язычества и торжество христианства. Эти крупные исторические события недоступны их пониманию; они не пытаются вскрыть их причины, а когда пытаются — цепляются за вздорные причины и ничего не объясняющие объяснения. Так, например, одни повторяют вслед за первыми христианами, что крах язычества и зарождение и торжество христианства — дело божие; другие, мнящие себя последователями рационалистической философии, приписывают происхождение христианства монотеизму евреев, которые в действительности никогда не были монотеистами и которые, не поклоняясь богам своих врагов, столь же твердо верили, однако, в их существование, как в существование своего Ягве. К тому же видеть в христианстве лишь монотеистическую религию (что, впрочем, не верно, ибо христианская троица состоит из трех отдельных богов) — значит сильно умалить его значение.

Художники, поэты и философы принимали участие в гражданских войнах античных городов. Гномическая, лирическая и драматическая поэзия Греции вся пропитана их духом, да и на философию они наложили свой отпечаток. Все рождается из раздора, война — мать и повелительница над всеми, — говорил Гераклит. Любовь и ненависть — движущие силы, организовавшие хаос, — заявлял Эмпедокл. Остроумная и парадоксальная критика софистов, все подвергавшая анализу и разрушавшая наиболее прочные понятия, была идеологическим отражением тех сдвигов, которые произведены были экономическим развитием в социальном положении и во взаимоотношениях классов и людей. В этом хаосе экономических событий и политических кризисов, потрясавших семейные и социальные учреждения, перевернувших вверх дном общественные и частные нравы, человек в обломках патриархальной семьи снова нашел душу, которой он был лишен со времени его выхода из родового коммунизма. Вот как произошла эта находка.

Когда хозяйства, объединенные под властью патриарх-

распались, семья сведена была к своему буржуазному минимуму — отцу, матери и детям. Разумеется, каждый глава этой миниатюрной семьи желал походить во всех отношениях на главу патриархальной семьи, иго которого он только что отряхнул, и обладать, подобно ему, душой, которая продолжала бы жить после его смерти; и так как каждому мальчику предстояло, в свою очередь, стать главой семейства, то его наделяли душой с самого его рождения. Таким образом, все мужчины наделены были бессмертными душами.

Чужестранцы (ремесленники, промышленники и торговцы), населявшие города, где происходили эти перевороты, не могли построить свои семьи на патриархальный лад: не имея права стать земельными собственниками, они не могли приобрести неотчуждаемое имение, на котором покоилась патриархальная семья. Более чем вероятно, что среди них никогда не угасало представление дикарей о душе и что они по устной традиции сохранили легенды и воспоминания первобытной эпохи. Подкрепляет эту гипотезу то обстоятельство, что представление о душе возродилось сперва в городах, где жили и боролись чужестранцы, и что Гесиод приводит теогонию, отличную от теогонии «Илиады». А Гесиод, как он сам рассказывает, был сыном чужестранца, прибывшего с торговыми целями из Кум в Аскру — беотийский город, где он не имел прав гражданина. После смерти отца Гесиод разделил его состояние с братом Персеем; один этот факт доказывает, что он не жил в патриархальной семье, которая не допускала подобных разделов. У него были какие-то нелады с аристократами, и ему пришлось переселиться, как полагают, в Орхомен, где он и умер. Спартанцы его мало ценили и называли поэтом ремесленников за то, что он описывает их религиозные традиции, а не традиции патриархальных героев, как это делает «Илиада». Он — первый поэт, говорящий о бездомных душах, бродящих в числе тридцати тысяч по земле, как во времена дикарей. «Они облечены в воздух... они охраняют смертных, они следят за судебными тяжбами и за дурными поступками... они распределяют богатства». Эти функции делали из них покровительниц ремесленников и купцов.

Некоторые из этих возрождавшихся культов (мистерии кабиров, корибантов, дактилов Иды и т. д.) были религиями ремесленников и матросов; их божества имели отношение к обработке металлов и изготовлению некоторых инструмен-

тов. Кабиры, которых, согласно Павсанию, называли великими богами, theoi megaloi, считали отцом и господином Гефеста, бога-кузнеца, слесаря, оружейника и столяра, которого Зевс и патриархальные боги вынуждены были пустить на Олимп, подобно тому как земные патриархи терпели в своих городах ремесленников, нуждаясь в их услугах. В Лемносе они назывались клещами, karkinoi; подобно Гефесту, их изображали с остроконечным колпаком и туникой ремесленников, короткой, без рукавов, с разрезом справа, чтобы оставить обнаженным плечо. Один из них назывался Кадмом и считался изобретателем финикийских букв и древних греческих букв, называвшихся кадмейскими. По словам Страбона, им поклонялись в Троаде с древнейших времен. Финикияне помещали их изображения на носу кораблей. Их культ стал весьма распространенным в древнем мире. Недавно в Швейцарии и Ирландии были открыты кабирские амулеты. Ремесленники, которым был запрещен доступ к официальным религиям, были вынуждены сотворить для себя особые божества, соответствовавшие их занятиям и нравам [1]. Кабиры и тельхины сильно походили на духов дикарей: они управляли стихиями, ниспосылали дождь, спускали и укрощали бурю, оберегали жатву, стада и т. д. Посвященный в кабирские таинства носил на шее амулет, который охранял его от опасностей, в частности от опасностей на море: христианская ладонка — это кабирский пережиток. К таинствам кабиров допускались лишь мужчины, но впоследствии они стали доступны также и для женщин и детей.

Эти религии презираемых, угнетенных и лишенных политических прав ремесленников и торговцев прозябали в неизвестности; к тому же они любили окружать себя таинственными обрядами, ибо до наступления эпохи крупной механической индустрии ремесла были таинствами, а их техника была профессиональным секретом, который ревниво скрывали от посторонних и открывали только посвященному; только знание профессиональных секретов позволяло посвященному делать такие работы, которые он иначе был бы не в состоянии производить. Ремесла, в которых ловкость и сно-

---

[1] Средневековые ремесленники, принятые в лоно христианской религии, приспособили ее к потребностям своих цеховых организаций. Парижский теологический факультет осудил в 1609 г., как кощунственные, обряды подмастерьев шорников, сапожников, портных, шапошников и ножовщиков, потому что при посвящении в подмастерье они пародировали религиозные обряды католицизма.

ровка играют преобладающую роль, способствовали усилению склонности человека к религиозному мистицизму[1].

Если тайные религии ремесленников, матросов и купцов и мистерии с женскими божествами различались между собой в ряде важных пунктов, то все же у них был один общий догмат, чуждый богословию официальных языческих религий: они признавали, что все люди имеют душу, переживающую смерть человека, и они обещали своим членам блаженную загробную жизнь. Обладать душой и быть уверенным в блаженной будущей жизни — такова была надежда и честолюбие тех людей, которые вышли из патриархальной семьи, и тех, которые никогда не могли быть ее членами.

Эти религии, которые как своими таинственными обрядами и оргиями, так и своими традициями противоречили духу классической древности, могли утвердиться и распространиться лишь благодаря проповедывавшейся ими вере в душу и в ее загробное существование. И если мистерии с женскими божествами находили больше последователей среди литераторов, философов и богатых людей, то это объяснялось, между прочим, и тем, что этим последним мало улыбалась мысль вступить в соприкосновение с ремесленниками, матросами, лавочниками и всем мелким людом кабирских и аналогичных им культов. Женщины, которые впоследствии с таким же энтузиазмом предались проповеди христианства, вероятно, способствовали торжеству мистерий первобытных богинь, которые напоминали об их былом господстве в семье и возрождение которых позволяло надеяться на освобождение от страшного ига отца и мужа, тяготевшего над ними в течение веков. История умалчивает о роли женщины в этом движении социального и религиозного обновления, но такое движение должно было иметь

---

[1] По словам Бертло, древние ремесленники хранили в такой тайне свои профессиональные секреты, что способы изготовления металлов, указываемые Аристотелем, Плинием, Витрувием и Лейденским папирусом, относящимся ко II веку хр. э., значительно уступают техническим знаниям, которыми обладали уже в течение тысячелетий эти ремесленники древности. О знаниях этих стало возможно судить, благодаря химическому анализу пожертвованных по обету статуэток Халдеи, насчитывающих, по меньшей мере, 6 000 лет, и серебряной вазы из Энтемы, относящейся к эпохе до XXX века до христианской эры. Бронзовые орудия и оружие, которыми дикари заменили соответственные предметы из полированного камня, закалялись обычно с помощью мышьяка, между тем только с XVI века начинают встречаться в рукописях упоминания об этом сплаве.

место, если судить по несправедливым и грубым нападкам на женщин поэтов и философов, по тому, что Платон воспрещает им в своих «Законах» иметь домашние часовни и что Плутарх обвиняет их в том, что они втайне почитают богинь и принимают участие в чужестранных обрядах. Но запреты, повидимому, не имели большого влияния, ибо один персонаж у Лукиана говорит, что «афинянки выходят из своих домов и направляются на поклонение божествам, имен которых мужчины не имеют счастья знать: это какие-то Колиады, Генетиллиды, какая-то фригийская богиня, какое-то празднество, где чествуют ее несчастную любовь к пастуху. К этому нужно прибавить тайные посещения с подозрительными мистериями, на которые не допускаются мужчины» («О любви», § 42). По мере того как культы эти распространялись, изменялись их обряды и ритуал, которые постепенно потеряли свое первоначальное значение и сохраняли лишь драматический характер. Посвящаемые в элевсинские таинства, — говорит Климент Александрийский, — видели в них лишь мистическую драму [1].

Вера в душу, возникшая у дикарей из неправильного объяснения определенного физиологического явления, есть для жителей торговых и промышленных городов интеллектуальная потребность, порождаемая фактами экономической жизни. Она так необходима им, что, если бы они не нашли в преданиях возрожденных таинственных культов вполне готового уже для их пользования понятия души, они бы сами его придумали. Это нуждается в объяснении, которое будет

---

[1] По поводу элевсинских таинств было пролито не мало чернил. Мифологи приписывают необычайно фантастический смысл причитаниям Деметры, когда Плутон похищает ее дочь, и ее радости, когда ей возвращают на несколько дней Персефону. Эти сцены горя и радости были драматизацией отчаяния матерей, когда на первых порах патриархата дочь, проданная отцом и братьями, похищалась хитростью и силой и увозилась в дом мужа, — и их счастья, когда новобрачной в утешение разрешали проводить ежегодно несколько дней в материнском доме. Весьма вероятно, что элевсинские жрецы знали значение этих обрядов, а также значение легенд и традиций допатриархальной эпохи, которые они сообщали и объясняли лишь отдельным посвященным. Вероятно это они ознакомили Эсхила с преданиями относительно введения патриархата, которые он воспроизвел в «Прометее», и Платона с своеобразной формой семьи, которую он требует для воинов своего «Государства» (книга V). Этот строй семьи, о котором не упоминает ни один древний писатель, — не фантазия философа-утописта, а точное описание одной из первобытных форм семьи, какую нашел Л. Морган и описал по воспоминаниям туземцев Гавайских островов, где она исчезла незадолго до открытия островов европейцами.

не бесполезно для понимания героической морали и морали буржуазной.

Патриархальная семья, распадавшаяся в то время, как бок о бок с ней разрастался новый буржуазный класс, живший торговлей и промышленностью, была остатком родового коммунизма. Она обеспечивала всем своим членам, без различия пола и возраста, средства к существованию. Благополучие всех зависело от ее процветания. Ее стада, ее жатвы давали средства для материальной жизни; ее религиозные и исторические предания питали ее духовную жизнь. Индивидуальность каждого сливалась с индивидуальностью семейного коллектива, растворяясь в нем и в городе, которым управляли старейшины, т. е. патриархи. Возделывая землю, всякий знал, что его труд пойдет ему на пользу, а отправляясь на войну, он знал, что его усилия и его смерть будут полезны его городу и его семье. Когда объединенные под властью главы семейства хозяйства распались, исчезло и это общее всем семейное провидение. Каждое отдельное хозяйство могло рассчитывать только на усердие своих членов, число которых было доведено до строжайшего минимума — отца, матери и их детей. Мужчина, выйдя из патриархальной семьи с своей женой и детьми, попадал в материальную и интеллектуальную обстановку человека из буржуазной среды, который работает уже не для коллектива, а для себя лично.

Ремесленники и буржуа (торговцы и промышленники) не ожидали уже своего благополучия от семейного коллектива, все члены которого связаны были узами крови или свойства, они ожидали уже теперь своего благополучия лишь от удачи своих индивидуальных предприятий. Целью их усилий является уже не процветание коллектива, а личное процветание. Все — счастье и несчастье — ограничено рамками индивидуума: получаемое им наслаждение — счастье; переносимое им бедствие — несчастье. Социальная ось переместилась, центром вращения социальной жизни является уже не семейный коллектив или городская община, а индивидуум.

Книга Псалмов, Притчей, Екклезиаста и книга Иова в Ветхом завете излагают с беспримерной силой и цинизмом индивидуалистический эгоизм буржуазии, заменивший в античном мире семейный эгоизм патриархата. Человек — мера всех вещей, — провозглашает Протагор; это изречение греческого софиста есть самая правдивая и самая глубокая мысль буржуазной философии. Познай самого себя, — поучает Сократ, — ибо в борьбе за материальное и моральное

благополучие ты должен рассчитывать только на себя самого. Верховным законом, вместо общественного спасения, становится спасение индивидуальное. «Я» становится основой морали. Делай другому то, что ты хотел бы, чтобы тебе делали, — говорит правило новой морали, которое афиняне по анахронизму приписывали Бузигесу и которое ритор Исократ комментировал так: «Не делай другим того, чего бы ты не хотел терпеть от них... Будь по отношению к другим тем, чем бы ты хотел, чтобы я был по отношению к тебе» (Гезихий, Bouzyges; Исократ, Orat. ad Nicom). Христианство, которое не принесло с собой новых идей, лишь повторяет афинское правило: «Не делай другому того, что ты не хочешь, чтобы тебе делали»; «люби ближнего, как самого себя». «Я» — есть мера всех вещей, правило во всем. «Я, единственный», — формула, которую, как воображал Штирнер, он первый дал, — есть и исходный, и конечный пункт всякой материальной и интеллектуальной деятельности буржуа-индивидуалиста. Все должно быть принесено в жертву «я». И чтобы оно могло свободно развиваться, нужно его избавить от обязанностей, возлагаемых на него семейным коллективом и городом. Жениться и иметь детей было священным долгом мужчин патриархальной семьи; верность бесплодной жене была религиозным преступлением по отношению к предкам. Но орфизм, — один из мужских тайных культов, который развился в противовес женским тайным религиям и сторонниками которого были философы и литераторы, — возводит целомудрие в кардинальную добродетель и рекомендует безбрачие. «Жена и дети — связывающее бремя», — говорит Демокрит. Безбрачие приняло такие размеры, что государство должно было обложить особым налогом не вступавших в брак мужчин и даже клеймить их бесчестием. Любовь к городу, которому прежде отдавали свое время, достояние и жизнь, погасла. Философы и мудрецы перестали интересоваться общественными делами и защитой отечества, которая была поручена наемникам[1]. Узкий, но глубокий и пылкий патриотизм патриархальной эпохи уступил место широкому, но расплывчатому и бесстрастному буржуазному космополитизму. Древнее героическое право могло провозглашать всякого иностранца врагом, ибо люди

---

[1] Армии, состоявшие раньше только из собственников, обладавших правами, были наводнены теперь наемниками. Демосфен говорит, что в армии, отправленной против Олинфа, было 4 000 граждан и 10 000 наемников, а в армии, разбитой Филиппом при Херонее, было 2 000 фиванских и афинских граждан и 15 000 наемников.

патриархальной эпохи производили на своих землях все, в чем они нуждались, с помощью ремесленников и рабов. Между тем производство товаров, при котором промышленники и купцы видят в людях всех стран лишь покупателей и продавцов, порождает новое право, уравнивающее людей и пробуждающее идею общечеловеческого братства, которое и начинает проповедываться стариками. Однако если братство, объединявшее членов патриархальной семьи, охватывало лишь небольшой круг людей, то оно было действительным и действенным, между тем как братство буржуазии, распространяющееся на промышляющее человечество, бессодержательно и носит чисто словесный характер.

В патриархальной семье все решительно — труд и отдых, изобилие и нужда, счастье и несчастье — было общим, все делилось между ее членами. Отныне же всеобщим законом стало: каждый за себя; каждый будет пользоваться своим добром только для себя. Он ни с кем не будет делиться своими доходами, и никто не поможет ему, когда его постигнут неудачи, — наоборот, его экономическое разорение будет выгодно его соперникам. Ибо когда каждый заботится только о себе, то это приводит к войне всех против всех. В новом общественном строе, основанном на индивидуальной собственности и на производстве товаров, успех отдельных личностей обусловливается не ее усилиями: одни преуспевают там, где другие терпят неудачу. Самые незаслуженные бедствия являются уделом одних, в то время как другим слепо везет. Равенство в материальных и духовных условиях жизни, характеризующее эпоху патриархата, заменяется самым возмутительным социальным и экономическим неравенством. Едва народившись, буржуазное общество уже разделяет граждан на классы богатых и бедных.

Эти несправедливости судьбы и это неравенство состояний и социального положения, которые чувствовались тем острее, что еще памятен был общественный и семейный строй, их не ведавший, заставили как бедных, так и богатых искать им возмещения и компенсаций. И так как невозможно было их найти на земле, их перенесли в загробную жизнь, где снова будет царствовать равенство положения и где бедные станут богатыми. Золотой век первобытного коммунизма возродили в царстве мертвых. Но если дикарь надеялся, что его замогильное существование будет улучшенным продолжением его земной жизни, то человек нарождающегося буржуазного общества снова придумывает загробную жизнь, дабы вознаградить себя за все несправедливости, испытан-

ные им во время земного существования. Эти столь неопределенные и смутные обетования оказались, однако, способными удовлетворить людей. Поэтому, в то время как уцелевшие участники патриархального строя, не верившие в будущую жизнь, возмущались, подобно Феогниду и Иову, несправедливостью судьбы и подвергали сомнению справедливость Зевса и Ягве, — последователи мистериальных религий, уверенные в существовании другой жизни, где они получат воздаяние за перенесенные ими муки и страдания, смирялись и благодарили Деметру и другие божества, сулившие им загробное существование.

Нужна была, следовательно, вера, что человек имеет переживающую его душу, чтобы новый общественный строй стал понятен и терпим. Душа, являющаяся для дикаря физиологической гипотезой, представляет для буржуа гипотезу социальную. Мистерии, провозглашавшие существование души и сулившие будущую жизнь, воспринимались с таким энтузиазмом, что во всех городах стали возникать таинственные вероучения. Их божества оттеснили на задний план богов Олимпа. «Деметра, — говорит Исократ, — наградила людей двумя прекраснейшими дарами, какие боги могут дать людям: земледелием, которому мы обязаны тем, что наша жизнь выше животного существования, и мистериями, несущими тем, кто к ним допускается, сладчайшие обетования не только относительно конца этой жизни, но и на вечные времена» («Панегирик», VI). Блаженство загробной жизни — это самое неоценимое благо. «О, трижды счастливы, — говорит Софокл, — те смертные, которые после созерцания священных церемоний элевсинских таинств сойдут в Гадес, ибо для них возможна загробная жизнь; другим суждены лишь страдания». Платон даже приводит подробности: «Музей и его сын отведут праведных в Гадес и усадят их за пир святых, где, увенчанные цветами, они будут проводить жизнь в вечном опьянении» («Государство»). Нужно быть спиритуалистом чистейшей воды, чтобы превратить опьянение в высшее благо. Демагог Ягве восклицает устами своего пророка Исаии: «Народ иудейский, оживут мертвецы твои, восстанут мертвые тела! Воспряньте и торжествуйте, поверженные в прах; ибо роса твоя — роса растений, и земля извергнет мертвецов... Ибо вот я творю новое небо и новую землю... А вы будете веселиться и радоваться вовеки в том, что я творю: ибо вот я творю Иерусалим веселием и народ его радостью» (Исаия, XXVI, 19, LXV, 18). Душа египтянина растворялась в лоне Изиды, она становилась Озирисом, т. е. бо-

гом. И снова, как и во времена дикарей, начинается обожествление души. Гномический поэт Фокилид уверяет, что «после того как мы расстанемся со своей земной оболочкой, мы станем богами, ибо в нас живут бессмертные и нетленные души». «Счастливый и блаженный, из смертного ставший богом», говорит надпись на могиле Петилии в Италии, относящаяся к IV веку до хр. э. В другой надписи мы читаем, что смерть — благо: «О, это прекрасное таинство (элевсинское таинство), полученное нами от блаженных богов! Для смертных смерть уже не зло, а благо». Восхищение смертью было не просто погребальной формулой, а навязчивой идеей, толкавшей на самоубийство. Жизнь, которую герои «Илиады» считали самым ценным из благ, представляется уже, как уверяют буржуазные пессимисты Феогнид и Екклезиаст, только сетью обманов и разочарований, только суетой сует. «Первое благо, — говорит Софокл, — это не родиться; второе — умереть как можно скорее». Философ Клеомброт Амбракийский сбросился с башни, чтобы сразу достигнуть будущей жизни. Гегесий из Киренаики, который был прозван peisithanatos, т. е. проповедующий смерть, учил, что смерть предпочтительнее жизни; его ученики кончали с собой в таком множестве, что Птоломей Филадельф приказал закрыть его школу и запретил ему преподавать в Александрии.

Философы, слепо и без обсуждения принявшие выдумку дикарей, воскрешенную демократическими массами, принялись исследовать природу этой души, которую с таким увлечением приписывали себе. По Демокриту, душа состоит из тончайших, круглых и гладких атомов, подобных атомам огня, являющихся самыми подвижными из всех атомов; все явления жизни вызываются их движениями, потрясающими все тело. Гераклит, учивший, что огонь, в который все превращается и которым все кончается, является сущностью всех элементов, питающим началом, непрерывно циркулирующим во всех частях вселенной, не преминул, конечно, объявить огонь природой души, — огонь, который опьянение ослабляет, а вода тушит, так что утопающий гибнет дважды — телом и душой. Это забавное представление было распространено среди образованных христиан; так, епископ Синезий рассказывает, как оно его мучило, когда он однажды был застигнут бурей на море.

Философы так гордились обладанием душой, что они стали презирать тело, как презирали его впоследствии христиане. Гераклит считал тело инертной, недеятельной массой, кото-

рая, как только ее покидает душа, становится отвратительной вещью, подобной навозу; по Эпихарму, душа исполняет все функции тела; так, например, именно она взирает через окошки глаз. Еврипид, повторяющий эфирные воззрения орфизма, видит в человеке лишь душу: «Тело есть благо, которое не принадлежит нам; при жизни мы обитаем в нем, после смерти его нужно вернуть земле, которая его вскормила», — и тогда душа, «соединившись с бессмертным эфиром, сохраняет чувство, которое уже не умирает». Виргилий рассказывает о происхождении души: души людей и животных проистекают из начала, которое проникает, поддерживает, животворит и движет небо и землю, водную гладь, блестящий шар луны, солнце и звезды, вращающиеся вокруг солнца; но при соприкосновении с материей земных тел души притупляются, становятся добычей страстей и похоти плоти и должны после смерти искупить свои падения («Энеида», VI, 724 и сл.)

Демокрит, строя душу из атомов, и Гераклит, приписывая ей природу огня, делали из нее нечто чувственное; Платон очищает ее от всякой материи и объявляет ее бессмертной и предшествующей всем вещам. Однако эта совершенно лишенная материи душа является, тем не менее, причиной чувственных похотей, страстей и разума, а дабы она могла выполнять эти троякого рода функции, Платон разрезывает ее на три куска, которые он помещает в разных частях тела. Нижний кусок, отдающийся чувственным удовольствиям, обитает в животе, «своего рода трактире, отхожем месте и притоне порока и любострастия»; средний кусок, предающийся гневу и бурным страстям, помещается в сердце; самый благородный кусок обретается в голове; он — дух, он один обладает способностью рассуждать и возвышаться с помощью диалектики до восприятия высочайших истин; он один нетленен; он управляет двумя другими кусками, которые заведуют желаниями и страстями, необходимыми для гармонии, здоровья и силы человеческого существа.

Когда в древнем мире возродилось понятие души, успели уже давно забыть тот путь, каким дикари бессознательно пришли к его созданию. Философы сочли тогда, что они обязаны достать душе метрическое свидетельство. Но вместо того, чтобы прибегнуть для объяснения ее существования к естественным явлениям, как поступили дикари, когда выдумывали ее, они обратились к ресурсам чистого разума, который нашел, что она исходит от бога; ведь представление о боге уже существовало, и им легко было воспользоваться.

В идеологии дикарей представление о боге было одним из конечных пунктов эволюции понятия души. Философы перевернули порядок, взяли представление о боге исходным пунктом и построили на нем анимистическую теорию спиритуалистической идеологии и платоновской софистики.

Демократические массы не знали хитросплетений философов, а если бы и знали их, то мало бы ими интересовались. Они, не мудрствуя лукаво, переняли представление дикаря. Они дали телу двойника, который мог когда угодно покидать его, возвращаться в него и который переживал его. И, как бывает всегда, философы в конце концов присвоили себе представление масс, которыми, как им кажется, они руководят. «Когда члены уступают приятному забытью сна, — говорит Лукреций, — и вытянувшееся тело — тяжелое, бесчувственное — отдыхает, в нас находится другое «я», aliud tamen est in nobis, которое находится в непрестанном движении» («De rerum natura», VII, 113—117). Пифагореец Гермотим Клазоменский, который, по словам Аристотеля, еще до Анаксагора утверждал, что ум, nous, есть причина всего, уверял, будто его душа покидает его и улетает в дальние места узнавать новости; чтобы положить конец этим странствованиям, его враги сожгли его тело во время одной из этих отлучек. Знаменитый юрист времени Августа, Лабеон, рассказывает, что души двух людей, умерших в один и тот же день, встретившись на перекрестке, получили приказание вернуться в свои трупы, которые воскресли; они поклялись друг другу в дружбе, которая длилась до тех пор, «пока они снова не умерли». Блаженный Августин, разделявший по данному вопросу взгляды дикарей, простонародья и философов, сообщает историю Лабеона в подтверждение учения об обещанном христианам воскресении тел («De civ. dei», XXII, § 28).

Демократические массы отнюдь не стремились к очищению души от всего материального; напротив, они хотели иметь материальную душу, чтобы наслаждаться в будущей жизни удовольствиями, которых были лишены на земле и которые мистерии сулили своим последователям. Загробное обиталище, измышленное и разукрашенное дикарями, заново принарядили. Виргилий, повторяющий общепринятое мнение, заставляет Энея посетить это блаженное местопребывание, где души усопших, окруженные колесницами и лошадьми, упражнялись в невинной борьбе на мягкой арене и весело пировали («Энеида», VI, 637 и сл.).

Так как в патриархальный период только главы семейств пользовались привилегией обладать душой, то приходилось заботиться о приюте и пропитании лишь для небольшого числа душ; их можно было без труда разместить в семейном склепе или в lararium, комнате, расположенной в самой удаленной части патрицианских жилищ, где римляне складывали прах и восковые изображения предков, lares familiares, и куда им каждый день приносили пищу. Но теперь, когда все люди наделили себя душами, а между тем большинство их не имело ни семейных склепов, ни вообще никакого достояния, стало довольно трудно размещать и кормить всю эту непрерывно растущую массу душ. Из этого затруднения вышли тем, что души были удалены за пределы города, в особые места для погребения, как это делали в свое время дикари, отсылавшие души на вершины гор и в глухие места, которых тщательно избегали. Чтобы души не тревожили живых, римляне время от времени приносили им дары и устраивали им жертвоприношения в течение трех дней в мае месяце; на это время закрывали храмы и поклонялись только душам мертвецов, забывая о богах. Но от того ли, что души нехорошо себя чувствовали на общественных кладбищах, или же они находили, что их недостаточно кормят, они стали бродить и беспокоить живых, как поступали и духи дикарей до создания загробного рая. Земля снова наполнилась бродячими душами, численность и вредность которых непрерывно разрастались.

Философы и неучи, язычники и христиане единодушно признавали, что атмосфера отравлена бродячими душами, наводившими на людей страх, болезни, несчастные случаи и бедствия. «Разве множество лиц не встречали духов, иные — ночью, иные — среди бела дня? — спрашивает один философ у Лукиана. — Что касается меня, то я их видел не раз, а десять раз, тысячу раз. Сперва я их пугался; теперь я настолько привык к ним, что встреча с ними кажется мне совершенно обычной вещью, особенно с тех пор, как один араб подарил мне кольцо, сделанное из железа с крестов распятых, и научил меня весьма многословной магической формуле» («Неверующий», § 17). Святой Иероним, комментируя слова послания к ефесянам (II, 2; VI, 12), в которых святой Павел рассказывает о «злых духах, находящихся в воздухе», говорит, что, по мнению учителей церкви, воздух наполнен зловредными духами, plenus est contrariis spiritibus. Евангелия рассказывают, что Иисус и апостолы исцеляли

больных, изгоняя из их тел живущих в них бесов [1]. Зловредные духи учителей церкви, Иисуса и его апостолов не могли быть мятежными ангелами, ибо бог «отягчил их цепями мрака и заключил в бездну», подобно тому как Зевс заточил сражавшихся против него духов титанов; это были просто блуждающие души мертвецов. Вообще христианская демонология представляет собою лишь продолжение языческой демонологии, которая, в свою очередь, воспроизводила демонологию дикарей, пересмотренную и дополненную, чтобы поставить ее в уровень с последними достижениями демократической цивилизации. Платон попытался найти применение для этой массы духов: он дал каждому человеку духа, сопровождающего его в течение жизни и провожающего его после смерти в Гадес. Так как был избыток блуждающих душ, то другие философы предоставили в распоряжение каждого человека двух духов: одного — доброго, другого — злого; христиане переняли, по своему обычию, у платоновской философии представление об этих ангелах, приставленных к человеку. Апулей, который, по примеру своего учителя Платона, обстоятельно изучил нравы духов, заражающих воздух, сообщает, что «их обуревают те же страсти, что и людей, и они любят почести, оскорбления их раздражают, а приношения умиротворяют». Христиане думали, что главный грех душ — чревоугодие и что они проникают в тела людей лишь для того, чтобы питаться пищей, которую люди принимают, и что достаточно поститься, чтобы заставить их убраться.

Философы, разделяя в этом отношении взгляд Иисуса и апостолов, думали, что можно было бы освободить людей от этих бездомных душ, вселив их в животных. Платон и его ученики до такой степени спиритуализировали душу лишь для того, чтобы дать ей возможность переходить в животных. Но эти скотские перспективы, открытые перед человеческой душой философами, совершенно не улыбались народу, мечтавшему о более блестящей карьере для нее: учение о метемпсихозе не имело успеха. Философы вынуждены были даже критиковать это учение, чтобы снискать благожелательство народа. Порфирий, несмотря на то, что он был платоником, считал это представление о переселении души в животных нелепым, ибо при этом могло бы слу-

---

[1] Матф. IX, 32; XI, 18; XII, 22; XVII, 15. Марк I, 23; IX, 17. Лука IV, 33; VII, 33; VIII, 27; IX, 39; XIII, 11. Иоан. X, 20. Деян. ап. XVI, 16; XIX, 13 и др.

читься, что сын ехал бы верхом на ослице, в которую воплотилась душа его матери. Но было бы еще более зазорно, — возражал блаженный Августин, — если бы она переселилась в тело другой женщины, с которой сын ее мог бы блудодействовать.

К счастью, мистические вероучения, возрождавшиеся у народов бассейна Средиземного моря, сохранили представление о загробном жилище, придуманном дикарями, чтобы избавиться от духов, которые беспокоили живых. Эта выдумка имела такой успех, что в «Илиаде», например, не упоминаются вовсе духи-мучители, а души мертвых посещают живых лишь для того, чтобы поторопить их с погребальными обрядами и возвестить, что, по исполнении этих обрядов, они не будут больше покидать своего загробного жилища. Об этих духах снова заговаривают лишь в «Одиссее», которая, имея своим главным героем одного из воинов «Илиады», относится все же к другой среде и другой эпохе с иными нравами, иными взглядами»[1]. Мистические вероучения воскресили загробное жилище дикарей и их представление о доступности его для всех членов племени. Они сулили доступ в него всем посвященным, независимо от их заслуг и прегрешений. Но они закрывали его двери пред непосвященными, которые составляли огромное большинство. Это, конечно, вызывало негодование. По словам Плутарха, Диоген говорил: «Возможно ли, чтобы разбойник Патекиои только потому, что он посвящен в элевсинские таинства, был после смерти более счастлив, нежели Эпаминонд!»

Демократическая цивилизация греко-латинского мира восприняла целиком анимистическую идеологию дикарей, которую она должна была преобразовать, чтобы приспособить ее к новым условиям жизни общества, основанного на индивидуальной собственности и на производстве товаров.

---

[1] «Одиссея» — поэма пиратов и мореходов Средиземного моря, между тем как «Илиада» — эпос патриархальных героев. В языке «Одиссеи» больше слов, выражающих отвлеченные понятия, и больше терминов для обозначения продуктов интеллектуального творчества, — бесспорный признак более высокой степени умственного развития. В ней мы находим и другое представление о божестве. Боги «Илиады» едва отличаются от людей; они принимают участие в их борьбе, сражаются с ними и между собой из-за них; боги «Одиссеи» настолько превосходят людей, что последние не осмеливаются меряться с ними силами, и так далеки от них, что не принимают близко к сердцу их ссор.

5. ИЗМЫШЛЕНИЕ АДА

Буржуазная демократия, зарождавшаяся в промышленных и торговых городах, не довольствуясь усвоением анимистической идеологии дикарей, дополнила ее изобретением ада, следов которого мы не находим у диких и варварских племен, не вступавших в соприкосновение с цивилизованными народами.

Представление о месте пыток, в котором умершие будут наказываться за совершенные ими в земной жизни прегрешения, начинает вырисовываться лишь за несколько веков до христианской эры. Тартар греческой мифологии, с медным порогом и воротами, расположенный под Гадесом и лишенный солнечного света, — Тартар, который мог быть использован при построении ада платоновской философии и христианской религии, сам по себе есть подземная темница, подобная тем, какие, вероятно, имелись в патриархальных жилищах для заключения непокорных и непослушных власти патриарха. И действительно, в подобную темницу Зевс заключает Кроноса и титанов, отказавшихся подчиниться его владычеству. Наказания, наложенные на Сизифа и Тантала в Гадесе и на Прометея на Кавказе, носят характер личной мести: Зевс терзает их за то, что они оскорбили его.

Месть, породившая закон возмездия, является для дикаря средством самосохранения. Это чувство культивируется дикарем, приобретая такую яркость и силу, какую оно не может иметь у современного цивилизованного человека, для которого индивидуальная месть потеряла свое значение как средство самосохранения. Для дикаря недостаточно смерти обидчика, ему необходима его смерть, отягченная пыткой, как говорили средневековые христиане, воскресившие свирепую месть дикарей и варваров. Люди начального периода патриархата, сами терзаемые этой страстью к мести, могли рисовать себе только страшно мстительных богов: Зевс карает своих врагов живыми и мертвыми, а Ягве мстит до седьмого поколения. Они налагают наказания не за неповиновение «безличной справедливости», а за нарушение предписания их верховной воли. Они выполняют не общественное правосудие, а акты личной мести. Они — представители земных патриархов, которые централизовали в своей особе интересы семейного коллектива и принимали, как личное оскорбление, всякий ущерб, причиненный кому-нибудь из членов семьи. По аналогичным основаниям правосудие при старом порядке отправлялось именем короля, верховного

повелителя народа, подобно тому как патриарх был повелителем семьи.

Но вместе с исчезновением представления о душе должно было заглохнуть и представление о загробном наказании, и возродиться оно могло лишь тогда, когда буржуазная демократия возродила представление о душе. И действительно, после историй об Иксионах и Танталах первого периода патриархата греческая мифология не упоминает больше о мучениях в Гадесе. Но возобновившиеся наказания умерших теряют характер личной мести; они становятся местью коллективной, классовой местью, называемой возмездием именем государства: мстит уже не отдельная личность, а коллектив личностей, имеющих общие интересы. Это преобразование личной мести в публичное возмездие совершалось в то самое время, когда в социальных отношениях утверждался индивидуализм, ибо разгоревшаяся в античных городах классовая борьба объединила людей в два вражеских лагеря. Ремесленники, лавочники и бедные граждане, борясь с классом аристократов, с целью отнять у него его достояние, политическую власть, объединяли свои вожделения, свою ненависть и ярость: в случае победы они не проводили различий между своими врагами, а мстили коллективно всем, кого могли захватить, отнимая их богатства и убивая их самих. Эта классовая борьба неизбежно должна была найти свое отражение в возрожденном мистическими вероучениями представлении о загробной жизни; все эти вероучения сулили своим посвященным блаженство; непосвященные же, — бывшие их противниками, ибо они придерживались официальных культов, — были обречены проводить свое замогильное существование в топких болотах и в прудах из пылающей серы. Так как мистические вероучения противоречили официальным культам и восстанавливали уничтоженных последними богов и связанные с ними надежды, то на первых порах им пришлось вербовать своих приверженцев среди лиц, страдающих от существовавшего общественного строя и потому жаждавших его ниспровержения. Противниками же этих вероучений, непосвященными, были люди, которые, получая выгоды от существующего строя, стремились к его сохранению. История христианства подтверждает эту точку зрения: первые христиане рекрутировались среди ремесленников, всякого мелкого люда, бедных и женщин, враждебно настроенных к своей социальной среде.

Если мысль о том, что достаточно посвящения в мистерию, чтобы быть уверенным в будущем вечном блаженстве, могла зародиться и утвердиться в небольших обществах, которые из корпоративного чувства смотрели сквозь пальцы на проступки и пороки своих членов, то она не могла найти распространения в народных массах. А между тем представление о душе не было монополией таинственных вероучений. Именно потому, что это представление, подсказанное новыми экономическими условиями развивавшегося буржуазного общества, завладело умами демократических масс, мистерии могли возродиться и размножиться до такой степени, что каждый город имел свой особый мистериальный культ, и эти культы оказались в состоянии выступить против официальных религий и подорвать их престиж в общественном мнении. Поэтому, в то время как мистерии в поисках последователей продолжали сулить им будущее блаженство, — как это делало впоследствии христианство на первых порах своего существования, — среди демократических масс образовалось иное представление о загробной жизни; это представление постарались использовать в интересах зарождавшегося буржуазного общества, подобно тому как дикие племена пользовались им для воспитания храбрости. Выработалось учение о загробном воздаянии, отмерявшее загробное блаженство и муки в соответствии с заслугами и прегрешениями покойника, который должен был предстать пред судилищем. Иудейские ессеи, по словам Иосифа, не признававшие метемпсихоза, думали, что души праведных, освобожденные от уз тела, в котором они были заключены, удаляются в места обновления и отдохновения, души же нечестивцев терпят вечные муки («Иудейские древности», XII). Все заняты были вопросами о возмездии нечестивым и вознаграждении праведных. Платон, один из главных софистов, способствовавших выработке буржуазной и христианской морали, даже описывает самые наказания грешников: в 10-й книге «Государства» он приводит рассказ об армянине Герре, который, будучи сочтен убитым и оставленный на поле битвы, воскрес, подобно Иисусу, и рассказал о загробных карах: «души, — говорил он, — подвергаются наказанию десятикратно за каждый совершенный ими на земле неправедный поступок... так что наказание всегда вдесятеро превышает преступление... Отвратительные, как бы сотканные из огня люди влачат преступников, связывают их по рукам и ногам и, повалив их на землю и содрав с них кожу, тащат их в стороне от дороги по ухабам и сбрасыва-

ют в Тартар». Отцам церкви оставалось только поразнообразить и усовершенствовать измышленные языческим софистом муки, чтобы сотворить христианский ад. Представление о загробных наградах и наказаниях приобрело такую популярность, что за него ухватились поэты и шарлатаны. Пиндар предупреждает людей, что «всякое преступление, пятнающее царство Зевса, постигнет в мрачных подземельях, по велению рока, непреложный приговор, произносимый неумолимым судьей» («Олимп», II). Виргилий, показав Энею счастливое существование блаженных, дает ему созерцать муки тех, кто ненавидел своих братьев, поднял руку на отца своего, обманывал своих клиентов, удержал себе их достояние, не дав ничего их близким родственникам, нарушил клятву, предался врагу и т. д. (VI, 608 и сл.). Согласно Платону и Феофрасту, жрецы Орфея за много веков до священников Христа осаждали двери богатых, уверяя их, что они получили от богов, благодаря молитвам, известным обрядам и заклинаниям, власть искупать грехи живых и умерших и обещать блаженство в загробной жизни.

Буржуазная демократия античного мира еще до христианства прочно установила представление о загробных наградах и наказаниях. Поэтому-то язычники и упрекали христиан в том, что они не принесли ничего нового. Тертуллиан не может не признать справедливости этих упреков: «Проповедуем ли мы о грядущем суде божием, — говорит он, — над нами насмехаются, ибо поэты и философы тоже говорят о судилище в преисподней. Если мы угрожаем адским пламенем в возмездие грешникам, над нами еще больше смеются, ибо, согласно языческой басне, в царстве Плутона течет огненная река. Говорим ли мы о рае, этом месте блаженства, уготованном богом для душ святых и отдаленном от земного мира огненной зоной, нам указывают на всеобщую веру в Елисейские поля» («Апология», XLVII). И действительно, язычники выработали все элементы для создания новой религии.

Немалым делом было воскресить душу и рай идеологии дикарей, изобрести ад и учение о загробном воздаянии и выдумать спиритуализм и мораль буржуазной демократии. Но этого было недостаточно. Нужно было собрать и связать между собою эти религиозные элементы и философские начала в одну демократическую и космополитическую религию, — это было выполнено христианами.

Хотя некоторые из мистерий и имели представление о космополитическом божестве, которого требовала буржуаз-

ная демократия[1], однако они не могли выполнить эту задачу: им в этом препятствовали, с одной стороны, пол и характер их божеств, а с другой — невозможность превратиться в универсальную, открытую для всех религию.

Самофракийские мистерии подходили для каботажников Средиземного моря, разного мелкого люда, лавочников и ремесленников, но их второстепенные боги, кабиры, не были достаточно возвышены для буржуазной демократии, которая, стремясь к социальному господству на земле, мечтала для богов своей религии о господстве на небе. Кабиры могли, в лучшем случае, стать покровителями ремесленных корпораций, как это было впоследствии с христианскими святыми. Столь же мало соответствовали буржуазной демократии мистерии Деметры, Кибелы, Сирийской богини, Афродиты, Изиды и других богинь по причине пола их божества и подчиненной роли, отводившейся в этих учениях мужским божествам. Товарное производство, разрушавшее патриархальную семью, расшатывавшее общественный и политический строй античных городов и организовавшее производителей и торговцев в один революционный класс, подготовляя его торжество, не стремилось к освобождению женщины от супружеского ига и, тем менее, к восстановлению ее власти в семье; между тем мистерии напоминали, что женщина когда-то управляла семьей. Товарное производство связано с установлением опеки над женщиной; ему, следовательно, необходимы мужские боги. Столь распространенный в военной среде митраизм, у которого христиане заимствовали так много элементов, которые они пытались скрыть, уничтожив упоминающие о них книги и документы, тоже не подходил для буржуазной демократии, хотя его бог и был мужского пола, по той причине, что он признавал только божества мужского пола, а между тем новая религия дожна была отвести место женщине, занимающей в буржуазной семье не такое подчиненное положение, как в патриархальной семье.

Можно было бы справиться с этими трудностями, допустив женщину к культу Митры, подобно тому как допустили мужчин к элевсинским таинствам, или же облагородив богов кабирских таинств и других культов ремесленников и мелкого люда и введя мужских богов в культы, в которых

---

[1] «Многообразной и многоименной» Гекате, культ которой распространялся орфиками в Греции, поклонялись, как и Изиде, почти повсюду.

господствовали женские божества. Это не было невозможно, ибо в египетском пантеоне встречаются богини с половыми органами мужчины, и сама Афродита в некоторых местах изображается с бородой. Но были другие непреодолимые препятствия.

Мистерии были местными культами. Получить посвящение в них можно было лишь на их родине; поэтому было трудно, если не невозможно, дать им космополитическое распространение. А между тем новая религия должна была быть столь же космополитической, как торговля. К таинствам Деметры, самым известным и самым популярным в греко-латинском мире, вначале допускались лишь жители Элевсина и Афин, и первоначально они были известны лишь в Аттике. Геродот сообщает, что спартанский царь Демарат, завладевший в IV веке Элевсином, не знал о существовании божества Иолха, которого почитали наряду с Деметрой. Но после персидских войн Афины, которым не удалось стать до Карфагена первой морской державой бассейна Средиземного моря, сделались все же крупным торговым центром, куда стекались иностранцы. Пришлось даже дать им политические и религиозные права и допустить их к элевсинским таинствам, под условием, чтобы они жили в Аттике и говорили по-гречески, дабы они могли обращаться к богине, не знавшей варварских языков, и могли понимать ее наставления. С течением времени перестали требовать от посвящаемого, чтобы он жил в Аттике, но, чтобы быть допущенным в священную конгрегацию, он должен был явиться в Элевсин.

Государство, сделавшее таинства Деметры официальной религией, было коммерчески заинтересовано в том, чтобы затягивать посвящение на несколько лет и привлекать таким образом посетителей в Афины, где выполнялись малые мистерии. Посвященные иностранцы должны были ежегодно приезжать в Элевсин, чтобы новыми обрядами удержать раз полученную ими священную благодать. Такие требования, конечно, ограничивали число посвященных иностранцев и способствовали образованию мистерий в других городах. Хотя все эти разнообразные тайные религии проповедывали учение о бессмертии души и о загробной жизни, однако они оставались изолированными и не связанными никакой теократической организацией. Египетские жрецы пытались распространить культ Изиды и лишить его таким образом его местного характера. В поисках прозелитов они обходили весь античный мир. Однако, если верить Апулею, суще-

ствовали три связанные с довольно обременительными расходами степени посвящения; каждый раз нужно было приносить дары натурой и деньгами, что уменьшало число посвященных и лишало бедных и малоимущих доступа к культу. А новая религия должна была быть демократической и широко доступной народным массам.

Буржуазная демократия могла для построения своей религии использовать первобытные, воскрешенные мистериями традиции, но она не могла принять ни их узкого местного характера, ни их отбора неофитов, ни других их ограничительных особенностей. Кроме того, она должна была отбросить часть их учения, чтобы пойти навстречу требованиям товарного производства. Было сделано несколько попыток организовать эту новую религию; орфизм — одна из первых и наиболее известных таких попыток. Неизвестные творцы орфизма, принадлежавшие, вероятно, к образованным кругам общества, воспользовались традициями и легендами варварской Фракии, отбросив женские божества, как это впоследствии сделали и христиане: бог Дионис Загрей — сын Зевса, как Иисус — сын Ягве, является, подобно Иисусу, искупительной жертвой; его убивают и съедают титаны, и отец воскрешает его. Пророк орфизма Орфей спускается в ад, чтобы спасти душу своей супруги. В христианском Иисусе, которого ежедневно едят верные христиане, соединены приключения обоих этих лиц. Орфизм, не будучи местным культом, бродил из города в город; никакая тайна не преграждала доступа к нему посторонним лицам; посвященные не только не скрывали его учения, но, наоборот, открыто пропагандировали его в своих речах и писаниях. Но орфизм не обещал блаженства немедленно после смерти; душа, согласно его доктрине, должна была проделать шесть и даже девять переселений на земле и под землей, после которых ей предстояла довольно проблематичная загробная жизнь. Не такого тревожного и неопределенного посмертного существования желали демократические массы. Поэтому орфизм вербовал своих последователей в узком кругу литераторов и философов, превративших его в рафинированный идеализм, презирающий тело, эту «темницу души», и в застывший неподвижный аскетизм; в то же время бесстыдные и невежественные шарлатаны позорили его в глазах общественного мнения. Христианству предстояло продолжить его дело, воспользовавшись его учением и его опытом.

6. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ДУШЕ И О ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ У ХРИСТИАН ПЕРВЫХ ВЕКОВ

Представление о душе и вытекающие из него следствия — учение о загробном воздаянии и представления о рае и аде — существовали уже в течение ряда веков во всех слоях античного общества, когда за них ухватились христиане, чтобы построить из них новую религию, которой они сумели придать демократический и космополитический характер.

Апостолы, по удачному почину св. Павла, уничтожившего неприятный завет обрезания, который сильно сузил бы число неофитов, призывали в новую веру безразлично мужчин и женщин, независимо от национальности и социального положения, принимая их без всяких обрядов и посвящения и без всяких взносов при вступлении. «Деяния апостолов» сообщают, что в один день они обратили и завербовали три тысячи человек. Повсюду, где им удавалось привлечь несколько последователей, они их организовывали в общины или, как они выражались, в церкви, становившиеся центрами привлечения неофитов. Элевсинская богиня, не понимавшая потребностей времени, требовала от посвященных знания греческого языка, — все другие языки она считала варварскими. Иерусалимский бог, более чуткий к нуждам товарного производства, при котором торговцы пользуются всеми языками в своих сношениях с цивилизованными и варварскими народами, не чинил никаких препятствий в отношении языка. Он дал своим апостолам знание языков, — знание, которым обладали уже многочисленные евреи, торговавшие и занимавшиеся всякими простыми ремеслами в городах древнего мира. Апостолы обратились прежде всего к мелкому люду, к ремесленникам и неимущим, которым больше, нежели богатым, нужна была надежда на загробное существование как утешение от несправедливостей и страданий земного существования и которые не понимали, что положить им предел можно мятежом и восстанием.

Когда христиане начали вербовать себе последователей среди богатых и образованных классов, они должны были пополнить свое учение, позаимствовав у платоновской софистики спиритуалистическую мораль и философию. Но апостолы нашли в окружавшей их еврейской среде представление о душе, рае и аде в грубой и упрощенной форме; только в такой форме их проповедь могла с непреодолимой силой проникать в суеверные, невежественные и страждущие массы, завоевать которые стремилась новая религия.

Города Иудеи были тоже ареной экономических событий и политических столкновений, подобных тем, которые потрясли торговые и промышленные города Малой Азии, Греции и Италии. Патриархальная семья распалась, ее хозяйства разбились на отдельные части, образовавшие буржуазную семью. Люди, которые потеряли свое материальное богатство, хотя и обрели вновь нематериальную душу, объединились с ремесленниками, лавочниками и промышленниками, чтобы отнять у богатых их достояние и их политическую власть. Ягве, патриархальный бог Авраама, переметнулся и стал демагогическим богом неимущих и буржуа, чего не сумели и не были в состоянии сделать ни Зевс, ни другие патриархальные боги греко-латинского язычества. За семь веков до христианской эры Ягве гремел в Иудее мощным голосом своих пророков, торжественно клянясь, что справедливость будет воздана неимущим, которые разделят между собой достояние их угнетателей.

«Господь вступит в Иерусалим, — пророчествует Исаия, — и будет препоясанием бедр его истина». Горе имущим, захватывающим земли, «прибавляющим дом к дому, присоединяющим поле к полю, так что другим не остается места, как будто они одни поселены на земле... Я накажу злых, — говорит предвечный, — за беззакония их и положу конец высокомерию гордых и уничтожу надменность притеснителей... И младенцы их будут разбиты перед глазами их; домы их будут разграблены и жены их обесчещены» (Исаия, III, 14; XI, 5; V, 8; XIII, 11 и 17). Восставшие демократы переносили на Ягве ответственность за совершаемые ими грабежи и убийства. Эта сопричастность божества характерна для еврейской демократии. Греки и римляне не вмешивали богов и богинь в свои гражданские войны; Ягве же — единственный демагогический бог в пантеоне народов Средиземного моря. И именно потому, что евреи превратили бога патриархов в яростного демагога, он имел честь быть избранным в верховное божество буржуазной демократии.

Неимущие переходили в новую веру потому, что, как их уверяли апостолы, Исаия пророчествовал, что «тогда беднейшие будут накормлены, и нищие будут покоиться в безопасности..., что предвечный сделает, что люди будут дороже чистого золота..., что в Иерусалиме, который он сотворит..., они не будут строить, чтобы другой жил, не будут насаждать, чтобы другой ел..., ибо не будет трудиться напрасно народ его...; вся земля отдыхает, покоится, восклицает от радости» (Исаия, XIV, 30; XIII, 12; XIV, 7; LXV,

19—22). Предвосхищая самые буйные фантазии Фурье, всевышний обещал мир не только людям, но и животным. «Тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их; и корова будет пастись с медведицей, и лев, как вол, будет есть солому» (Исаия, XI, 6—7).

Но этому всевышнему демагогу мало было обещать земное благополучие. Он возвещает, что построит волшебный Иерусалим, в котором «избранники его будут жить во плоти... Народ иудейский! — восклицает Исаия, — оживут мертвецы твои, даже я оживу, восстанут мертвые тела. Воспряньте и торжествуйте, поверженные во прахе, ибо роса твоя — роса растений, и земля извергнет мертвецов... А вы будете веселиться и радоваться вовеки о том, что я творю, ибо вот я творю Иерусалим веселием и народ его радостью». А для полноты радости эти избранники увидят, как их враги, имущие, «горят на огне неугасимом» (Исаия, XXVI, 19; LXVI, 24). Апостолы этими демагогическими предсказаниями внушали энтузиазм неимущим; они без конца им повторяли, что близок конец мира и что они войдут в обетованный Иерусалим, где будут жить в роскоши, между тем как их угнетатели будут гореть на вечном огне.

Надеждами на такое грубое блаженство приходилось поднимать дух первых христиан, которые, кипя от ненависти и испытывая муки никогда не утоляемых вожделений, чувствовали себя слишком бессильными, чтобы, подражая демократическим массам Греции и Иудеи, восстать, лишить сильных мира их власти и поделить между собой их достояние. Героический век демократии прошел. Иисус и апостолы осудили употребление меча; они проповедывали самоотречение, подобно стоикам и евреям, колонии которых были рассеяны по главным городам Римской империи[1].

---

[1] Угнетающее чувство бессилия было всеобщим в древнем мире в момент появления христианства; оно существовало уже целые века, дав начало пессимизму как Феогнида и греческих поэтов, так и авторов Екклезиаста и книг Псалмов, Притчей и Иова.

После разложения патриархальной семьи личность, лишенная помощи, которую она встречала с ее стороны в борьбе с житейскими превратностями, оказалась изолированной и предоставленной собственным силам перед лицом общества, члены которого находятся в непрерывной войне друг с другом и в котором человек человеку волк. Те, кто не обладали богатством, этим оружием социальной войны, были заранее обречены на бедственное существование, и так как они не видели выхода из своего положения, они впадали в

Первые христиане были до такой степени неспособны к какому бы то ни было сопротивлению и так далеки были от какой-либо мысли об освобождении в земной жизни, что апостолы, призывавшие к новой вере неимущих и рабов, вовсе не думали их освобождать, — наоборот, они советовали «каждому оставаться в том звании, в котором он призван» («Первое послание к коринфянам»). Св. Петр и св. Павел поучают рабов не убегать от рабства, а удвоить свое рабское усердие по отношению к земному господину, чтобы заслужить милость господина небесного. Апостолы и отцы церкви, несмотря на все свои демагогические разглагольствования, совершенно не угрожали установленным правам имущих. И так как последние, перестав бояться за судьбу своих земных благ, не меньше неимущих жаждали блаженства в загробной жизни, то они примкнули к новой религии, сулившей им это блаженство. Этот двойственный облик, демагогический — с одной стороны, и олигархический — с другой, обеспечил христианству успех и у бедных, и у богатых.

Первые христиане, которые, в отличие от демократов древних городов, не были бунтовщиками, удовольствовались тем, что, подобно орфикам, организовали небольшие общины, называемые церквами, в которых не было ни «твоего», ни «моего». «Деяния апостолов» содержат очень поучительные подробности об этих общинах, члены которых, будучи причастными телу Иисуса, становились святыми; в этих общинах осуществлялось в весьма убогой форме счастье, обещанное демагогом Ягве своим последователям. Святые получали в них скудное пропитание, которое и сравнивать нельзя было с той роскошью, которою окружали себя демократы Греции и Иудеи, когда они разгромляли и истребляли богатых и завладевали их достоянием. Святые и верные (так назывались христиане, жившие вне общин), не будучи в состоянии удовлетворять свою ненависть и утолять свои вожделения на земле, покорно откладывали на будущую жизнь полное удовлетворение своих страстей. Церкви были лишь суррогатом, своего рода закуской к тем наслаждениям, которые они сулили себе на небе. Как только христианство восторжествовало, первобытные общины

отчаяние. Стоицизм являлся выражением этого чувства. Он был философией отчаяния побежденных элементов общества. Под маской якобы мужественной философии он еще до христианства проповедывал трусливую безропотность рабов.

превратились в монастыри с грубыми, невежественными монахами, находившимися на услужении у епископов и пап, пользовавшихся ими в своих насильственных действиях.

Будущая жизнь, обещанная всем приверженцам новой религии, с непреодолимой силой привлекала к себе неофитов. К ней присоединялись очень охотно: апостолы всем раздавали загробное блаженство, не требуя никаких формальностей посвящения, закрывавших посторонним доступ к мистериям. Они обращали в христианство большими массами, подобно тому как в средние века папские легаты до сражений исповедывали и отпускали грехи солдатам, уходившим истреблять еретиков. «Деяния апостолов» (II, 41—42) рассказывают, что в один только день обращены были три тысячи неимущих; они «пребывали в учении и в распределении хлеба». Апостолы и особенно св. Петр, как люди практические, наполняли желудки, чтобы подготовить дух к восприятию веры.

Представление христиан первых веков о душе походило на представление о ней дикарей. Душа была своего рода двойником, который сон и смерть высвобождали из телесной оболочки. «Мертвые, это — те, что спят», — говорил св. Павел («Первое послание к коринфянам», XV, 20). Чтобы разбудить их, достаточно водворить двойник в тело. Богатые христиане, — сообщает Тертуллиан («Апология», § 42), — бальзамировали умерших, чтобы сохранить для души ее жилище, и по той же причине христианство запретило сжигание трупов и предписывало их погребение. Вера в воскресение путем водворения души в тело умершего разделялась христианами даже еще во времена блаженного Августина, который для доказательства ее истинности заимствует аргументы у языческих авторов и ссылается на вышеприведенную историю Лабеона.

Апостолы, — за исключением, может быть, Павла, — не знали спиритуалистических измышлений греческих софистов, а если бы они их и знали, они бы с ними совершенно не считались. Нематериальная душа философов не имела в их глазах никакого значения; их, как и их неофитов, интересовало лишь тело, воскресения которого они жаждали. Исаия и его всевечный демагог больше подходили к ним. «Как проснутся мертвые, — спрашивали святые у апостола Павла, — в каких телах будут жить их души?» Этот вопрос приводил его в замешательство. Отвечая на него, он вдавался в софистические тонкости «о теле животном и о теле духовном», смело утверждая, что тленное тело «возро-

дится нетленным» («Первое послание к коринфянам», XV, 35—44). Блаженный Августин, не сомневаясь в слове апостола, тоже обещает нетленность тела, к которому христианство, в отличие от орфизма, не относилось еще с пренебрежением. Хотя св. Павел хвалился своею ученостью, однако он был главным образом демагогическим агитатором: он знал, что на массы гораздо сильнее действует постоянное и убежденное повторение какого-нибудь истинного или вымышленного факта, нежели самые тонкие рассуждения софистики. И он не колеблясь утверждал, что Иисус воскрес во плоти, что его видели Кифа, двенадцать апостолов, пятьсот братьев, Иаков и, наконец, он сам, Павел. Если воскрес Иисус, — умозаключал он, — то воскреснут и умершие, ибо «если нет воскресения мертвых, то значит не воскрес и Христос» («Первое послание к коринфянам», XV, 5, 8, 13). Кого не убедит столь неопровержимое доказательство? Блаженный Августин приводит другой аргумент, не меньшей логической силы: «Во всем мире проповедуется воскресение Иисуса Христа и его вознесение на небо во плоти, в которой он воскрес; если это не достоверно, то почему же весь свет верит этому? («De civ. dei», XXII, § 5). В виде доказательства ссылались еще на Исаию, который это предсказал, и на апостола Луку, который об этом рассказал. Эти бесспорные аргументы породили у христиан столь твердое убеждение, что они обсуждали вопрос: воскрес ли Иисус с крайней плотью или без нее? Апостолы и учители христианства, не на много возвышавшиеся над умственным уровнем суеверных масс, которые они поучали, первые поверили в истину своих собственных аргументов. Вот почему их пропаганда имела такую убедительную силу.

Христиане первых веков, менее идеалистичные, нежели дикари, не могли себе представить существования души независимо от существования тела. Ориген утверждал, что один только бог бестелесен, а Василий Блаженный приписывал ангелам видимое тело. Тертуллиан приводит решительные доводы в пользу бессмертия тела: «Человек, — говорит он, — должен непременно стать тем, чем он был, чтобы получить от бога заслуженную им награду или наказание... ибо душа может чувствовать лишь постольку, поскольку она соединена с материей, в которой она закреплена, а эта материя есть плоть, ибо душа заслужила в теле и с телом то воздаяние, которое она получит по божьему суду» («Апология», § 48). Апостолы, отцы церкви и верные ничего

не могли понять в загробных муках и радостях, раз тело не принимало в них участия.

Но учение о воскресении тела вызывало трудности, которых не испытывали дикари с их представлением о бестелесности души и которые беспокоили учителей церкви, пытавшихся их разрешить. Блаженный Августин сохранил для поучения верным некоторые результаты их глубоких размышлений. Спрашивалось: в каком виде воскреснут тела? Будут ли они молодыми или старыми, красивыми или безобразными? Так как на небе должно царствовать равенство, то решили, что воскресшие тела будут равны по возрасту, красоте и росту. Уродливые тела будут выправлены, и так как Христос умер в цветущем возрасте, то блаженные на небе будут в том же возрасте. Старики помолодеют, чтобы не быть старше этого возраста, а молодые люди постареют, чтобы достигнуть его. Будут ли допускаться в рай женщины? Этот головоломный вопрос вызывал бесконечные споры. При всем желании нельзя было грубо закрыть дверь в рай перед самым носом женщин. Они были слишком многочисленны в церквах и занимали в них очень много места. Богатые женщины жертвовали без счета, и все они были смелыми, полными энтузиазма пропагандистками. Пришлось согласиться на допущение их в рай, ибо на земле нуждались в их деньгах и их преданности. Но они могли попасть на небо, лишь сбросив с себя свой пол у входа в него. Было решено, что они воскреснут мужчинами, — конечно из опасения, чтобы избранные не стали развратничать в раю так же, как святые, судя по жалобам апостолов Петра и Павла, развратничали в церквах. Дикари, не видевшие ничего зазорного и безнравственного в половых сношениях, решали вопрос иначе; они считали, что половые сношения будут продолжаться в загробном мире, где к тому же они не будут сопровождаться зачатием, ибо женщины, будучи тенями, не будут способны к деторождению. Другие учители церкви утверждали, что женщины воскреснут, сохранив свой пол, но что на небе это не будет иметь никакого значения, ибо единственным занятием и единственным наслаждением избранных будет созерцание бога. Эта важная и серьезная проблема не была решена во времена блаженного Августина. Решена ли она в наше время? Св. епископ Гиппонский склонялся ко второму мнению. Другие, столь же важные вопросы беспокоили его мощный «гений». Так как избранные должны будут постоянно созерцать бога, они, значит, никогда не смогут закрывать глаза? «Было бы очень

неприятно никогда не смыкать веки, — правильно замечает он, — но было бы еще неприятнее потерять из вида господа, хотя бы на одно мгновение». И этот «пылающий светоч» церкви пытается выйти из затруднения, уверяя, что избранные будут продолжать видеть лик божий, даже когда веки их будут сомкнуты. «Град божий», — «это несравненное по эрудиции творение, эта благородная картина христианской религии», а в действительности только многословная, туманная и бесцветная амплификация нервно и ядовито написанной «Апологии» Тертуллиана, — занимается в своей последней, двадцать второй книге обсуждением щекотливых проблем, выдвигаемых догматом воскресения.

Христианство, продолжавшее дело мистерий, сулило бессмертие души и блаженство в загробной жизни. «Я хлеб жизни, сошедший с неба, — сказал Иисус, — кто вкусит от этого хлеба, будет жить вечно, и хлеб, который я дам, это моя плоть. Тот, кто вкушает мою плоть и пьет мою кровь, пребывает во мне, и я в нем». Новые зарождавшиеся в древнем мире вероучения воспроизводили в своих обрядах нравы первобытных времен. Посвященные в таинства Диониса и орфизма ели сырое мясо, что должно было напоминать об эпохе, когда человек не был еще знаком с употреблением огня для изготовления пищи. Христиане с их причащением, этим своеобразным боголюдоедством, как бы воскрешали каннибальские пиры дикарей. Верным, принимающим участие в этой трапезе, где, вместо агнца, жертвой и главным блюдом является Иисус, обещано спасение, что бы они ни сделали, ибо Христос, вопреки им, пребывает в них, и было бы совершенно недопустимо, чтобы бог-отец осудил на вечные муки своего сына Иисуса. Поэтому поедающие Иисуса были словно «золото, которое и в грязи остается незапятнанным».

Христианство, подобно мистериям, сперва гарантировало полную безнаказанность своим последователям; вера в безнаказанность существовала еще во времена блаженного Августина, который находил ее несколько чрезмерной. Тем не менее кроткий учитель церкви, осуждающий на вечное поджаривание непосвященных в новую веру, утверждает, что «верные, впадающие в ересь и идолопоклонство» — эти самые страшные для христианина преступления, — «не умрут навеки, ибо они вкусили тела спасителя. Конечно, муки их, ввиду их исключительно тяжких прегрешений, будут более длительны, но они не будут вечны» («De civ. dei» XXI). Ад и его вечные муки были придуманы лишь для

неверных. Католическая церковь в настоящее время исповедует этот догмат. Вне церкви нет спасения, — учит она.

Апостолы призывали к новой вере всех, без различия национальности, социального положения и нравственного поведения. Они объединяли и организовали их против общества язычников — врага, которого оставалось ненавидеть, за неимением мужества бороться с ним. Если космополитический и демагогический бог христиан не проводил различия между евреями, римлянами, греками, варварами, если он не отличал рабов от свободных людей, неимущих от имущих, преступников и порочных от честных и добродетельных людей, он все же разделял людей на два враждебных лагеря — верных и неверных. Те, кто принимали веру, получали крещение и причащались плоти Иисуса, были «освященными»,— они становились «членами Христа», даже если они были полны пороков и продолжали вести порочную жизнь, присоединившись к церкви, как упрекают их в этом св. Павел и св. Петр: им было обеспечено вечное блаженство. Но неверные, если бы они даже были образцами добродетели, были осуждены вечно гореть «в прудах из пылающей серы». «Тело их не умрет, и сжигающий их огонь не погаснет».

Но перспектива вечного горения вызывала возражения. Указывали, что человеческое тело не может по самой природе своей гореть, не погибая. Блаженный Августин, у которого есть ответ на все, на это невозмутимо отвечал, что, «согласно учению священного писания, человеческое тело до грехопадения по природе своей не подлежало умиранию и что при воскресении мертвых бессмертие его будет восстановлено», так что оно сможет гореть, не погибая. «Пламя адово сделает тело нетленным, — заявляет Тертуллиан, — ибо есть двоякого рода пламя: одно, которое уничтожает, и другое, которое сохраняет. Так, например, вулканические горы всегда горят, продолжая, однако, существовать» («Апология», § 48). Блаженный Августин прибавляет к аргументам Тертуллиана еще следующее соображение: «Посмотрите на саламандру, — она живет в огне». Но неверующие возражали на это, что огонь — стихия, свойственная природе саламандры и не причиняющая ей страданий. «Бог изменит это; он сделает так, что огонь не будет соответствовать природе осужденных на вечную муку», — возражал ученый светоч церкви. Но к страданию, которое длится вечно, можно привыкнуть, и настанет момент, когда его перестанут чувствовать. «Не бойтесь, бог будет постоянно оживлять

восприимчивость осужденных», — торжествующе возражал кроткий святой.

Христианский бог, которого философы и моралисты либеральной буржуазии представляют в виде кроткого филантропа, был в первые столетия нашей эры свирепым, неутомимым на выдумки палачом. «Господь Иисус, — говорит апостол Павел, — явится с неба, с ангелами сил его, в пламенеющем огне совершит отмщение не познавшим бога и не покоряющимся благовествованию господа нашего Иисуса Христа, которые подвергнутся наказанию, вечной погибели от лица господа и от славы могущества его» («Послание фессалоникийцам» I, 7—9). Зевс заставлял мучить своих врагов вдали от взора своего: Прометея — на Кавказе, Тантала — в Тартаре; христианский же бог, считающий, что у его поклонников такая же безжалостная, палаческая душа, как у него самого, обещает им в виде одного из райских блаженств приятное зрелище вечных мук осужденных (Исаия, XVI, 24).

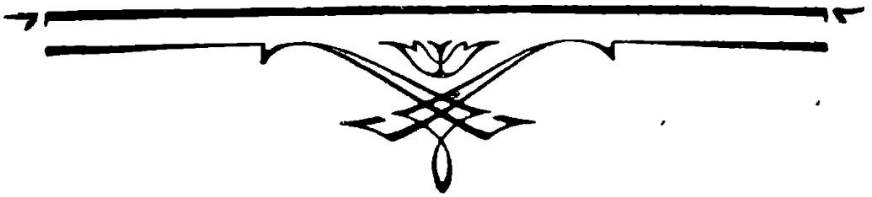
Христианство не принесло с собой «любви к ближнему»; оно воскресило древнюю месть с ее яростью и ее обрядами. Дикарь и варвар чувствовали удовлетворение только тогда, когда они мстили собственными руками. Когда же гражданская власть отняла у отдельных лиц право мести, сын жертвы или, за неимением сына, ее ближайший родственник присутствовали при наказании виновного, чтобы удовлетворить свое чувство мести, которую они не могли уже выполнять собственными руками. Это практиковалось даже еще в Афинах эпохи Перикла и философов. Иисус, — говорит Павел, — сам отомстит неверным; бог-отец и избранные будут вечно наслаждаться их страданиями; муки неверных представлялись ярким доказательством славы и могущества господа.

Но когда христианство стало проникать в более цивилизованные круги языческого общества, бог и его сын Иисус также должны были цивилизоваться, чтобы стать на один уровень со своими новыми последователями; они потеряли дикий обычай мстить самим и присутствовать при пытках жертвы; они переложили на своих подчиненных, на демонов, наказание неверных, которых стали мучить вдали от них, в аду. Дикари избавились от мучивших их духов, отослав их продолжать свое загробное существование в месте злачном. Христиане считали, что смогут избавить города и деревни от наводнявших их демонов, заперев их в аду и поручив им приятное занятие мучить мертвецов

вместо живых. Язычники еще до христиан придумали дать демонам это развлечение. Платон предоставил им пытать грешников. Гесиод мог только превратить их в полицейских и в жандармов Зевса и достопочтенного правосудия.

Христианство не принесло ничего нового; оно даже не придумало само своих нелепых, грубых суеверий. Но оно обладало неведомым орфизму и мистериям даром удовлетворять умственные и эмоциональные потребности, страсти и вожделения демократических масс.

Оно сумело воспринять ненависть неимущих к имущим и успокоить в то же время имущих, отложив до будущей жизни выравнивание несправедливостей судьбы, вознаграждение добродетелей и уравнение положений и благополучия. Несмотря на свои первоначальные демократические замашки, оно было предохранительным клапаном для имущих классов; оно сумело придать себе необходимый для производства и обмена товаров космополитический и демократический характер, уничтожив обрядности посвящения, установленные мистериями, не связывая своего учения ни с каким определенным городом или народом, а неся его, наоборот, во все места, допуская в свое лоно всех людей без различия расы и положения и объединяя все церкви клерикальной организацией, ставшей впоследствии иерархической. Сперва христианство приобрело симпатии несчастного, суеверного, грубого плебса, восприняв вслед за мистериями анимистические традиции и представления дикарей. Когда же оно получило эту точку опоры и стало достаточно сильным как для оборонительной, так и для наступательной борьбы, оно предприняло завоевание интеллектуальных и образованных слоев, для чего оно навело на свои доктрины лоск спиритуалистических измышлений греческой софистики и прикрыло свою первобытную свирепость кроткой, благолепной маской, приличествующей религии эксплоататорской и филантропической буржуазии.



ВЕРА В БОГА

1. РЕЛИГИОЗНОСТЬ БУРЖУАЗИИ И ИРРЕЛИГИОЗНОСТЬ ПРОЛЕТАРИАТА

Представители буржуазного свободомыслия, с двумя знаменитыми учеными — Бертло и Геккелем — во главе, воздвигли недавно в Риме, насупротив Ватикана, трибуну, чтобы громить католицизм, который, со своей иерархией и со своими якобы неизменными догматами, воплощает в их глазах религию.

Воображают ли эти свободомыслящие ученые, что, критикуя католицизм, они тем самым уже освободились от веры в бога, этой основы всякой религии? Думают ли они, что буржуазия — класс, к которому они принадлежат, — может обойтись без христианства, одним из проявлений которого является католицизм?

Хотя христианство умело приспособляться и к другим социальным формам, однако оно по преимуществу является религией обществ, покоящихся на индивидуальной собственности и на эксплоатации наемного труда. Поэтому — что бы там ни говорили и что бы ни возражали, — оно было, есть и будет религией буржуазии. На протяжении более десяти веков все, что предприняла буржуазия для того ли, чтобы организоваться, для того ли, чтоб добиться своего освобождения, или продвинуть к власти какой-нибудь новый свой слой, сопровождается и осложняется религиозными кризисами. Буржуазия всегда ставила свои материальные интересы под защиту христианства, которое она, по ее словам, намеревалась реформировать и вернуть к чистому учению божественного учителя.

Буржуазные революционеры 1789 г., воображая, что можно отвлечь Францию от христианства, преследовали духовенство с неслыханным напором. Самые последовательные

из них, считая, что по существу ничего не будет сделано, пока остается вера в бога, отменили декретом бога, уволили его, словно чиновника старого порядка, и заменили его божеством разума. Но лишь только революция перебесилась, Робеспьер восстановил декретом верховное существо (слово бог в этот момент еще звучало не очень благозвучно), а несколько месяцев спустя попы вышли из своих укромных местечек и пооткрывали церкви, куда стали валить валом верующие, а Бонапарт, идя навстречу чаяниям буржуазного плебса, подписал конкордат с папой. И зародилось романтическое, сентиментальное, живописное и забавное христианство, которое Шатобриан приспособил ко вкусам торжествующей буржуазии.

Теоретики свободомыслия утверждали и продолжают еще утверждать, вопреки очевидности, будто наука очистит человеческий мозг от представления о боге, показав его ничтожность для объяснения построения вселенной. А между тем люди науки, за немногими исключениями, сами находятся еще под влиянием этого верования. Если ученый в своей собственной науке не нуждается, по выражению Лапласа, в гипотезе бога для объяснения изучаемых им явлений, он все же не отваживается утверждать, что она не нужна для объяснения фактов, не входящих в круг его исследований, и все ученые одинаково признают, что бог более или менее необходим для правильного функционирования общественного строя и для развития нравственности народных масс [1].

---

[1] В «Revue scientifique» от 19 ноября 1904 г. мы находим подтверждение этих слов. Г-н Пьерон в своей рецензии на одну книгу о «научном материализме» признает, что «бог есть удобная остаточная причина всего, чего нельзя объяснить..., что вера всегда нужна была для замещения науки..., что наука не имеет ничего общего с верой и религией..., но что религия не совсем несовместима с наукой, при условии, однако, чтобы она не выходила из своей совершенно отгороженной от знания области». Он протестует с одинаковой силой как против «тех современных ученых, которые ищут в науке лишь доказательств существования бога и правдивости религии..., так и против софизма тех, кто искал бы в науке доказательств несуществования бога». До нового времени непризнание непрерывной деятельности бога по поддержанию порядка вселенной считалось отрицанием существования бога. Сократ упрекал Анаксагора в том, что он хотел объяснить движение небесных тел вне всякой зависимости от богов, а Платон сообщает, что афиняне считали атеистами тех философов, которые допускали, что движения звезд и явления природы управляются законами («Законы», VII, § 21); в другом месте он доказывает существование бога указанием на сотворение вселенной, на царящий в ней порядок и на едино-

Представление о боге не только не рассеялось у людей науки, но, наоборот, оказывается, что самое грубое суеверие процветает не в невежественной, темной деревне и не среди невежественных людей, а в столицах цивилизации и у образованных буржуа: одни вступают в беседы с духами, чтобы получать новости из загробного мира; другие молятся святому Антонию Падуанскому, чтобы найти утерянный предмет, угадать выигрышный билет в лотерее или выдержать экзамен в Политехническую школу и т. д.; третьи обращаются за советами к хиромантам, ясновидящим, гадалкам, чтобы узнать будущее, истолковать сновидение и пр. Их научные познания нисколько не защищают их от самой невежественной доверчивости.

Но в то время как во всех слоях буржуазии религиозное чувство укоренилось прочно и проявляется на тысячу ладов, среди промышленного пролетариата наблюдается инстинктивное, но непоколебимое религиозное равнодушие.

Г-н Бус (Booth) после произведенной им обширной анкеты о религиозных настроениях Лондона, во время которой «обследовались округ за округом, улица за улицей, а часто и дом за домом», констатирует, что «народная масса не исповедует никакой религии и совершенно не интересуется церковными обрядами... Та значительная часть населения, которая называется рабочим классом и которая находится между мелкой буржуазией и слоем нищих, находится в целом вне круга действия религиозных сект... Она привыкла смотреть на церкви как на места собрания тех, кто обладает богатством, и тех, кто желает пользоваться покровительством людей, находящихся в лучшем положении... Вообще современные рабочие больше думают о правах и об обидах, какие им чинят, чем о своих обязанностях, которые они не всегда исполняют. Смирение и чувство греховности, может быть, не свойственны рабочему» [1]. Таков бесспорно установленный факт инстинктивной иррелигиозности лондонских рабочих, которых обычно считают столь религиозными. Самый поверхностный наблюдатель может то же самое проследить в промышленных городах Франции. Если там встречаются рабочие, симулирующие религиозные чувства или

душное мнение по этому вопросу всех народов — как греков, так и варваров (там же, X, § 1). «Бог — это тот, кто держит мир в равновесии», — говорили египетские жрецы.

[1] «Religious influences» — третья часть проведенной г. Бусом анкеты о «Life and labour of the people of London» («Жизнь и труд лондонского населения»).

действительно проникнутые ими, — последних очень мало, — это объясняется тем, что религия предстает перед ними в форме всякого рода благотворительности. Если другие — фанатики свободомыслия, то это происходит потому, что им пришлось немало перенести от вмешательства священника в их семейную жизнь или в их отношения к хозяину.

Равнодушие в области религии, этот самый серьезный, по словам Ламеннэ, симптом неверия, врождено современному рабочему классу. Если политические движения буржуазии принимали религиозный или антирелигиозный характер, то среди пролетариата европейской и американской промышленности не наблюдается стремления ни создать новую религию взамен христианства, ни реформировать его. Экономические и политические организации рабочего класса всего мира совершенно не интересуются теоретическими спорами о религиозных догматах и спиритуалистических воззрениях, что не мешает им бороться со священниками всех вероисповедных толков, как с прислужниками класса капиталистов.

Но чем объяснить то обстоятельство, что буржуа, получающие более или менее солидное научное образование, находятся еще в плену религиозных верований, от которых освободились уже необразованные рабочие?

2. ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БОГЕ У ДИКАРЕЙ

Разглагольствовать против католицизма, подобно свободомыслящим, или игнорировать бога, подобно позитивистам, не значит еще объяснить ни сохранения веры в бога, несмотря на рост и широкое распространение научных знаний, ни длительного существования христианства, несмотря на насмешки Вольтера, преследования со стороны революционеров конца XVIII столетия и критику историков религии. Разглагольствовать и игнорировать нетрудно, — гораздо труднее объяснить, ибо для этого надо прежде всего выяснить, каким образом и почему проникли в человеческую голову, укоренились в ней и развились вера в бога и спиритуалистические воззрения. А чтобы ответить на эти вопросы, надо добраться до идеологии дикарей, в которой ясно намечены уже спиритуалистические воззрения, засоряющие голову цивилизованных людей.

Представление о душе и об ее посмертном существовании создано дикарями, которые наделили себя, для объяснения явлений сновидений, нематериальным и бессмертным духом,

Дикарь, не сомневающийся в реальности своих сновидений, воображает, что если во время сна он охотится, дерется или мстит и если по пробуждении он оказывается на том самом месте, где он заснул, то это объясняется тем, будто другой «он», некий, как он выражается, двойник, неосязаемый, невидимый и легкий, как тень, покинул его спавшее тело и умчался в далекие места охотиться или драться. А так как во сне он видит иногда своих предков или своих умерших товарищей, то он умозаключает, что его навестили их духи, пережившие свои истлевшие трупы.

Дикарь, «это дитя человеческого рода», как его называет Вико, подобно ребенку, полон детских представлений о природе. Он верит, что может управлять стихиями так же, как членами своего тела, что может с помощью магических слов и жестов повелевать дождю орошать землю, ветру — дуть и т. д. Если он, например, боится быть застигнутым ночью в пути, он завязывает в узел известным образом определенные травы, чтобы остановить солнце, как это делает в библии силой молитвы Иисус Навин. И так как духи умерших имеют эту власть над стихиями в большей степени, чем живые, то он призывает их на помощь, когда ему самому не удается заставить их подчиниться своему велению. А вследствие того, что мужественный воин и искусный колдун имеют больше власти над природой, чем простые смертные, и души их, после их смерти, должны поэтому сильнее воздействовать на нее, чем души обыкновенных людей, — дикарь отличает их среди множества духов и поклоняется им с дарами и жертвоприношениями, моля их послать дождь, когда стоит засуха, дать ему победу над врагом, когда он выступает в поход, излечить его, когда он болен. Первобытные люди, исходя из ошибочного объяснения сновидений, сложили элементы, послужившие впоследствии для создания единого бога, который в конечном счете есть лишь дух, — только более могущественный, чем прочие духи.

Понятие бога не есть ни врожденное, ни априорное понятие, а апостериорное понятие, как и вообще все понятия, ибо человек может мыслить, лишь приходя в соприкосновение с фактами реального мира, которые он и объясняет в меру своего разумения.

3. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВЕРЫ В БОГА У БУРЖУА

Можно было думать, что, с необычайным развитием и распространением научных знаний и с выяснением необходи-

мой связи естественных явлений, утвердится, наконец, представление, что вселенная, направляемая законом необходимости, не зависит от прихотей какой-нибудь человеческой или сверхчеловеческой воли и что, следовательно, бог делается ненужным, ибо он лишен многочисленных функций, возлагавшихся на него невежеством дикарей. Однако приходится признать, что вера в бога, могущего по своему усмотрению изменять твердый порядок вещей, существует еще у людей науки и что существуют еще образованные буржуа, которые, подобно дикарям, обращаются к нему с просьбами о ниспослании дождей, даровании побед, исцелении и т. д.

Но если бы ученым даже удалось создать в буржуазной среде убеждение, что явления физического мира подчинены закону необходимости и что, обусловливаемые предшествовавшими явлениями, они, в свою очередь, обусловливают последующие явления, — им все же оставалось бы еще доказать, что и явления социальной жизни также подчинены закону необходимости. Но экономисты, философы, моралисты, историки, социологи и политики, которые изучают человеческое общество и даже воображают, будто они им управляют, не внушили — да и не могли внушить — убеждения, что и общественные явления, подобно явлениям физическим, подчинены законам необходимости. И именно потому, что они не могли вселить это убеждение, вера в бога является необходимостью даже для наиболее образованных буржуа.

Философский детерминизм господствует в естествознании лишь потому, что буржуазия позволила своим ученым свободно изучать проявления сил природы, которые ей чрезвычайно важно знать, ибо она пользуется ими для производства своих богатств. Но в силу того положения, которое она занимает в современном обществе, буржуазия не могла предоставить такую же свободу своим экономистам, философам, моралистам, историкам, социологам и политикам, и поэтому-то они не могли применить философский детерминизм в области обществознания. Католическая церковь из аналогичных соображений некогда запретила свободное изучение природы, и нужно было ниспровергнуть ее социальное господство, чтобы создать естественные науки.

К изучению проблемы веры буржуазии в бога можно приступить, лишь имея точное представление об ее роли в современном обществе.

Общественная роль современной буржуазии заключается

не в том, чтобы производить богатства, а в том, чтобы заставлять наемных рабочих производить их, чтобы завладевать ими и распределять их между своими членами, оставляя на долю их физических и умственных производителей ровно столько, сколько им нужно для того, чтобы прокормиться и иметь потомство.

Богатства, отнятые у рабочих, составляют добычу буржуазии. Воины-варвары, взяв какой-нибудь город и разграбив его, собирали вместе всю добычу, делили ее на возможно равные части и распределяли их по жребию между теми, кто рисковал жизнью, чтобы ими завладеть.

Организация современного общества дозволяет буржуазии завладеть богатствами без того, чтобы кто-нибудь из ее членов рисковал своею жизнью; уменье овладеть такой колоссальной добычей, не подвергая себя при этом никакой опасности, является одним из крупных достижений цивилизации. Отнятые у производителей богатства не делятся поровну и не распределяются по жребию, — они распределяются в виде квартирной платы, ренты, промышленных и торговых дивидендов, процентов и прибылей пропорционально ценности движимой или недвижимой собственности, т. е. пропорционально величине капитала каждого буржуа.

Условием sine qua non для получения доли в распределении богатств является обладание собственностью, капиталом, а не физическими, интеллектуальными или моральными качествами. Ребенок в пеленках может в такой же мере иметь право на участие в распределении богатств, как и взрослый человек; даже умерший обладает этим правом, пока кто-нибудь из живых не становится юридическим собственником его имущества. Распределение производится не между людьми, а между собственниками. Человек — нуль,— в расчет принимается только собственность.

Борьбу между буржуа из-за дележа богатств ошибочно отождествляли с борьбой за существование, которую ведут между собой, по Дарвину, животные из-за средств существования. Сила, мужество, ловкость, терпение, ум и другие качества, обеспечивающие животному победу, неотделимы от его организма, между тем как собственность, приносящая буржуа долю в богатствах, которых он не произвел, не воплощена в его личности. Его собственность может разрастаться или сокращаться и, следовательно, приносить большую или меньшую долю в дележе, но ни ее рост, ни ее сокращение не обусловливаются его физическими или умственными качествами. Можно даже сказать, что мошен-

ничество, интриги, шарлатанство, словом — самые низменные качества дают возможность буржуа присваивать себе большую долю производимых богатств, чем та, на которую дает ему право размер его капитала; но в этом случае он лишь обкрадывает своих буржуазных собратьев. Следовательно, если борьба за существование может в известных случаях быть одной из причин прогресса для животных, то для буржуазии борьба за богатство есть одна из причин вырождения.

Социальная миссия, заключающаяся в том, чтобы захватывать богатства, производимые наемными рабочими, делает из буржуазии паразитический класс: члены его не способствуют созданию богатств, за исключением лишь отдельных лиц, число которых к тому же непрерывно уменьшается, и достающаяся им доля богатств совершенно не соответствует их труду.

Если христианство, бывшее в первые века религией нищенствующих масс, между которыми государство и богатые ежедневно распределяли пищу, стало религией буржуазии, класса паразитического par excellence, то это объясняется тем, что паразитизм составляет сущность христианства. Иисус великолепно изложил в нагорной проповеди эту особенность христианства. В этой проповеди дается молитва «Отче наш», — молитва, с которой каждый верующий должен обращаться к богу, прося у него «хлеба насущного», вместо того, чтобы рассчитывать в этом отношении только на свой труд. А чтобы ни у одного христианина, достойного этого имени, не явилось искушение прибегать к труду для получения необходимого, Христос прибавляет: «Взгляните на птиц небесных; они не сеют и не жнут, а ваш отец небесный кормит их... Не тревожьтесь и не говорите: что мы будем завтра есть, что мы будем пить, во что мы оденемся... Ваш отец небесный знает, что вы нуждаетесь во всех этих вещах». Небесный отец буржуазии — это класс наемных работников, физических и умственных; он — бог, удовлетворяющий все ее потребности.

Но буржуазия не может, не подписывая себе смертного приговора, признать свой паразитический характер. Поэтому, не насилуя естествоиспытателей, дабы они могли, не стесняемые никакими догматами и не сдерживаемые никакими соображениями, совершенно свободно изучать силы природы, которые она применяет в производстве богатств, она запрещает своим экономистам, философам, моралистам,

историкам, социологам и политикам беспристрастно исследовать явления общественного порядка и заставляет их придумывать доводы для оправдания ее феноменального богатства[1]. Интересуясь лишь полученной или ожидаемой оплатой, эти ученые стали усердно изыскивать, не имеет ли по счастливой случайности социальное богатство другого источника, помимо наемного труда. И они открыли, что труд, бережливость, порядок, честность, знание, понимание и много других достоинств промышленников, купцов, земельных собственников, финансистов, акционеров и рантье имеют гораздо больше значения для производства богатств, чем труд наемных физических и умственных работников, и что поэтому буржуа имеют право захватывать себе львиную долю, оставляя рабочим лишь долю вьючного животного.

Буржуа слушает ученых с улыбкой, потому что они его расхваливают. Он даже сам повторяет эти бесстыдные измышления и объявляет их вечными истинами. Но как бы он ни был ограничен, он у себя в душе не может верить в эти измышления, ибо ему достаточно оглянуться кругом, чтобы видеть, что люди, работающие всю жизнь, но не имеющие капитала, беднее Иова, и что те, которые обладают лишь знанием, пониманием, бережливостью, честностью и эти свои достоинства применяют в борьбе за существование, вынуждены, за крайне редкими исключениями, довольствоваться черствым куском хлеба. И буржуа говорит себе: «Если экономисты, философы и политики, обладающие большим умом и образованием, не были в состоянии, несмотря на добросовестные розыски, найти лучшие доводы для оправдания богатств буржуазии, значит, дело нечисто, и, вероятно, должны существовать неизвестные

---

[1] История политической экономии весьма поучительна. Вначале, когда капиталистическое производство не успело еще превратить массу буржуазии в паразитов, физиократы, Адам Смит, Рикардо и другие могли беспристрастно исследовать экономические явления и изучать общие законы производства. Но с тех пор как машина-орудие и пар делают производителями богатств только наемных рабочих, экономисты ограничиваются только собиранием фактов и статистических цифр, нужных для коммерческих и биржевых спекуляций, не пытаясь даже группировать и классифицировать их и делать из них теоретические выводы, которые, конечно, могли бы только быть опасны для господства имущих классов. Вместо того, чтобы заниматься наукой, они направляют свои удары против социализма; они даже пытались опровергнуть теорию стоимости Рикардо, потому что ею стала пользоваться социалистическая критика.

причины, в тайну которых нельзя проникнуть». И что-то непознаваемое в общественном порядке встает перед буржуа.

Для спокойствия своего общественного строя буржуа заинтересован в том, чтобы наемные рабочие думали, будто его богатство есть плод его бесчисленных достоинств. На самом же деле самому буржуа столь же забавно слышать, что его богатство есть вознаграждение за его достоинства, как узнать, что трюфели, которые он пожирает с неменьшей жадностью, чем свинья, являются шампиньонами, которые можно искусственно взращивать. Ему важно лишь одно — обладать богатством, и тревожит его лишь мысль потерять его не по своей вине. Эта неприятная перспектива у него всегда перед глазами, ибо ему даже в узком кругу его знакомых приходилось наблюдать, как люди теряли свое состояние, между тем как другие, ранее нуждавшиеся, становились богатыми. Для него, как и для тех, кто испытал эти превратности фортуны, их причины неуловимы. Словом, он констатирует постоянное перемещение богатств, причины которого он переносит к области непознаваемого, и он вынужден приписывать эти колебания фортуны удаче, случаю [1].

Нельзя рассчитывать, чтобы буржуа когда-нибудь правильно понял процесс распределения богатств, ибо, по мере того как растет механическая индустрия, собственность все больше обезличивается и принимает коллективную и безличную форму акционерных обществ, бумаги которых в конце концов вовлекаются в водоворот биржи. Там они переходят из рук в руки, причем ни продавцы, ни покупатели никогда не видят представляемой этими бумагами собственности и даже не знают точно ее географического

---

[1] Буржуазную мысль всегда тревожили постоянные колебания фортуны, которую греческая мифология изображала в виде женщины с повязкой на глазах, стоящей на колесе. Феогнид, мегарский поэт V века до хр. э., стихи которого, по Исократу, были учебной книгой в греческих школах, говорил: «Никто не является виновником ни своих потерь, ни своих приобретений, — богатства распределяются богами... У нас, людей, имеются суетные помыслы, но мы не знаем ничего. Боги все устраивают по своему усмотрению... Юпитер по своему произволу склоняет весы то в одну сторону, то в другую, так что человек то богат, то ничего не имеет... Ни один человек без воли богов не бывает ни богатым, ни бедным, ни знатным, ни простолюдином». У авторов Екклезиаста, книг Псалмов, Притчей и Иова Иегова играет ту же роль. Греческий поэт и еврейские писатели являются выразителями буржуазной мысли.

расположения. Бумаги эти меняют одну на другую, одни их проигрывают, другие выигрывают — и все это до того похоже на азартную игру, что биржевые операции и называются игрой. Весь процесс современного экономического развития все более и более превращает капиталистическое общество в колоссальный международный игорный дом, где буржуа выигрывают и проигрывают капиталы благодаря каким-то событиям, которых они не знают, которые недоступны ни предвидению, ни учету и которые им представляются случаем, удачей. Непознаваемое царит в буржуазном обществе, как в игорном доме.

Игра, которую мы видим на бирже без всякой маски, всегда была одним из условий торговли и промышленности. Риск имеет в них место столь часто, и так трудно предвидеть его последствия, что сплошь и рядом наилучше задуманные и рассчитанные операции не удаются, между тем как другие, предпринятые легкомысленно, наобум, увенчиваются успехом. Эти удачи и неудачи, вызываемые неожиданными, обычно неизвестными и даже как бы случайными причинами, предрасполагают буржуа к риску; биржевая игра укрепляет и обостряет это предрасположение. Капиталист, состояние которого заключается в биржевых ценностях и который не знает причины колебания их цен и дивидендов, является профессиональным игроком. А игрок, который может приписывать свои выигрыши и потери лишь везению или невезению, — насквозь суеверное существо. Завсегдатаи игорных домов знают всякого рода магические средства для снискания себе милости судьбы: один бормочет молитву святому Антонию Падуанскому или какому-нибудь небесному духу, другой понтирует лишь тогда, когда выиграл определенный цвет, третий держит в левой руке кроличью лапку и т. д.

Непознаваемое социального порядка обволакивает буржуа так же, как непознаваемое физического порядка окутывало дикаря. Все или почти все акты цивилизованной жизни способствуют развитию той суеверной и мистической привычки относить все к случаю, которая характеризует профессионального игрока. Так, например, кредит, без которого невозможны торговля и промышленность, есть со стороны оказывающего его акт веры в случай, в неизвестное, ибо у него нет никакой положительной гарантии, что тот, кого он кредитует, будет в состоянии выполнить к сроку свои обязательства,—его платежеспособность зависит от тысячи неведомых и непредвидимых случайностей.

Есть еще ряд других экономических явлений, которые поддерживают у буржуа веру в какую-то мистическую силу, лишенную всякой материальной основы и всякой субстанции. Так, — ограничиваясь лишь одним примером, — в банковском билете воплощена социальная сила, значение которой столь непропорционально ее материальной оболочке, что буржуазная мысль невольно приходит к представлению о силе, существующей независимо от материи. Этот жалкий клочок бумаги, который никто не потрудился бы подобрать, не обладай он такой магической силой, дает тому, кто им владеет, все, что наиболее ценно и желанно в цивилизованном мире: хлеб, мясо, вино, дома, земли, лошадей, женщин, здоровье, уважение, почет и т. п. чувственные удовольствия и духовные наслаждения. Сам бог не был бы в силах сделать больше. Буржуазная жизнь соткана из мистицизма [1].

Торговые и промышленные кризисы ставят перепуганного буржуа лицом к лицу со столь мощными, недоступными никакому контролю силами, что они несут с собой такие же ужасающие бедствия, как гнев христианского бога. Когда они охватывают цивилизованный мир, они разоряют буржуа тысячами и разрушают на сотни миллионов продуктов и средств производства. Уже около века экономисты отмечают их периодическое повторение, не будучи в состоянии дать правдоподобного объяснения их происхождения. Невозможность найти их причину на земле внушила английским экономистам мысль искать ее на солнце. Так как, говорят они, солнечные пятна вызывают засуху и губят урожай в Индии, то покупательная способность последней падает; она приобретает меньше европейских товаров, — и это вызывает кризисы. Эти серьезные ученые возвращают нас от научной точки зрения к юдициарной астрологии средневековья, связывавшей события человеческой жизни с положением светил на небе, и к вере дикарей во влияние на их судьбу падающих звезд, комет и лунных затмений.

---

[1] Ренан, скептический и просвещенный ум которого имел налет мистицизма, питал определенную симпатию к безличной форме собственности. В своих «Souvenirs d'enfance» (VI) он рассказывает, что предпочел приобрести на свои деньги не недвижимую собственность, землю или дом, а «биржевые ценности, которые представляют нечто более легкое, более хрупкое и более эфирное». Банковский билет представляет столь же эфирную ценность, как акции разных компаний и облигации государственной ренты.

Буржуа видит в мире экономических отношений множество непостижимых тайн, от изучения которых отказываются экономисты. Капиталист, научившийся, благодаря своим ученым, приручать силы природы, до такой степени сбит с толку непонятными проявлениями экономических сил, что считает их недоступными никакому контролю, как недоступен контролю сам бог. Он думает, что самое мудрое, это — переносить со смирением идущие от них бедствия и принимать с благодарностью приносимое ими благополучие. Вместе с Иовом он говорит: «Всевышний дал мне, всевышний отнял у меня, да будет благословенно имя всевышнего». Экономические силы представляются как бы фантасмагорией, какими-то благодетельными или вредоносными существами [1].

Грозные, непостижимые явления социального порядка, которые окружают буржуа и которые — неизвестно как и почему — поражают его промышленность, торговлю, состояние, благополучие и самую жизнь его, столь же загадочны и столь же тревожны, как были загадочно-тревожны для дикаря непостижимые явления физического порядка, потрясавшие и разжигавшие его необузданное воображение. Антропологи думают, что колдовство, вера в душу, духов и бога первобытного человека объясняются его незнанием свойств физического мира. То же объяснение применимо и к цивилизованному человеку: его спиритуалистические идеи и его вера в бога должны приписываться его незнанию свойств социального мира. Неуверенность в собственном благополучии и непостижимые смены удач и неудач предрасполагают мысль буржуа, как и мысль дикаря, к признанию существования высших существ, воздействующих по своему произволу на ход социальных явлений, дабы они были благоприятны или не благоприятны, как говорят Феогнид и книги Ветхого завета. И именно для того, чтобы снискать их милость, буржуа прибегает к суевернейшим обрядам, вступает в сношения с загробными духами, жжет свечи перед святыми иконами и молится триединому богу христиан или единому богу философов.

---

[1] Кризисы производят такое сильное впечатление на буржуа, что он говорит о них в таких выражениях, словно бы они были телесными существами. Знаменитый американский юморист Артемус Уорд рассказывает, как слушая разговоры нью-иоркских промышленников и финансистов о том, что «кризис наступил, он уже здесь», он решил, что кризис находится в гостиной, и, желая увидеть его в лицо, стал искать его под столами и креслами.

На дикаря, живущего лицом к лицу с природой, особенно сильное впечатление производят непостижимые явления физического порядка, которые весьма мало, наоборот, тревожат буржуа: последний знает лишь природу декоративную, убранную, принаряженную, разукрашенную и приспособленную для его удовольствий. Бесчисленные услуги, которые наука уже оказала ему в деле его обогащения, и другие ожидаемые им еще от нее благодеяния породили в его уме слепую веру в ее могущество; он не сомневается, что когда-нибудь она откроет тайны физического мира и даже сильно продлит его жизнь, как это обещает микробоманьяк Мечников. Совсем не так обстоит дело с тайнами социального мира, которые одни только его тревожат, — он не верит, чтобы их можно было понять. Непознаваемое социального — а не физического — порядка подсказывает его голове, не обладающей сильным воображением, представление о боге, которого ему даже не нужно было придумывать и которое он мог усвоить в совершенно готовом виде. Непостижимые и неразрешимые социальные проблемы делают бога столь необходимым, что если бы это понадобилось, буржуа бы его выдумал.

К непостижимой смене обогащений и разорений и загадочной игре экономических сил, которые тревожат буржуа, присовокупляется еще резкое расхождение его поведения и поведения его собратьев с ходячими представлениями о справедливости, нравственности, честности. Он любит повторять эти нравственные сентенции, но сам, конечно, не сообразует с ними своих поступков, хотя от тех, с кем имеет дело, требует строгого согласования с ними.

Так, например, купец, продавая своему клиенту попорченный или фальсифицированный товар, хочет, однако, получить в уплату полноценную монету; фабрикант, обмеривая рабочего на количестве произведенного им продукта, требует, однако, чтобы рабочий не терял даром ни минуты времени, на которое он его нанял; буржуа-паразит (ведь все буржуа — паразиты), завладевая отечеством более слабого народа, блюдет, однако, коммерческий догмат о целости своего собственного отечества, которое, по выражению Сесиля Родса, является торговой фирмой. Справедливость, мораль и другие более или менее вечные принципы хороши для буржуа лишь тогда, когда они служат его интересам. Они двулики: одно, снисходительное и улыбающееся, лицо обращено к буржуа; другое, требовательное и хмурое, обращено к другим людям.

Это постоянное и носящее такой всеобщий характер противоречие между представлениями о справедливости и морали и поступками, казалось бы, должно было пошатнуть у буржуа представление о карающем боге. В действительности же оно укрепляет это представление и подготовляет почву для представления о бессмертии души, — представления, рассеявшегося у народов патриархального периода; у буржуа это представление постоянно подкрепляется и усугубляется его привычкой ожидать вознаграждения за все, что он делает и чего не делает[1]. Он пользуется трудом рабочих, производит товары, продает, покупает, ссужает деньги, оказывает какую-нибудь услугу лишь в надежде получить плату, извлечь какую-нибудь выгоду из этого. Это постоянное ожидание выгоды приводит к тому, что он никогда не делает ничего ради одного лишь удовольствия от самого действия, а только ради получения компенсации. Если он великодушен, милосерд, честен или даже если он только не бесчестен, спокойствия совести ему недостаточно; ему нужно вознаграждение, чтобы получить удовлетворение и не считать себя жертвой своих добрых и наивных чувств. Если, как это обычно бывает, он не получает вознаграждения на земле, он рассчитывает добиться его на небе. Но он не только ожидает вознаграждения за свои хорошие поступки и за свое воздержание от дурных поступков, но рассчитывает также на воздаяние за свои не-

---

[1] Феогнид, подобно Иову и авторам книг Ветхого завета, сильно смущен невозможностью примирить несправедливости судьбы со справедливостью бога. «О, сын Сатурна! — говорит греческий поэт, — как можешь ты уделять юдии и тот же жребий праведному и нечестному... О, царь бессмертный! Справедливо ли, чтобы страдал тот, кто не был бесчестным, не нарушал закона, не давал ложных клятв, а всегда оставался честным? Нечестивец, думающий только о себе, не боящийся ни гнева людей, ни гнева богов, совершающий несправедливости, утопает в богатствах, между тем как праведник лишен всего и задавлен тяжкой нищетой... Кто из смертных, видя это, станет бояться богов?» Псалмопевец говорит: «И вот эти нечестивые благоденствуют в веке сем, умножают богатства... И думал я, как бы уразуметь это, но это трудно было в глазах моих... Я позавидовал безумным (тем, кто не боятся всевышнего), видя благоденствие нечестивых» (псалом LXXIII, 3—10, 16).

Феогнид и евреи Ветхого завета, не веря в существование души после смерти, думают, что нечестивец наказывается на земле, «ибо мудрость богов выше всего», — говорит греческий моралист. Но это смущает ум людей, потому что «бессмертные мстят за проступок не в самый момент совершения его. Один платит лично свой долг, другой обрекает на бедствие своих детей». Согласно христианскому догмату, люди терпят наказание за вину Адама.

счастия, неудачи, огорчения и даже мелкие неприятности. Его «я» столь жадно, что для удовлетворения его он присоединяет к земным царствам царствие небесное. Несправедливости в цивилизованном обществе так многочисленны и вопиющи, а те несправедливости, жертвой которых он является, принимают в его глазах такие чудовищные размеры, что он не может допустить, чтобы он не получил когда-нибудь воздаяния за них — и притом именно в загробной жизни: он уверен, что именно на небе будет вознагражден за все свои злоключения. Загробная жизнь становится для него чем-то достоверным, ибо его благий, справедливый и украшенный всеми буржуазными добродетелями бог обязан возместить его за то, что он сделал и чего не сделал, и вознаградить его за то, что он претерпел: в коммерческом суде на небе будут урегулированы не законченные на земле счеты.

Буржуа не называет несправедливостью захват богатств, создаваемых наемными рабочими. Это воровство — для него сама справедливость, и он не может представить себе, чтобы бог или кто-нибудь другой был другого мнения об этом. Тем не менее он не считает нарушением вечной справедливости, когда разрешают рабочим питать желание улучшить условия своего существования и своего труда. Но так как он по опыту знает, что улучшения в этой области могут осуществляться лишь за его счет, он полагает, что мудрая политика повелевает сулить им будущую жизнь, где они будут жить в довольстве, как буржуа. Обещание загробного блаженства является для него самым экономичным способом удовлетворить требования рабочих. Загробная жизнь, в которую ему хочется верить для удовлетворения своего «я», превращается в орудие эксплоатации.

Так как земные счеты будут окончательно регулироваться на небе, бог неизбежно становится судьей, имеющим в своем распоряжении, как это уверяет вслед за Платоном христианство, Эльдорадо для одних, каторгу для других [1].

---

[1] Сократ в десятой и последней книге «Государства» передает заслуживающий, по его мнению, доверия рассказ об одном армянине, который, будучи сочтен мертвым и пролежав в течение десяти дней на поле битвы, воскрес, подобно Иисусу, и поведал, что он видел в загробном мире «души, десятикратно наказываемые за каждую из совершенных ими в земной жизни несправедливостей». Их пытали «безобразные люди, как бы сотканные из огня... Они сдирали кожу с грешников, волокли их в стороне от дороги по ухабам и т. д.». Христианам, взявшим из платоновской софистики часть

Небесный судья постановляет свои приговоры согласно уголовному кодексу цивилизации, приправленному некоторыми моральными законами, которых нельзя было включить в него из-за невозможности установить и доказать соответственную вину.

Современный буржуа заботится только о загробных возмещениях и наградах; его мало интересуют наказания злых, т. е. людей, причинивших ему личный ущерб. Христианский ад его мало тревожит, во-первых, потому, что он убежден, что не совершил — и не может совершить — ничего такого, за что бы он заслужил попасть в ад, а, во-вторых, потому, что он скоро забывает прегрешения, которые его собратья совершили в отношении к нему. Он всегда готов возобновить с ними деловые или светские отношения, если он находит это для себя выгодным; он даже питает известное уважение к тем, кто надул его, ибо ведь они сделали ему только то, что он сам им сделал или хотел бы сделать. В буржуазном обществе можно ежедневно наблюдать, как прославившиеся своими мошенничествами и, казалось, окончательно погибшие люди снова выплывают на поверхность и добиваются почетного положения; от них требуют лишь наличия звонкой монеты для возобновления дел, а с ними и честных заработков [1].

Ад мог быть придуман только людьми и для людей, снедаемых ненавистью и жаждой мести. Бог первых христиан — ненасытный палач, испытывающий острое наслаждение от зрелища вечных мук неверных, его врагов. «Господь Иисус, — говорит апостол Павел, — явится с неба, с ангелами силы его, в пламенеющем огне совершит отмщение не познавшим бога и не покоряющимся благовествованию господа нашего Иисуса Христа, которые подвергнутся наказанию, вечной погибели от лица господа и от славы могущества его» («Послание к фессалоникийцам», I, 6—9). Тогдашний христианин горячо верил, что получит награду

своих моральных понятий, оставалось только дополнить и усовершенствовать рассказ Сократа, чтоб сфабриковать свой ад, усеянный такими потрясающими ужасами.

[1] Вскоре после скандального краха «Crédit mobilier», основателем и директором которого он был, Эмиль Перейра, встретив на бульварах одного из своих друзей, который сделал вид, что не узнает его, подошел к нему и сказал ему громким голосом: «Вы можете поздороваться со мной, у меня осталось еще довольно миллионов». Это заявление, столь прекрасно выражавшее буржуазные чувства, вызвало тогда оживленные толки. Перейра умер, оставив сотни миллионов, всеми почитаемый и оплакиваемый.

за свое благочестие и что его враги, становившиеся врагами божьими, понесут должное наказание. Так как буржуа не испытывает подобной свирепой ненависти, — ибо ненависть не приносит прибыли, — то он не нуждается ни в аде для удовлетворения своей мести, ни в боге-палаче для наказания надувших его собратьев.

Вера буржуазии в бога и в бессмертие души — одно из идеологических явлений ее социальной среды. Буржуазию освободят от этой веры, лишь когда у нее отберут ее украденные у рабочих богатства и превратят ее из паразитического класса в класс производительный.

Буржуазия XVIII века, вступившая во Франции в борьбу за социальную диктатуру, с яростью напала на католическое духовенство и на христианство, ибо они были опорой аристократии. Если в пылу этой борьбы некоторые из вождей — Дидро, Ламеттри, Гельвеций, Гольбах — дошли в своем безверии до атеизма, то другие, — также, а может быть, еще полнее выражавшие ее настроения, — Вольтер, Руссо, Тюрго, — никогда не доходили до отрицания существования бога. Философы материалисты и сенсуалисты — Кабанис, Мэн-де-Биран, де-Жерандо, — пережившие революцию, публично отреклись от своего неверия. Не следует обвинять этих замечательных людей в измене философским воззрениям, которые в начале их карьеры дали им славу и средства к жизни. Виновата одна только буржуазия. Одержав победу, она потеряла свою антирелигиозную воинственность и, словно евангельский пес, вернулась к своей блевотине, христианству, которое, подобно сифилису, является ее конституциональной болезнью. Перечисленные нами философы испытали влияние окружавшей их социальной среды: они были буржуа, и они шли за своим классом.

Эта окружающая среда, от воздействия которой не могут избавиться даже самые просвещенные и интеллектуально свободные буржуа, ответственна за деизм таких гениальных людей, как Кювье, Жоффруа Сент-Илер, Фарадей, Дарвин, и за агностицизм и позитивизм современных ученых, которые, не осмеливаясь отрицать бога, совсем замалчивают его. Но это воздержание есть косвенное признание существования бога, вне которого им непонятен мир социальных явлений, представляющийся чем-то случайным, не подчиненным — в отличие от физического мира — закону необходимости.

Г-н Брюнетьер, в пику свободомыслию своего класса,

повторил замечание немецкого иезуита Грубера, что «непознаваемое есть представление о боге, приспособленное к франкмасонству». Непознаваемое не может быть представлением о боге ни для кого; оно есть порождающая причина этого представления, и притом — как у варваров и дикарей, так и у буржуа-христиан и франкмасонов. Если неведомые явления физической среды с необходимостью навели дикаря и варвара на мысль о боге, творце и управителе мира, то неведомые явления социальной среды с необходимостью вызывают у буржуа мысль о боге, распределяющем богатства, уворованные у наемных работников физического и умственного труда, посылающем добро и зло, воздающем за земные деяния, исправляющем несправедливости и возмещающем ущербы. Дикарь и буржуа бессознательно и непреодолимо влекутся к вере в бога подобно тому, как они, без своего ведома, уносятся землей в ее вращательном движении.

4. ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БОГЕ

Представление о боге, порожденное в человеческом мозгу неведомыми явлениями физической и социальной среды, не есть нечто неизменное. Наоборот, оно изменяется во времени и в пространстве; оно эволюционирует по мере того, как развивается способ производства и преобразуется социальная среда.

Бог, по мнению греков, римлян и народов древности, пребывал в некотором определенном месте и существовал лишь для того, чтобы помогать своим поклонникам и вредить их врагам. Каждая семья имела своих особых богов — духов обожествленных предков — и каждый город имел свое городское божество или, как говорили греки, полиаду. Городской бог или богиня пребывали в посвященном им храме и были воплощены в своем изображении, которое часто представляло собой деревянный обрубок или камень. Этот бог или богиня интересовались лишь судьбой жителей данного города. Боги-предки занимались только делами своей семьи. Библейский Иегова был таким богом; он помещался в деревянном ящике, называвшемся «кивотом завета», который переносили, когда племена передвигались на другие места. Кивот завета ставили впереди войска, чтобы Иегова сражался за свой народ. Если Иегова жестоко наказывал его за нарушение закона, он оказывал ему и многочисленные услуги, о которых рассказывает Ветхий

завет. Когда свой городской бог оказывался не на высоте положения, к нему приставляли другое божество. Так, римляне во вторую пуническую войну приказали привезти из Пессинунта статую Кибелы, дабы эта богиня Малой Азии помогла им защищаться против Ганнибала. У христиан, разрушавших языческие храмы и разбивавших статуи богов, чтобы выгнать их из храмов и не дать им защищать язычников, было такое же представление о божестве. Дикари думали, что душа — дубликат тела; поэтому их обожествленные духи, хотя и воплощались в камнях, деревянных обрубках и животных, сохраняли человеческий облик. Св. Павел и апостолы также считали бога антропоморфным, — поэтому они и сделали его человеком-богом, похожим на них телом и духом. Современный же капиталист представляет его себе без головы и рук, вездесущим, а не пребывающим в одной какой-нибудь местности земного шара.

Греки и римляне, подобно евреям и первым христианам, не думали, что их бог был единым создателем вселенной. Евреи верили в Молоха, Ваала и других богов тех народов, с которыми они воевали, столь же твердо, как и в Иегову, а христиане первых веков и средневековья, хотя и называли Юпитера и Аллаха лже-богами, считали их все же богами, которые могут совершать такие же чудеса, как Иисус и его праведный отец[1]. Именно потому, что верили в множественность богов, и возможно было, что каждый город имел в своем распоряжении особого бога, заключенного в храме и воплощенного в статуе или какомнибудь предмете. Так, Иегова был воплощен в камне. Современный капиталист, считающий, что его бог находится на земле повсеместно, не может не притти к представлению о едином боге; приписываемое им богу вездесущие не дает ему возможности представлять его себе с лицом и задом, с руками и ногами, подобно Юпитеру у Гомера или Иисусу у апостола Павла.

Городские божества, которые нужны были воинственным городам древности, находившимся в непрерывной борьбе с окружавшими их народами, не соответствовали религиозным потребностям, какие порождались товарным произ-

---

[1] Тертуллиан в своей «Апологии» и блаженный Августин в «Граде божием» сообщают как бесспорные факты, что Эскулап воскресил нескольких умерших, имена которых они приводят; что одна весталка принесла воду из Тибра в решете, а другая привела корабль своим поясом и т. д.

водством у буржуазной демократии торговых и промышленных городов, вынужденных, наоборот, поддерживать мирные отношения с соседними народами. Потребности торговли и промышленности заставили нарождавшуюся буржуазию демуниципализировать городские божества и создать богов космополитических. За семь или шесть веков до христианской эры в приморских городах Ионии, Великой Греции и Греции наблюдаются разные попытки учредить религии, боги которых не были бы в монопольном, исключительном обладании одного какого-нибудь города, а признавались бы и почитались бы различными, даже враждующими между собой народами. Эти новые божества — Изида, Деметра, Дионис, Митра, Иисус и т. д., из коих некоторые относились к матриархальной эпохе, имели еще человеческий облик, хотя начала уже чувствоваться потребность в неантропоморфном верховном существе; но лишь в капиталистическую эпоху, как следствие безличной формы, которую приобрела собственность в акционерных обществах, выступает с повелительной силой представление об аморфном боге.

Безличная собственность акционерных обществ, с ее совершенно новым способом владения, диаметрально противоположным тому, который существовал до того времени, должна была неизбежно изменить привычки и нравы буржуа и, следовательно, преобразовать его психику. До появления акционерных обществ можно было владеть, скажем, виноградником в области Бордо, ткацкой фабрикой в Руане, заводом в Марселе, или бакалейной лавкой в Париже. Каждое из этих предприятий, отличающихся друг от друга и по роду промышленности, и по географическому положению, находилось во владении одного человека или же, самое большее, двух или трех людей; редко бывало, что одно и то же лицо владело несколькими такими предприятиями. Совсем иначе обстоит дело с безличной собственностью. Какая-нибудь железнодорожная линия, копи, банк и пр. могут находиться во владении сотен или тысяч капиталистов, а наряду с этим один и тот же капиталист может иметь в своем портфеле облигации государственной ренты Франции, Пруссии, Турции, Японии и акции золотых россыпей Трансвааля, электрических трамваев в Китае, какой-нибудь трансатлантической пароходной линии, кофейной плантации в Бразилии, угольных копей во Франции и т. д. Капиталист не может питать к безличной собственности, акциями которой он владеет, ту любовь, какую питает буржуа к делу, кото-

рым он сам управляет или поручает кому-нибудь управлять под своим наблюдением; безличная собственность интересует капиталиста лишь в меру цены, уплаченной за акцию, и приносимого ею дивиденда. Ему абсолютно безразлично, откуда получается дивиденд: от предприятия ли по уборке нечистот в городе, от сахарорафинадного завода или от хлопчатобумажной фабрики, а также и то, где выколачивается дивиденд — в Париже или Пекине. Но если важен только размер дивиденда, то теряют свое значение отличия и особенности приносящего его предприятия; все эти различные, расположенные в разных местах предприятия сливаются в глазах капиталиста в одно единственное, приносящее дивиденды предприятие, акции которого обращаются на бирже под разными названиями.

Безличная собственность, охватывающая все виды промышленности и раскинувшаяся на весь земной шар, простирает свои щупальцы, снабженные выкачивающими дивиденд насосами, одинаково и среди христианских, и среди магометанских, буддистских и языческих народов. Так как накопление богатств является главной, всепоглощающей страстью буржуа, то слияние различного рода предприятий, расположенных в разных странах, в единое космополитическое предприятие должно было отобразиться в его голове и оказать влияние на его представление о боге[1]. Безличный характер собственности заставляет его бессознательно слить разных богов земли в единого космополитического бога, который — смотря по стране — называется то Иисусом, то Аллахом или Буддой и которому молятся с соблюдением различных ритуалов.

Нужно считать исторически установленным, что представление о едином и всеобщем боге, которое одним из первых выдвинул Анаксагор и которое в течение многих веков жило лишь в головах некоторых мыслителей, стало общим достоянием только в эпоху капиталистической цивилизации. Но так как наряду с безличной, единой и космополитической собственностью сохраняются еще бесчисленные личные и местные собственности, то в голове капиталиста, бок о бок с единым и космополитическим богом, умещаются еще местные и антропоморфные боги. Разделение человечества на соперничающие между собой в промышленном и торговом

---

[1] «Богатство не вызывает пресыщения, — говорит Феогнид. — Как бы много добра ни было у человека, он старается иметь еще вдвое больше».

отношении народы заставляет буржуазию раздробить и своего единого бога на столько же богов, сколько насчитывается народов. И каждый христианский народ думает, что христианский бог, — который считается ведь богом всех христиан, — есть его национальный бог, подобно тому как Иегова был национальным богом евреев, а Паллада-Афина была богиней афинян. Когда два христианских народа объявляют друг другу войну, то каждый молится своему национальному и христианскому богу, чтобы он сражался за него, и если он одерживает победу, он ему служит молебны в благодарность за то, что он разбил врага и его национального и христианского бога. У язычников дрались между собой различные боги, у христиан дерется сам с собою их единственный бог. Единый и космополитический бог мог бы изгнать из буржуазной головы национальных богов лишь в том случае, если бы все буржуазные народы объединились в один народ.

Безличная собственность обладает еще и другими свойствами, которыми она наделила единого и космополитического бога.

Владелец засеянного пшеницей поля, плотничьей мастерской или галантерейной лавки может видеть, осязать, измерять, оценивать свою собственность, имеющую определенную, точную форму. Но владелец доходной облигации государственного займа и акций какой-нибудь железной дороги, угольных копей, страховой компании или банка не может ни видеть, ни осязать, ни измерять, ни оценивать ту частицу собственности, которая содержится в его бумажных облигациях и акциях: где, в каком государственном лесу или здании, в каком вагоне, в какой тонне угля, страховом полисе или несгораемой кассе банка находится она? Его доля собственности затеряна, растворена в огромном целом, которого он даже не может себе вообразить. Ибо если он видел локомотивы, вокзалы, подземные ходы, то он никогда не мог видеть железную дорогу или угольные копи целиком; государственный же долг, банк или страховое общество вообще нельзя представить в каком-нибудь образе. Безличную собственность буржуа может рисовать себе лишь в смутной, расплывчатой, неопределенной форме; она ему представляется скорее созданием воображения, обнаруживающимся во-вне в виде дивидендов, чем чувственной реальностью. Однако эта безличная, неопределенная, как метафизические понятия, собственность снабжает его всем необходимым, подобно отцу небесному у христиан, возла-

гая на него только одну работу и одну заботу: получать дивиденды. И он их получает в блаженной лени тела и духа, как благодать капитала, религиозным отражением которой является благодать божия, — «самый истинный из христианских догматов», по словам Ренана. Он ломает себе голову над исследованием природы безличной собственности, дающей ему его ренту и дивиденды, ровно столько же, сколько над исследованием того, является ли его единый и космополитический бог мужчиной, женщиной или животным, разумен ли он или идиот, обладает ли он силой, свирепостью, справедливостью, добротой и другими качествами, которыми были наделены антропоморфные боги. Он не теряет своего времени на то, чтобы ему молиться, ибо он твердо знает, что никакая мольба не изменит размера ренты и дивиденда безличной собственности, идеальным отражением которой является его единый и космополитический бог.

Безличная собственность, преобразуя антропоморфного бога христиан в бесформенного бога, в создание воображения, в метафизическое понятие, постепенно лишала религиозное чувство буржуазии той остроты, которая породила фанатизм мученичества, крестовых походов и инквизиторства; она превращала религию в дело личного вкуса, подобно кухне, которую каждый ведет на свой лад — на сливочном или на прованском масле, с чесноком или без чеснока. Но хотя капиталистическая буржуазия нуждается в религии и хотя она считает либеральное христианство соответствующим ее желаниям, она не может признать без серьезных коррективов католическую церковь, инквизиторский деспотизм которой вторгается даже в мелочи частной жизни и которая со своей мощной иерархией безусловно послушных и дисциплинированных епископов, священников, монахов и иезуитов угрожает спокойствию буржуазного общества. Католическая церковь могла признаваться феодальным обществом, все члены которого, от крепостного до короля, занимали разные ступени общей иерархии и связаны были друг с другом взаимными правами и обязанностями. Но она недопустима в буржуазной демократии, члены которой, равные перед фортуной и перед законом, но разделенные противоположностью интересов, находятся меж собой в постоянной промышленной и торговой войне и желают иметь всегда право критиковать правительство, взваливая на него ответственность за свои экономические злоключения.

Буржуа, не терпящие на пути к своему обогащению ника-

ких помех, не могли также терпеть цеховую организацию ремесленных мастеров с их контролем способа производства и качества продуктов. Они сломили ее. Отделавшись от всякого контроля, они руководятся только собственными интересами в своем стремлении к обогащению, и каждый из них пользуется при этом находящимися в его распоряжении средствами. За качеством производимых и продаваемых им товаров следит теперь только его гибкая совесть, — пусть клиент сам следит за тем, чтобы его не обманывали ни в качестве, ни в весе, ни в цене покупаемых им товаров. Каждый за себя, а бог, т. е. деньги, за всех. Свобода промышленности и торговли неизбежно должна была отобразиться в его понимании религии, которую всякий толкует по-своему. Каждый входит в сделку с богом, как входит в сделку со своей совестью в торговых делах; каждый, в согласии со своими интересами и своим разумом, толкует учение церкви и слова библии, находящейся теперь в руках всех протестантов, подобно тому как гражданский кодекс находится в руках всех буржуа.

Буржуа-капиталист не может быть ни мучеником, ни инквизитором, ибо он потерял жар прозелитизма, одушевлявший первых христиан, которые были кровно заинтересованы в расширении числа верующих, а, значит, и армии недовольных, идущих на штурм языческого общества; у этого буржуа есть, однако, какой-то вялый, тусклый, религиозный прозелитизм, обусловливаемый его эксплоатацией женщин и рабочих.

Женщина должна быть покорна его воле. Он хочет, чтобы, в зависимости от его желаний, она была и верной, и неверной. Если она жена ближнего и он ухаживает за ней, он требует от нее неверности во имя долга по отношению к ее собственному «я», и он прибегает ко всем ухищрениям своей риторики, чтобы избавить ее от религиозных угрызений совести. Если же она его законная жена, она становится его собственностью и должна быть неприкосновенной. Он требует от нее абсолютной верности и пользуется религией, чтобы вбить ей в голову понятие о супружеском долге.

Наемный рабочий должен смиренно принимать свой жребий. Социальная функция эксплоататора труда требует от буржуа, чтобы он пропагандировал христианство, проповедуя смирение и послушание воле бога, который делит людей на господ и слуг, и чтобы он пополнил христианское учение вечными принципами демократии. Для него чрезвычайно важно, чтобы рабочие растрачивали свою интеллек-

туальную энергию в бесплодных спорах об истинах религии, о справедливости, свободе, морали, отечестве и других подобных ловушках для простаков и чтобы у них не оставалось ни одной свободной минуты для размышления о своем жалком положении и о средствах улучшить его. Знаменитый радикал и фритредер Яков Брайт так высоко ценил этот метод засорения головы, что он каждое воскресенье проводил в чтении и толковании своим рабочим библии. Но подобное амплуа отупителей с помощью библии, которому английские буржуа обоего пола могут предаваться от безделия, в виде причуды, естественно, носит, подобно всякой любительской работе, случайный, нерегулярный характер. Промышленная буржуазия нуждается для этого дела в профессиональных отупителях людей. Они поставляются ей духовенством всех вероисповедных толков. Но у всякой медали есть своя оборотная сторона: чтение библии наемным рабочим представляет опасности, которые сумел оценить Рокфеллер. Чтобы помочь беде, великий организатор трестов основал особый трест для массового издания библии, очищенной от жалоб на неправедные поступки имущих и от кипящих завистью и гневом обличений их богатства. Католическая церковь, предвидевшая эту опасность и желая уберечься от нее, запретила верующим чтение библии и предала сожжению Виклефа, впервые переведшего ее на живой язык народа. Католическое духовенство со своими молебствиями, паломничеством и другими религиозными комедиями опытнее всех своих конкурентов в искусстве отупления людей; оно также лучше других приспособлено для подготовки братьев и сестер игнорантов для начальных школ и сестер-надзирательниц для женских мастерских. Крупная промышленная буржуазия, несмотря на всю свою антипатию к католическому духовенству из-за его иерархии, хищной жадности и вмешательства в семейные дела, поддерживает его в политическом и финансовом отношении ради тех многочисленных услуг, которые оно оказывает ей в деле эксплоатации труда.

5. ПРИЧИНЫ БЕЗВЕРИЯ ПРОЛЕТАРИАТА

Многочисленные предпринятые в Европе и Америке попытки «христианизировать» пролетариат потерпели полное фиаско; им совершенно не удалось вывести его из его религиозного равнодушия, которое принимает все более и более общий характер, по мере того как механическое про-

изводство рекрутирует в армию наемных рабочих новые массы крестьян, ремесленников и мелких буржуа.

Механический способ производства, порождающий религиозность у буржуа, вызывает у пролетария иррелигиозность.

Если логично то, что буржуа верит во внимательное к его нуждам провидение и в бога, избирающего его среди тысячи тысяч людей, чтобы осыпать богатствами его лень и его социальную никчемность, то еще более логично, что пролетарий совсем не задумывается о существовании божественного провидения, ибо он знает, что никакой отец небесный, — хотя бы он молился ему с утра до вечера, — не даст ему хлеба насущного и что свою заработную плату, дающую ему самые необходимые средства существования, он выколачивает только трудом своим. И он прекрасно знает, что если он не будет работать, он околеет с голоду, несмотря на всех боженек на небе и всех филантропов на земле. Наемный рабочий—сам свое собственное провидение. Условия его существования делают невозможной мысль о каком-то другом провидении: у него, в отличие от буржуа, нет тех внезапных перемен в судьбе, которые, словно по манию жезла, могут извлечь его из его горестного положения. Он родился наемным рабочим, наемным рабочим он живет и наемным рабочим умрет. Все его честолюбие ограничивается мыслями о повышении заработной платы и о том, чтобы вырабатывать ее постоянно — в течение всех дней года и всех годов его жизни. Для пролетария не существует всех тех случайностей и неожиданностей фортуны, которые предрасполагают буржуа к восприятию суеверных представлений, а представление о боге может зародиться в человеческом мозгу лишь тогда, когда почва для ее зарождения уже подготовлена какими-нибудь другими суеверными представлениями.

Если бы рабочий стал вдруг верить в бога, разговоры о котором он слышит вокруг себя, не обращая на них никакого внимания, он прежде всего стал бы доискиваться смысла в божественной справедливости, ниспосылающей ему лишь труд и нищету. И он, конечно, воспылал бы к нему ненавистью и отвращением, представляя его себе в виде буржуа-эксплоататора; утверждали же черные рабы в колониях, что бог — белый, как и их господа.

Конечно, наемный рабочий разбирается не лучше капиталиста и его экономистов в ходе экономических процессов, и он не может понять, почему периоды промышленного

процветания и усиленной работы сменяются, с правильностью смены дня и ночи, кризисами и безработицей. Но это непонимание, предрасполагающее буржуа к вере в бога, не оказывает того же действия на наемного рабочего, ибо они занимают разное положение в современном производстве. Обладание средствами производства дает буржуа бесконтрольное управление производством и сбытом продуктов и, следовательно, заставляет его интересоваться влияющими на них факторами. Наемному же рабочему не приходится ломать себе над этим голову. Он не принимает участия ни в управлении производством, ни в выборе и снабжении его сырьем, ни в выработке приемов производства, ни в продаже продуктов: его дело только работать, подобно вьючному животному. Пассивное послушание иезуитов, вызывающее словесное негодование свободомыслящих, является законом как в армии, так и в мастерской. Капиталист приставляет наемного рабочего к движущейся машине, снабженной сырьем, и приказывает ему работать; рабочий становится винтиком машины. В производстве рабочий преследует лишь одну цель: заработную плату; это — единственный интерес, который все же должна была ему оставить буржуазия, и когда рабочий получил заработную плату, ему нечего больше требовать. Так как заработная плата представляет единственный, связанный с производством интерес, который буржуазия оставила рабочему, то последнему остается только заботиться о получении работы, чтобы выколачивать заработную плату. А так как дают работу хозяин или его представители, то, когда рабочий не имеет работы, он взваливает вину за это на них, на людей во плоти, как и он сам, а не на экономические процессы, которых он, может быть, даже не знает. На них он негодует в случае понижения заработной платы и перебоев в работе, а не на общее замешательство в производстве. Их он считает ответственными за все свои бедствия и злоключения. Наемный рабочий персонализирует все постигающие его злоключения, связанные с производством, между тем как владение средствами производства, по мере механизации их, деперсонализируется.

Жизнь, которую ведет рабочий, занятый в крупной промышленности, изолирует его еще больше, чем буржуа, от влияний естественной среды, поддерживающих у крестьянина веру в привидения, колдунов, порчу и другие суеверные бредни. Случается, что рабочий видит солнце лишь через окна мастерской и из природы знает лишь местности, окружающие город, в котором он работает, да и их-то он видит

только в редких случаях; он не умеет отличить пшеничное поле от овсяного и картофельную ботву от конопли. Он знает земледельческие продукты лишь в том виде, в каком он их потребляет. Он совершенно незнаком с полевыми работами и с факторами, влияющими на урожай: засуха, ливни, град, ураганы и т. д. никогда не вызывают в нем мысли об их влиянии на урожай. Живя жизнью горожанина, он не знает тревог и забот, которые не покидают земледельца. Природа не властвует над его воображением.

Работа в механической мастерской приводит наемного рабочего в соприкосновение с грозными силами природы, которых крестьянин не знает; но эти силы не господствуют над рабочими; напротив, рабочий их контролирует. Гигантский железный и стальной механизм завода, который заставляет рабочего двигаться, подобно автомату, который иногда захватывает его своими лапами, калечит и кромсает его, не только не внушает ему суеверного ужаса, какой вызывает гром у крестьянина, но оставляет его совершенно спокойным и бесстрашным, ибо он знает, что члены металлического чудовища сработаны и собраны его товарищами и что достаточно ему переместить какой-нибудь ремень, чтобы привести его в движение или остановить. Несмотря на все могущество и на чудесную работу машины, в ней нет для него ничего таинственного. Рабочему электрической станции, который поворотом рукоятки может послать на расстояние многих километров двигательную силу трамваям или свет какому-нибудь городу, довольно, подобно богу в книге Бытия, сказать: «Да будет свет!», чтобы свет был... Никогда люди не придумывали ничего более фантастического и волшебного; однако для него это волшебство является самой простой и естественной вещью. Рабочего очень удивили бы, если б сказали ему, что какой-нибудь бог может по своему желанию остановить машины и погасить лампы, которым он дал электрический ток; он ответил бы, что этим анархистским богом является просто какая-нибудь попортившаяся шестерня или разорвавшаяся проводка и что ему не трудно было бы найти и угомонить этого бога-смутьяна. Практика современной мастерской научает наемного рабочего научному детерминизму без того, чтобы ему нужно было для этого пройти курс наук.

Так как буржуа и пролетарий не живут уже в деревне, физические явления не могут больше вызывать у них суеверных представлений, на почве которых складывались у дикаря представления о боге. Но если буржуа, принадлежа-

щий к господствующему и паразитическому классу, подвергается действию социальных явлений, порождающих суеверные представления, то пролетарий, принадлежащий к эксплоатируемому и производительному классу, не испытывает их действия, и избавлен, следовательно, от порождаемого ими суеверия. Буржуазия перестанет быть христианской и потеряет веру в бога лишь тогда, когда будут отняты у нее как ее классовая диктатура, так и богатства, которые она ворует ежедневно у наемных рабочих.

Свободное и беспристрастное исследование природы породило и укрепило в известных научных кругах убеждение, что все явления природы подчинены закону необходимости и что их определяющие причины следует искать в природе, а не вне ее. Это исследование сделало, сверх того, возможным поставить силы природы на службу человеку.

Но промышленное употребление сил природы превратило средства производства в столь гигантские экономические организмы, что они ускользают от контроля монопольно владеющих ими капиталистов, как это доказывают периодические промышленные и торговые кризисы. Хотя эти производственные организмы созданы человеком, но когда разражаются кризисы, они потрясают социальную среду столь же стихийно, как разбушевавшиеся силы природы потрясают среду естественную. Современные средства производства могут быть контролируемы лишь обществом; а для того, чтобы мог установиться такой контроль, они должны предварительно стать общественной собственностью: только тогда они перестанут порождать социальное неравенство, создавать богатства для паразитов и нищету для производящих их наемных рабочих и перестанут вызывать мировые кризисы, которые капиталист и его экономисты способны приписывать лишь случаю и неизвестным причинам. Когда общество овладеет средствами производства и станет их контролировать, не будет больше непознаваемого в области социального; тогда — и только тогда — исчезнет окончательно из головы человека вера в бога.

* *
*

Равнодушие современных рабочих к вопросам религии, определяющие причины которого я пытался установить, представляет собою новое явление, впервые наблюдающееся

в истории. До настоящего времени именно народные массы были всегда творцами спиритуалистических идей, которые философы только запутывали своими хитросплетениями, а также легенд и религиозных представлений, которые священники и правящие классы лишь организовали в официальные религии и в орудие умственного угнетения.

МИФ ОБ АДАМЕ И ЕВЕ

(ОЧЕРК СРАВНИТЕЛЬНОЙ МИФОЛОГИИ)

Мыслимо лишь то, что существует

Парменид

Во Франции восемнадцатого столетия, бывшей тогда родиной критики, существовали только две точки зрения на библейские рассказы: верующие признавали их буквально, свободомыслящие отрицали их, как выдумки обманщиков. В наше время философские умы так же мало осмеивают их неправдоподобие, как и преклоняются перед их таинственностью; они *толкуют* их и пытаются открыть, не скрывает ли их таинственная оболочка каких-нибудь положительных фактов. Они идут по стопам психиатров, которые, не отрицая определенных неопровержимых чудесных случаев, стараются свести к патологическим причинам то, что раньше приписывалось божественному вмешательству.

По моему мнению, едва ли допустимо, чтобы человек, мысль которого может развиваться, только исходя из реальных вещей и явлений, был способен представить себе что-нибудь совершенно нереальное. Можно, следовательно, перефразируя изречение древнего философа, утверждать, что то, о чем человек мыслит, — существовало, существует или может существовать.

Однако подобно тому, как вогнутое зеркало, в зависимости от диаметра кривизны, дает более или менее искаженное изображение, так и человеческий мозг, в зависимости от степени своего развития, отражает вещи и явления в самых различных комбинациях и образах. Человеческий мозг изменяется в различные исторические эпохи. Миф, над которым мы смеемся, как над нелепостью, создавшим его и верившим в него первобытным людям казался, напротив, понятным и естественным. Нам не нужно выходить за пределы

нашего личного опыта, чтобы убедиться в справедливости этого. Разве моды и предрассудки наших дедов представляются нам не такими же смешными, какими, в свою очередь, будут казаться будущим поколениям наши моды и предрассудки?

Мифы не представляют собой ни выдумок обманщиков, ни плода досужей фантазии, — они являются скорее одною из наивных и самопроизвольных форм человеческого мышления. Только тогда мы сможем понять детство человечества, если нам удастся разгадать тот смысл, который имели для первобытных людей эти мифы и который они утратили в течение долгих столетий. Однако ориентироваться в загадочном лабиринте мифов чрезвычайно трудно; для истолкования их пробовали применять много методов, не достигнув, однако, желанных результатов; это можно заключить из противоречий, в которые впадают при объяснении одного и того же мифа различные ученые, применяющие один и тот же метод. В последние годы английские мифологи, называющие себя «фольклористами», кладут в основу изучения народных легенд новый метод.

Остроумный и ученый фольклорист Эндрью Лэнг (указываем только на одного из многих), к большому ужасу «тонкообразованных» умов, возымел счастливую мысль сравнить греческие мифы со сказаниями дикарей. И он показал, что мифы африканских негров и краснокожих американцев почти тождественны с мифами греков, этих «светочей» нашей цивилизации. Таким образом, более чем вероятно, что тщательное изучение нравов и обычаев диких народностей позволит восстановить доисторическую среду, в которой возникли первобытные религии, и понять явления, которые вызывали их появление. Уже Гоге и Шатобриан обратили внимание на своеобразное сходство, существующее между франками времен Меровингов, греками Гомера и индейцами, нравы которых открыли Моргану первоначальные формы семьи. В настоящее время все антропологи признают, что дикие народы, к сожалению, быстро исчезающие перед лицом нашей насильственной цивилизации, переживают детский период развития человечества; согласно Летурно, в их лице перед нами развертывается превосходная живая картина доисторической эпохи.

Фольклористы ограничиваются сравнением между собой легенд, мифов и суеверий различных народов. Будучи членами английского «порядочного общества», они остерегаются вводить в круг своего изучения библейские рассказы.

Нужно поэтому пойти дальше их, нужно исследовать факты, лежащие в основе мифов, надо подвергнуть подобной же критике легенды «Илиады», «Теогонии» Гесиода и рассказы книги Бытия.

1. ДВА РАССКАЗА О СОТВОРЕНИИ ЧЕЛОВЕКА

Толкователи библии указали на то, что книга Бытия содержит два рассказа о сотворении человека, которые совсем не дополняют друг друга, а напротив того, противоречат один другому.

Первая глава рассказывает, что Элоим (Elohim) «сотворил человека по образцу своему, по образу божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (гл. I, 27). И сказал он им: «Вот я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое плодородное дерево, у которого плод древесный, сеющий семя; вам сие будет в пищу» (гл. I, 29). Таким образом, он дал им право есть все плоды без исключения.

Вторая глава рассказывает событие иначе. «И создал Ягве-Элоим человека из праха земного» (гл. V, 7), поместил Адама, имя которого в действительности значит «земля», в сад Эдем и сказал ему: «От всякого дерева в саду ты будешь есть; а от дерева познания добра и зла ты не должен есть; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (ст. 16 и 17). После этого Ягве-Элоим извлек из бока Адама его жену Еву, подобно тому, как Юпитер выпустил из своего бедра Вакха, а из головы — Минерву. Согласно этому рассказу, человек создан не по подобию божьему; однако, как только он вкусил запрещенных плодов, Ягве-Элоим сказал: «Вот, Адам стал как один из нас» (гл. III, 22).

В третьей и четвертой главах описывается ослушание Адама и Евы, их изгнание из рая и умерщвление Авеля; затем в них приводится генеалогия потомства Каина. Пятая глава продолжает дальше прерванный рассказ. Она ничего не знает о саде Эдем, о сотворении Евы, о грехопадении и рождении Каина и Авеля, но снова говорит об Адаме, как мужчине-женщине, который в возрасте 130 лет «родил сына по подобию своему (следовательно, тоже двуполого) и нарек ему имя Сиф» (гл. V, 3). Рассказ заканчивается перечислением многочисленных поколений от Адама до Ноя.

Из II, III и IV глав мы узнаем, что на земле, кроме Адама и его детей, жили еще другие люди; что реки и различные

местности получили название еще до сотворения Адама; что было уже известно золото, употребление металлов, ковка мечей, приручение животных и обработка земли, — одним словом, многие вещи, которые указывают на довольно высокую цивилизацию, хотя в то же время рассказывается, что Адам и Ева, подобно стоящим на низшей ступени развития дикарям, ходили нагими и совсем не сознавали своей наготы. Таким образом, они были неспособны понять, что означало «познание добра и зла», которое они должны были приобрести, вкусив запрещенный плод. Путешественники, действительно, указывают на то, что у дикарей, живущих в подобном состоянии наготы и неведения, отсутствуют абстрактные выражения для понятий злого, дурного, справедливости и соответствующих им.

Три упомянутые главы, очевидно, вставлены позднее, и их происхождение должно быть отнесено к другой эпохе, чем происхождение первой и пятой глав, трактующих о событиях тоже другой эпохи. Вместо того, чтобы рассматривать первые пять глав книги Бытия как одно целое, следует разделить их на две группы и изучать каждую отдельно, что мы и делаем в дальнейшем изложении. Анализируя их при свете наших знаний относительно первобытных народов, мы, может быть, сумеем постичь смысл мифов, которые они рассказывают.

2. МИФ ОБ АДАМЕ, МУЖЧИНЕ-ЖЕНЩИНЕ

Первая и пятая главы книги Бытия не упоминают о существовании женщин. Адам и его потомство до Ноя сотворены по образу и подобию Элоима, они являются одновременно «мужчиной и женщиной», пользуются необычайной долговечностью, рождают детей лишь в возрасте более ста лет и умирают, достигши многих сотен лет. Ною было пятьсот лет, когда у него родились три сына; из всех потомков Адама имена трех сыновей приводятся единственно лишь в рассказе о нем.

Раввины не задумываясь признавали Адама двуполым. Моисей Маймонид в XII и Манассия Бен-Израель в XVII веке, два знаменитые еврейские теолога, утверждали, что туловище Адама, подобно туловищу Гермафродита, рожденного Гермесом и Афродитой, было в одно и то же время мужским и женским, и что мужское и женское туловище срастались в плечах. Если принимать текст библии дословно, то, без сомнения, первую человеческую пару приходится

представлять себе в подобном виде. Уже Платон описал расу двуполых существ, которые обладают четырьмя руками и четырьмя ногами и на одной шее имеют две головы. Двойное количество членов делало их столь сильными и заносчивыми, что они стали вести войну с богами Олимпа. Юпитер сначала думал истребить их, но потом смягчился и удовлетворился тем, что разделил каждое из них на две половины. У каждой из этих двух половин осталось сильное стремление соединиться с другой, и в этом именно нужно искать, по мнению Платона, происхождение любви.

В древне-персидском митраизме мы также встречаемся с идеей о двуполом характере первого человеческого существа. Он учит, что из древа жизни «reiva» произошло двуполое существо, из которого, после его распадения на две половины, образовались мужчина Meschia и женщина Meschiana, ставшие родоначальниками человечества. Миф о двуполом характере первого человека можно найти еще у большого числа народов.

Современный ассириолог Г. Ледрен констатирует наличие в религиях Передней Азии многочисленных двуполых богов и заключает из этого, что человек первоначально представлял себе божество двуполым. Однако двуполые боги, изображения которых он нашел на черепицах и памятниках Азии, принадлежат не какой-нибудь дикой нации, а уже обладающим высоко развитой культурой народам, жившим в городах, знакомым с письменностью, возделыванием земли, обработкой металлов и т. д. С другой стороны, известно, что в египетском и греческом пантеоне Неф или Зевс (ограничимся хотя бы этим богом) изображались сперва в виде гермафродитов (двуполых), уже после того как их долгое время почитали в образе однополого существа [1]. Принадлежащие одновременно к обоим полам боги входят в тот мифологический цикл, который возник позднее представления о гермафродитизме первой человеческой пары. Изложение доводов, говорящих за такое мнение, повело бы нас за пределы настоящей статьи.

---

[1] Одна из таблиц «Египетского пантеона» Шамполлиона младшего (1823) изображает Неф, великую Саисскую богиню, которая ежегодно чествовалась всем Египтом, с мужскими половыми органами. «Мифологическая Галлерея» III. Ленорма (1850) содержит снимки медалей из Передней Азии, на которых изображен Зевс, имеющий женские груди. Святой Августин цитирует древнего латинского поэта, который называет Юпитера «ruminus» (кормильцем), «отцом и матерью богов».

Итак, оставим в стороне принадлежащих одновременно к обоим полам богов и поставим вопрос: что значит это первое, двуполое человеческое существо, что значит одаренный таким необычайным долголетием Адам? Скрывается ли за этими нереальностями что-нибудь действительное, и что именно?

В своем создавшем эпоху сочинении Морган показал, что у стоящих на низшей ступени развития дикарей, о которых мы имеем сведения, половое общение происходило внутри племени. Племя, употребляя выражение Мак-Леннана, было «эндогамно». Лишь впоследствии подвергается запрещению половое общение между членами одного и того же племени. Чтобы предотвратить внутри эндогамных групп половые связи между матерью и сыном, отцом и дочерью, их делили на четыре поколения: поколения дедов, родителей, детей и внуков. Все члены одного и того же поколения считались братьями и сестрами, детьми предшествовавшего им старшего и родителями следующего за ним младшего поколения. Половое общение допускалось между всеми мужчинами и всеми женщинами одного и того же поколения, т. е. между братьями и сестрами, и, напротив того, запрещалось между членами различных поколений[1]. Между тем в еще более отдаленный исторический период половое общение, должно быть, допускалось также и между матерью и сыновьями, между отцом и дочерьми, как на это указывают известные легенды и религиозные обряды. В Индии Брама женится на своей дочери Саравасти, в Египте Аммон хвалится тем, что он муж своей матери; в Эддах Один является супругом своей дочери Фриги; а в Персии маги совершают кровосмешения подобного рода для рождения главного жреца.

Эндогамные племена являются двуполыми, так как их членам не приходится для заключения брака искать женщин и мужчин вне своей среды: условия, в которых живут эти дикари, необходимо приводят к половому общению между членами одной и той же группы.

Подобно животным, живущим стадами, мужские и женские члены первобытных племен никогда не покидают друг друга; они бродят, охотятся, едят, спят и борются вместе;

---

[1] Половое общение между братьями и сестрами было общим правилом у всех народов: греки называли брак Юноны с ее братом Юпитером священным браком (hieros gamos); критяне ежегодно праздновали, в память древних обычаев, праздник священного брака.

они не имеют домашних животных — за исключением иногда собак, — ничего не знают о какой бы то ни было культуре. Так как они живут только охотой, рыболовством и собиранием ягод, плодов и кореньев, то для добывания себе пищи они поставлены в необходимость ограничивать свою численность 40—50 особями, как это делают дикие лошади. Как только число это достигнуто, племя делится на две части, которые, в свою очередь, снова раскалываются при дальнейшем росте и т. д. Все маленькие группы, возникающие при этом делении, носят одно и то же имя, к которому иногда присоединяется еще особое название; эти группы собираются вместе в определенные сроки, чтобы вместе совершать определенные религиозные обряды. Эти состоящие из 40—50 человек племена образуют одно целое, живущее и действующее как единый индивид со столькими головами, сколько в них лиц, и с вдвое большим числом рук и ног. Греческая мифология олицетворяет подобные племена в образе сторуких (hekatoncheiros), пятидесятиголовых и сторуких великанов, рожденных Гайей и Ураном, т. е. теми божествами, которые старше Зевса и двенадцати олимпийских богов, называемых у Эсхила новыми богами. Тот факт, что человеческий ум представляет себе целую группу вместе живущих индивидов, как единое существо, кажется совершенно естественным. Так, например, крестьянские общины, обрабатывающие исполу земли феодалов, представляются проницательному толкователю средневекового обычного права Гюи Кокиллю в виде «единого тела, состоящего из многих членов, которые, хотя и отделены друг от друга, все же в силу братства, дружбы и экономической зависимости составляют лишь одное целое» [1].

Талмудисты утверждают, что Адам был великаном, которого бог укротил по просьбе ангелов, боявшихся первого человека. Во всяком случае, он отличался от обыкновенных смертных, так же как титаны сторукие, своею двуполостью и необычайной долговечностью. Оба вышеназванные ученые раввина не дают нам объяснений этого пункта, и насколько нам известно, никто еще не пытался дать разумное толкование мифу о двуполости Адама. По моему мнению, эндо-

---

[1] Гюи Кокилль: «Вопросы и ответы об обычаях нивернианцев» (округ во Франции). «Bourdelage» было системой обработки чужих поместий, схожей с испольной системой (métuyage); землевладелец получает часть урожая: двенадцатую, восьмую, шестую и т. д. Гомм указывает в своей «Деревенской общине», что эта система имеет еще силу в Англии и Шотландии.

гамные племена Полинезии дают нам ключ к пониманию необъяснимых до сих пор мест в рассказах книги Бытия.

Дикие народы часто употребляют имя в единственном числе для обозначения целой совокупности лиц; так, например, у волосатых и полудиких айнов Японии слово «aino» служит одновременно для обозначения как одного индивида, так и целой группы индивидов. Вместо того, чтобы считать имя Адам собственным именем одной личности, следует рассматривать его как имя одного или даже нескольких диких семитических племен. Библейский рассказ дает право на такое понимание, так как в нем сказано, что Элоим «сотворил человека по образу своему, мужчину и женщину сотворил их» (гл. I, 27), и что первые люди ходили голыми и питались, подобно человекообразным обезьянам, только плодами.

Ведущее свое начало от племени Элоим племя Адам породило в свою очередь племя Сиф, от которого произошло племя Енос и т. д. Все эти племена считают своими родоначальниками возведенных в родовых богов Элоим; вследствие этого члены этих племен называют себя «детьми Элоим», т. е. детьми богов, чтобы, таким образом, отличаться от остальных людей, которые являются лишь сыновьями и дочерьми людей (гл. VI, 1 и 2).

Племя Адам эндогамно, т. е. состоит — как племя Элоим, создавшее его по своему «подобию», и как племя Сиф, порожденное им в свою очередь по своему «образу», — из мужчин и женщин. Оно раскалывается подобно племенам диких народов, как только становится слишком большим, на мелкие племена приблизительно в 40 человек, которые носят имя Адам и собираются вместе в определенные сроки для отправления религиозных обрядов. Однако по истечении известного времени, которое исчисляется по числу таких общих собраний, племена Адама становятся слишком многочисленными или же рассеиваются на слишком большом пространстве, чтобы иметь возможность собираться всем в одном и том же месте. Они решают разойтись, образовать рядом с существовавшей до сих пор новую группу племен, носящую имя Сиф, имеющую другой, собственный культ (гл. IV, 26) и собирающуюся в другом месте.

Быть может, священная формула, которая произносилась при таких разделениях, была именно та, с которой обратился Элоим к Адаму: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким

животным, пресмыкающимся на земле» (гл. I, 28). Следует отметить, что Элоим дает в пищу Адаму только растения (гл. I, 29).

Выражение, что бог создал первого человека как «мужчину и женщину», не имеет смысла при предположении, что оно относится к одному индивиду, называется ли он Адам или Элоим — безразлично. Однако оно с удивительной точностью соответствует действительности, если его отнести к эндогамным племенам, носящим имя Элоим, Адам, Сиф, Ной и т. п.

Дикари не знают своего возраста, — хотя иногда умеют достаточно удовлетворительно считать, — чтобы сказать, сколько раз в данный промежуток времени повторилось какое-нибудь событие или церемония. Они помнят числа по зарубкам, насекаемым ими на палке, или по узлам, делаемым на веревке или кожаном ремне; один узел означает единицу, двойной узел — дюжину и т. д. Четки набожных католиков представляют собою пережиток мнемотехнической веревки. Члены племен Адам, Сиф, Енос, Ной и т. д. не знали, сколько им лет, но им было известно число их общих собраний, которые, вероятно, происходили несколько раз в год. Очевидно, что, когда приводится продолжительность жизни допотопных патриархов, под цифрой их лет следует понимать число этих общих собраний, которые можно сравнить с олимпийскими играми греков: это самым естественным образом объясняет чрезвычайное и изумительное долголетие «патриархов».

Происходящие от Элоим племена остались до дней Ноя эндогамными. Около этого времени, однако, стала ощущаться необходимость новых форм полового общения; «дети Элоим» начинают искать женщин вне своего племени, среди «дочерей человеческих» (гл. IV, 2). Это новшество означало полную революцию в нравах и обычаях, а также и в организации племен; сначала оно встретило большие трудности и возбудило гнев богов — Элоим, бывших хранителями и носителями старых обычаев. Элоим решили «стереть с лица земли людей, созданных ими»; это новшество вызвало кровавую борьбу, которая привела к распаду старых племен и к организации новых по новой системе.

Действительно, с Ноем начинается новая эра; до него Элоим, Адам, Сиф, Енос, Кенан, Малелеил, Иаред, Енох, Мафусаил и Ламех рождали каждый по одной линии потомства, имена которых нам передала библия; Ной, однако, представляет исключение из этого; от него происходят —

через Сима, Хама и Иафета — три линии; это означает, что племя Ной распалось на четыре группы, из которых одна сохранила имя Ной, тогда как другие назвались иначе. Когда австралийские племена переставали быть эндогамными и начинали организовываться в кланы, они делились как раз на такое число групп, которое получается от умножения на два. Члены одного и того же клана уже не имеют, как прежде, полового общения друг с другом; все мужчины одного клана А, например, имеют женами всех женщин другого клана Б, и наоборот — все женщины клана Б имеют мужьями всех мужчин клана А. Кланы А и Б были названы брачными кланами. Таким своеобразным способом дикарям удалось воспрепятствовать половому общению братьев и сестер по матери; лишь значительно позже люди стали запрещать половое общение между детьми одного и того же отца. Одного этого факта было бы достаточно для доказательства того, что первой формой одиночной семьи была матриархальная, основанная на материнском праве семья, существование которой вряд ли может подвергнуться сомнению в настоящее время.

Вероятно в то самое время, когда было запрещено половое общение внутри группы, грубая фантазия создала образ двуполого существа, чтобы изобразить таким образом оставшиеся эндогамными группы.

3. МИФ ОБ АДАМЕ И ЕВЕ

Содержащийся во II, III и IV главах библии и вставленный в первый рассказ миф об Адаме и Еве представляет смесь легенд, которые образовались в позднейшие, следующие одна за другой эпохи и которые, повидимому, были собраны в различных странах.

Как бы для того, чтобы замаскировать эту инородность мифа, вторая глава начинается с резюме предыдущей главы. Она повторяет, что Элоим окончил на седьмой день «свои труды» и опочил в этот день; затем выступает на сцену Ягве-Элоим; это он говорит и действует. Остановимся на этом двойном наименовании бога.

Переводчики Ветхого завета передают имена Элоим, Ягве-Элоим и Ягве безразлично посредством слов «господь бог» и «господь». Они при этом делают такую же серьезную ошибку, как и тот эллинист, который перевел бы имена Уран, Кронос и Зевс, принадлежащие трем, следующим одно за другим поколениям богов, просто словом «бог», как

будто бы они обозначали одного и того же небожителя. Ягве представляет из себя слово в единственном числе; Элоим, напротив, есть множественное число от слова Элоа и значит — сильные, могучие; корень «Эл» значит — сильный человек, мужественный человек, герой. Мишель Николя заметил, что в Ветхом завете цари и судьи называются Элоим.

Однако уже в 1753 г. доктор Астрюк, опираясь на различное употребление слов Элоим и Ягве, пришел к тому заключению, что Моисей слил в один рассказ два различных предания. Это замечание послужило исходным пунктом важных исследований текста Пятикнижия. Мишель Николя был того мнения, что элоизм представлял собою древнюю политеистическую форму религии израелитов, тогда как ягвеизм или иеговизм являлся позднейшей и более развитой монотеистической формой последней[1]. Вполне установлено, что культ Ягве позднейшего происхождения, так как в библии ясно сказано, что он был основан сыном Адама — Сифом (гл. IV, 26). Согласно английским теологам, Ягве был национальным богом иудейского народа, тогда как Элоим являлись предтечами множественности и всеобщности богов троицы.

В настоящее время существует полная возможность дать более реалистическое объяснение. Сравнивая между собою некоторые места, в которых упоминается слово Элоим, можно заметить, что язычники употребляют его, когда обращаются к евреям, и что последние пользуются им в тех случаях, когда говорят с язычниками[2]. Это, повидимому, указывает на то, что Элоим, которых Ренан так удачно сравнил с «духами дикарей», были общими богами всех семитических племен и что Ягве был Элоим или, вернее, Элоа отдельного племени, т. е., как думали английские теологи, был племенным или национальным богом. В самом деле, во II и III главах Бытия говорится о Ягве-Элоим, т. е. об одном из Элоим по имени Ягве, а в одном месте первой книги Царей рассказывается, что сирийцы считали Ягве одним из Элоим (I Царей, гл. XX, 23 и 28).

---

[1] М. Николя — Этюды по критике библии (1862).

[2] По мнению язычников, именно Элоим освободили израелитов от египетского рабства (I Самуила, гл. IV, 18). Когда Иосиф должен был пред лицом фараона делать свои предсказания, он говорил об Элоим (Бытие, гл. XIV, 16). Когда Давид умоляет моабитских царей о защите своей семьи, он прибегает к слову Элоим (I Самуила, гл. XXII, 3) и т. д.

Слово Ягве происходит от глагола «быть», «haja», и, так как оно употребляется в качестве существительного, оно означает «бытие, которое существует», «пребывающее»; Ягве есть таким образом Элоа, сильный и могучий человек, переживающий других; он представляет собою, следовательно, обожествленного родоначальника, культ которого основал Сиф. Ваал, с которым он постоянно враждебно сталкивается, равным образом должен представлять собою одного из Элоа, возведенного в предки каким-нибудь другим семитическим племенем.

Заимствованный из римских генеалогий исторический пример ясно покажет нам смысл соединения слов Ягве-Элоим. Род Корнелиев делился на четыре ветви, отличавшиеся между собою именами: Сципион, Лентул, Косс и Сулла. Так, например, определенное лицо называлось Публий Корнелий Сципион: Корнелий было имя рода и соответствовало имени Элоим; Сципион было имя одной из четырех линий и соответствовало имени Ягве, которое носила одна из ветвей Элоим, а Публий было личное имя. Каждая линия рода Корнелиев имела своих особых родоначальников и вместе с тем свой особый культ предков; тем не менее все четыре ветви признавали общего им всем предка, и потому время от времени собирались вместе, чтобы совместно исполнить обряды своего культа. Элоим были общими для всех семитов предками; Ягве же почитался, в качестве божественной личности, только одной из линий большой семитической семьи.

К тому времени, с описания которого начинается миф, Ягве-Элоим достигли уже относительно высокой ступени материального и духовного развития; они обладали расположенным к югу, засаженным деревьями садом Эдем, который был населен домашними животными и орошался большим ручьем; но среди них еще не было «человека для возделывания земли» (гл. II, 5). Чтобы добыть себе работников, они обратились к племени Адам, т. е. к ветви Элоим, которое в диком состоянии еще бродило по лесам, подобно их отдаленным предкам, и которое казалось им столь же презренным, как «прах», которым оно, может быть, посыпало себя, подобно австралийским неграм. Хотя средневековые феодалы называли себя христианами и детьми Адама, все же они были твердо убеждены в том, что созданы из лучшего материала, чем горожане и крепостные; Ягве-Элоим смотрели на своих диких соплеменников с подобными же чувствами. Они уводили последних в свои сады в качестве рабов, указывали им деревья и животных, которые они должны «воз-

делывать и хранить» (гл. II, 15), и позволяли им, за исключением плодов дерева познания добра и зла, есть все растущие в саду плоды (гл. II, 17). Когда Адам и Ева, оказав непослушание, поели запрещенных плодов, Ягве-Элоим стали опасаться, что они уйдут из-под их власти и начнут «срывать плоды с древа жизни, вкушать их и жить вечно» (гл. III, 22).

Запрещение вкушать плоды дерева познания и опасение, что Адам сможет также сорвать плоды дерева жизни и съесть их, требуют двух разъяснений.

Кланы (племена) дикарей носят имена животных и растений, которые считаются их предками и священны для всех членов клана. Вот почему в Египте в одном городе часто запрещалось есть определенное животное или определенное растение, которых в другом месте спокойно употребляли в пищу. В жилищах и на гробницах членов клана помещались изваянные изображения почитаемых в качестве родоначальников растений и животных, которые иногда рисовались также посредством татуировки на коже. Робертсон Смит, ученый профессор арабского языка в Кэмбриджском университете, приводит в своем сочинении о системе родства у арабов длинный ряд арабских племен, носивших еще в исторические времена название животных и растений, от которых, как они утверждали, они происходили [1].

Дерево жизни, о котором говорит книга Бытия, было очевидно растением, почитаемым в качестве божественного предка, подобно «рейве» — дереву, от которого митраизм ведет происхождение человеческого рода. На халдейских гробницах часто находят изображение дерева; вавилоняне и ассирийцы почитали кипарисы, которые можно видеть нарисованными на различных памятниках, охраняемыми двумя гениями, как раз подобно тому, как после изгнания Адама и Евы из рая дорога к дереву жизни была охраняема херувимом, держащим обнаженный меч (гл. III, 24). Так как Ягве-Элоим сами не ели плодов дерева жизни, то, понятно, они запрещали есть их и своим илотам.

Дерево познания добра и зла требует другого объяснения.

Когда в Австралии грозит плохой сбор плодов хлебного дерева, корни ямса и дикие бананы объявляются «табу», т. е. воспрещается их употребление. Если ощущается недостаток кур и свиней, если в какой-либо бухте рыба стано-

---

[1] Робертсон Смит — Родство и брак в древней Аравии. 1885.

вится редкой, сейчас же куры, свиньи в этой местности объявляются «табу».

Однако «табу», представляющее из себя запрещение, налагаемое в интересах всех, ведет к созданию привилегий между лицами различных возрастов, полов и классов. Так, например, молодым австралийцам, еще не вступившим в число охотников и воинов, запрещалось есть мясо эму; на некоторых островах южного океана женщины не смели ни в коем случае потреблять свинину или человеческое мясо, — деликатесы, предоставленные исключительно потреблению мужчин. Г. Кинг рассказывает в своем «Путешествии в Австралию», что он был однажды свидетелем того, как один молодой раб был умерщвлен за то, что осмелился взять сладкие пататы, которые были объявлены «табу». Жрецы налагали «табу» во имя «каута» — полинезийских богов. Религиозное запрещение вызывало такой ужас, что люди, нечаянно нарушившие его, часто сами осуждали себя на голодную смерть. «Табу» существовало и у иудеев. Р. Смит говорит, что из встречающегося в Пятикнижии и в книге Левит запрещения некоторых видов пищи, как «нечистых», отнюдь не следует заключать, что они в буквальном смысле были «нечистыми», ибо еврейское слово «tame» употреблялось не для обозначения действительно нечистых вещей, а было свойственным религиозному ритуалу выражением, смысл которого вполне соответствует идее «табу».

Дерево познания добра и зла было объявлено «табу»: плоды, которые показались Еве «красивыми на вид и приятными на вкус», предназначались исключительно для Ягве-Элоим; съесть их значило нарушить привилегии последних, ставить себя на одну доску с ними, стать подобным им; вот почему они говорят: «Вот Адам стал как один из нас» (гл. III, 22). Употребленное в этом стихе местоимение «нас» ясно указывает на то, что под Ягве-Элоим следует понимать не отдельную личность, а совокупность личностей, целый клан. Ева и Адам, с своей стороны, тоже думали, что стали подобны своим господам; они покраснели при виде своей наготы, которая до того казалась им естественной, и захотели быть одетыми так же, как и Ягве-Элоим. Одежда служит внешним признаком различий в общественном положении. В Британском музее в Лондоне находится вывезенная из долины Нила и удивительно хорошо сохранившаяся древняя стенная живопись, изображающая знатных египтянок, одетых и обвешанных украшениями, которым прислуживают рабыни, абсолютно голые, как и Ева перед грехо-

падением. Когда в американских колониях негр отпускался на свободу, первой его заботой было достать одежду и усвоить себе манеры своих прежних господ.

Достойно замечания, что Адам и Ева срывают объявленный «табу» плод не по своей инициативе. Должно вмешаться третье лицо, чтобы внушить им идею вкусить запрещенных плодов, чтобы, так сказать, снять «табу». Здесь в рассказ Бытия вплетается миф о змее.

Хотя змея является пресмыкающимся животным или, быть может, именно потому, что она «ползает на брюхе», — в истории человечества она играла выдающуюся роль. Ее чтили почти повсюду; у мексиканцев и египтян она была богом; абиссинские галласы считали ее матерью человеческого рода; востоковеды утверждают, что буддизм представляет собою не что иное, как преобразованный культ змеи; афиняне откармливали священную змею в храме Минервы в Акрополе; св. Августин рассказывает о христианских еретиках — офитах, державших в своих храмах змей; последние выползали на зов священников из своего гнезда, чтобы лизать дары, которыми причащались верующие. От Лукиана мы узнаем, что греки воздвигли в честь Александра Великого храм и стали приносить ему жертвы, так как он сделался сыном змея, с которым сочеталась его мать Олимпия. В Индии змея Аи является врагом Индры, отцом древнего света; у персов бог зла Ариман имеет вид пресмыкающегося и изображается в виде змеи с двумя ногами.

В книге Бытия говорится, что «змей был хитрее всех зверей полевых» (гл. III, 1); греки приписывали змее дар прорицания; Кассандра и ее брат Элен получили от одной змеи способность заглядывать в будущее. Историк Иосиф полагал вместе со своими иудейскими земляками, что змея обладала даром речи и часто вела разговоры с Адамом, но была наказана богом отнятием речи. Парацельс был того мнения, что с потерей речи змея не потеряла своей мудрости и что все пресмыкающиеся сохранили свое знание глубоких тайн природы.

Разумеется, все эти удивительные свойства более или менее щедро приписывались также и другим животным, даже растениям. Первобытный человек наивно переносит свои собственные свойства на все вещи, которые окружают его; он не делает никакого различия между собою и ими; они живут, чувствуют, думают и действуют совсем так, как и он сам. Поэтому он также считает их своими предками и убежден, что по смерти его душа воплощается в животных, ра-

стения и даже неодушевленные вещи. Требуется продолжительный процесс развития для того, чтобы человек дошел до отделения себя от животных и растений и до сознания «genus homo». Новейший прогресс естественных наук состоит в сближении человека вновь с царством животных.

Простейшее и тем не менее самое естественное объяснение мифа о змее было дано наивными иллюстраторами немецкой библии времен Лютера; они рисуют нам Еву, разговаривающую со змеем, у которого человеческая голова. В египетском пантеоне изображаются то люди с головами животных, то, наоборот, животные с головами людей. По выходе своем из Египта Моисей и евреи во всяком случае были знакомы с такими изображениями. Впрочем, им не надо было непременно жить в Египте для того, чтобы соединять в одно существо человека и животное. Дикари и варвары, считающие животных своими предками, носят их имена и во время некоторых обрядов своего культа надевают маски, которые изображают голову или тело данного животного. Змея же принадлежит к числу тех животных, которые чаще всего выбираются в качестве предков. Робертсон Смит рассказывает, что многие арабские племена носили имена различных видов змей. Таким образом, по всей вероятности, именно члены такого змеиного клана убеждали Адама и Еву восстать против Ягве-Элоим, против своих господ и хозяев — собственников рая. Только допустив это, можно понять слова Ягве-Элоим, обращенные к змею: «Вражду возбужу я между тобою и между женою, и между семенем твоим и семенем ее» (гл. III, 15), т. е. я возбужу войну между обоими вашими кланами.

Во время своего пленения в Египте израильтяне во всяком случае довольно часто подвергались суровому наказанию за то, что ели плоды, которые предназначались только для их господ. В наказание — как это практиковалось и в Риме — их отсылали из садов, в которых работа была сравнительно легка, в поместья, где им приходилось исполнять значительно более трудную работу. Так объясняются слова Ягве-Элоим Адаму: «Проклята земля из-за тебя; со скорбию будешь питаться от нее, во все дни жизни твоей. Тернии и волчцы произрастит она тебе, и будешь питаться полевою травою. В поте лица твоего будешь есть хлеб твой» (гл. III, 17, 18, 19). Возможно, что один или несколько подобных случаев послужили основой мифа, вокруг которой затем сгруппировались другие подробности. Впрочем, абстрактные выражения, вроде «познания добра и зла», го-

раздо более уместны в устах египетских жрецов, чем семитических варваров.

Миф об ослушании и грехопадении первых людей мог, конечно, быть чрезвычайно важным с религиозной точки зрения для объяснения происхождения человеческого злополучия, — так же как и вариант его — миф о Хаме, который дает оправдание порабощению целой расы; однако с исторической точки зрения ценность его не столь велика, как ценность некоторых отдельных частностей его, до сих пор обращавших на себя мало внимания.

Стих 24-й второй главы гласит: «человек оставит отца своего и мать свою и прилепится к жене своей». Женщина, следовательно, не покидает своих родителей, не говорит униженно, подобно Руфи: «Куда ты пойдешь, туда и я пойду, и где ты жить будешь, там и я буду жить»; «народ твой будет моим народом, и твой бог моим богом». Женщина, таким образом, еще не находилась в зависимости от мужчины. Однако 16-й стих третьей главы показывает, что положение женщины совершенно изменилось; действительно, Ягве-Элоим объявляет ей, что отныне «воля ее подчинена будет воле ее мужа и что он будет господином ее», т. е. мужчина становится теперь главой семейной общины.

Оба приведенные стиха свидетельствуют, что в недрах семьи произошла целая революция. Изучение греческих сказаний привело Бахофена к убеждению, что патриархальной семье должна была предшествовать другая форма семьи, при которой женщина господствовала над мужчиной, воля которого, употребляя выражение библии, подчинялась ее воле. Морган в результате своих многолетних наблюдений над обычаями индейцев пришел к тем же выводам. Там, где существует материнское право, жена остается в своей семье, в своем клане, а муж должен покинуть «отца своего и мать свою, чтобы прилепиться к жене своей». До грехопадения Ева была госпожей, despoina, как говорили спартанцы, у которых еще долгое время держались первобытные обычаи. Вот почему искуситель обращается к ней; Адам «слушается ее слова», она приказывает ему и платится потому вдвойне за содеянный грех; она теряет власть над мужем и наказывается телесно: в муках предстоит ей рожать своих детей.

Робертсон Смит полагает, что имя Евы указывает на семью, основанную на материнском праве; он думает, что «Hawwa», еврейское имя Евы, образовано при помощи изменения согласных и прибавления женского окончания из слова «hagg», которое первоначально означало родство с

материнской стороны. Впрочем, мы встречаем в библии и другие следы матриархальной семьи. Когда Авраам дает своему старшему слуге поручение найти жену для своего сына, слуга отвечает ему, что необходимо, чтобы Исаак переселился в страну своей жены (I книга Моисея, гл. XXIV, 5). Жена Самсона, бывшая дочерью филистимлянина, остается жить в среде своего народа, и Самсон сам посещает ее (книга Судей, гл. XV). В наши дни Дюверье нашел, что у туарегов еще существует матриархальная семья, достигшая последней ступени своего развития.

Рассказ о том, что Ева произошла из ребра Адама до грехопадения, является анахронизмом. Подобный миф мог образоваться лишь после того, как возникла патриархальная семья и жена стала переселяться в жилище своего мужа уже не в качестве равной ему по происхождению, равноправной личности, а как подчиненное ему лицо, над которым он, как и над своими детьми, имеет право жизни и смерти. По римскому праву положение жены в семье соответствовало положению дочери, «loco filiae», так что она благодаря юридической фикции делалась сестрой своих собственных детей. Примитивный ум семитов должен был более грубым, более осязательным, так сказать, образом, чем это делала юридическая формула, выразить тот факт, что женщина подчинена мужчине; поэтому он и представляет себе, что жена происходит из ребра своего мужа, как дитя выходит из материнского тела.

Но если жена не вышла из тела своего мужа, она все-таки появилась из его кошелька; в течение первого периода патриархата мужчина покупал себе жену или посредством подарков, как Исаак, или путем долголетней работы на нее, подобно Якову. Гомер употребляет в применении к молодой девушке прилагательное alohesiboia, приносительница рогатого скота, так как ее выменивали на рогатый скот; на многих языках выражение «обручиться» значит «дать залог». Так как глава семьи обладал правом жизни и смерти над своими детьми, он передавал это право покупателю своей дочери, ее мужу, который в свою очередь приобретал над нею с этого момента права отца. Для того, чтобы укрепить внешним выражением авторитет мужа, последний удочерял свою жену и вводил в качестве дочери в свое жилище: в рассказе книги Бытия о том, что Ева произошла из ребра, надо, без сомнения, видеть условное удочерение жены мужем, которое было в обычае у семитов в первое время существования патриархата.

4. МИФ О КАИНЕ И АВЕЛЕ

Этот миф, который со времен Байрона стал излюбленной темой для поэтической обработки личности сатаны, выделяется своей цельностью; отдельные частности, сообщаемые им, не иностранного происхождения, но, очевидно, возникли в недрах семитической нации или, по крайней мере, какого-нибудь пастушеского народа, враждебно относящегося к оседлой жизни и земледелию.

Диодор Сицилийский сообщает, что в его время у племен набатейских семитов было запрещено под страхом смерти сеять пшеницу, сажать деревья и строить дома. Евреи в известную эпоху своей истории должны были питать сильную ненависть к земледелию, которое делает невозможной кочевую жизнь и заставляет держать стада вдали от возделанной земли. Всякая культура земли означает для пастушеского народа ограничение права на пастбище; это право для него является первым и самым важным из всех прав.

Книга Бытия рассказывает нам, что Авраам и Лот должны были расстаться ввиду того, что их пастухи постоянно ссорились из-за лугов и источников; по той же причине должны были разойтись Исав и Яков (гл. XIII и гл. XXXVI). Еще более частыми должны были стать споры и столкновения между пастухами и земледельцами, так как последние считали своим несомненным правом препятствовать стадам подходить к их обработанным полям. Вероятно, в одной из таких драк земледелец Каин убил пастуха Авеля, скот которого сломал его изгороди и стравил семена.

«Калевала», эпическая поэма финского народа, рассказывает об одном братоубийстве, описание которого по его кровавой дикости, быть может, указывает нам на то, о чем умалчивает книга Бытия.

«Горная овца Унтамо объела овес, посеянный Калево; дикая собака Калево разорвала овцу Унтамо. Унтамо прогневался и пригрозил Калево, своему родному брату, смертью. Он поклялся разрушить дом, умертвить в нем взрослых и малых, уничтожить всех жителей и сжечь его дотла. И он вооружил своих людей: сильным дал мечи, слабым и детям дал он пики и отправился на кровавый бой, на войну на жизнь и на смерть против сына своей матери... Они прибыли на место... Они изрубили в куски людей Калево, перебили сильное поколение, сожгли жилище и сравняли его с бесплодной землей. Единственная женщина избегла смерти, женщина, носившая в своем чреве ребенка»,

Бог пастушеского народа, разумеется, не преминет заступиться за пастухов против земледельцев, и Ягве поступает соответственно этому. «И призрел господь на Авеля и на жертву его; а на Каина и на жертву его не призрел» (гл. IV, 4 и 5).

Убийство Авеля должно быть отмщено. Но кровавая месть, — первое, возникающее в человеческом мозгу неясное понятие о справедливом возмездии, — не может со всей строгостью проводиться в жизнь, когда дело идет о членах одной и той же семьи, одного и того же племени. Причина этого отступления от простой и неумолимой логики дикаря и варвара очень проста; все члены клана ведут свое происхождение от общего племени-матери, одна и та же кровь течет в жилах каждого, проливать эту кровь в их глазах — самый великий грех, какой только можно совершить. Дикарь может убить в минуту безумного гнева члена своей семьи, но он никогда не решится обдуманно запятнать себя кровью своего клана, даже если бы она была пролита в отмщение за смерть родственника. Изгнание — единственное наказание, которое первобытные люди налагают на того, кто лишил жизни члена своего клана. Если же убийца — чужой клану, кровавая месть применяется со всей строгостью: кровь за кровь, смерть за смерть.

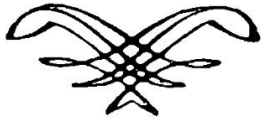
Но и изгнание — ужасное наказание. Тот, кого оно постигает, обречен на постоянные скитания; не имея пристанища, становится «бродячим волком», как говорили древние саксы; он беззащитен перед кланами, окружающими клан, из которого он исключен. Каин трепещет и плачет, когда узнает свой жребий: «Наказание мое больше, нежели снести можно, — вскричал он горько, — я буду изгнанником и скитальцем на земле; и всякий, кто встретится со мною, убьет меня» (гл. IV, 13 и 14).

Дикари преследуют, как дикого зверя, всякого чужака, которого встречают на своей территории. Американские индейцы обрезали такому чужаку нос, который отсылали вождям его клана с извещением, что при вторичной поимке на их территории они скальпируют его. Ягве, к которому Каин обратился со своей жалобой и который в данном случае представляет в своем лице совет старейшин клана, не хочет смерти братоубийцы и делает «отметку на Каине, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его». И он даже пригрозил, что «кто убьет Каина, тому будет отмщено всемеро» (гл. IV, 15), т. е. смерть Каина будет отмщена смертью семи других лиц. Знак, наложенный Ягве на Каина, служит по-

следнему охранной грамотой и позволяет бродить по владениям живущих вокруг племен и добраться до земли Нод, страны изгнания, лежавшей к востоку от Эдема.

В земле Нод Каин останавливается, строит город и делается родоначальником новой линии. Многие из его потомков возвращаются в силу атавизма к пастушеской жизни, другие же идут дальше по пути, проложенному их прародителем. Один из них — Тубал-Каин — изобретает искусство ковать «всякого рода медные и железные вещи». Земледелие и искусство обработки металлов и постройки городов делают род Каина настолько сильным и внушающим страх, что Ламех, его потомок в пятом поколении, гордо хвалится тем, что он может отмстить за оскорбление в семьдесят семь раз. Пастушеский бог Ягве удовлетворялся простой расплатой — «око за око, зуб за зуб»; угрожая, он обещает только семь смертей за одну.

Так смешно понятый буржуазными поэтами миф о Каине означает победу земледелия над пастушеской жизнью.



ОБРЕЗАНИЕ-ЕГО СОЦИАЛЬНОЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

I

Тэйлор отмечает как пережиток каменного века каменный нож, который употреблялся когда-то евреями при обряде обрезания, который и теперь употребляется ими при совершении этого обряда над детьми, умершими до достижения восьмидневного возраста [1].

Употребление каменного ножа при такой опасной операции служит важным признаком того, что обряд обрезания принадлежит к древнейшим установлениям человеческого рода.

Обрезание считали религиозным обрядом, свойственным, если не исключительно, то преимущественно евреям — благодаря той связи, которую они установили между данными им богом обещаниями и соблюдением этого обряда, благодаря той цепкости и упорству, с которыми семиты до сих пор держатся его, и тому презрению к необрезанным язычникам, которое нередко сквозит и в Новом завете. Но если держаться библии, то мы найдем, что бог потребовал в жертву от Авраама его крайнюю плоть лишь тогда, когда Аврааму минуло 99 лет (Бытие, XVII), после возвращения его из Египта, где патриарх познакомился с важным религиозным значением обрезания и научился почитанию этого

---

[1] Тэйлор — Исследование о древней истории человеческого рода. 1870, стр. 217.

Обрезание совершается на восьмой день по рождении.

обряда увечения. Таким образом, приходится признать, что не евреям принадлежит честь изобретения этого обряда, который, по словам Геродота (II, 104), соблюдали с незапамятных времен египтяне, колхи и эфиопы и который финикиянами и эфиопами, по их собственным признаниям, был заимствован у египтян. Повидимому, введение обряда обрезания у евреев встретило некоторые затруднения, потому что Моисей, женившись после бегства из Египта в страну Мадиамскую на Сепфоре, которая вела свое происхождение от Авраама, совершил обрезание над своим сыном лишь по возвращении из Египта и после того, как бог хотел убить его (Исход, IV, 24); эту операцию над ребенком произвела его жена. Благодаря сношениям с греками, финикияне бросили обычай обрезания новорожденных (Геродот, II, 104). То же было и с самими израильтянами. Когда они оставили Египет, они отказались от обрезания и ввели его опять только тогда, когда пришел конец их скитаниям по пустыне и притом по ясному указанию всевышнего, который приказал Иисусу Навину произвести обрезание над всеми мужчинами (Иисус Навин, V). При Антиохе Втором, когда и среди евреев усилилось греческое влияние, отсутствие крайней плоти заставляло краснеть богатых жителей Иерусалима. Те из них, которые посещали общественные гимнасии, где юноши без всякой одежды занимались физическими упражнениями, приделывали себе искусственно крайнюю плоть. Римский историк Цельз описывает эту операцию («De re medica», VII, 25).

Египетские жрецы, — рассказывает Геродот (II, 37), — обрезывали себя в целях соблюдения чистоты. Но этот обычай не ограничился одной только кастой жрецов, как об этом свидетельствуют скульптура и мумии: обрезание служило знаком, который отличал египтян от чужеземцев. Позже, когда египтяне сблизились с другими народами, обрезание опять служило приметой, которая препятствовала ортодоксальным египтянам смешиваться с неверующими чужеземцами. Его возникновение и укоренение в стране относится к древнейшим временам. Оно встречается уже в самой ранней эпохе, от которой до нас дошли памятники, больше чем за 2.500 лет до начала христ. эры, а возникновение его относится к еще более древним временам [1].

Египтяне считали обрезание до того древним, что проис-

---

[1] Гарднер Вилькинсон — Нравы и обычаи в древнем Египте, Лондон 1878.

хождение его искали у животных, у павианов, которые, как они говорили, родятся обрезанными [1].

В этом странном обычае, как и в обычае вытравливания волос на теле, который добросовестно исполняли египетские жрецы, хотели видеть только акт соблюдения чистоты, примитивную меру предосторожности против эпидемий венерических болезней, которые обыкновенно наступали после оргийных празднеств в честь бога Ваал-Пегора (книга Чисел, XXV). Но для того, чтобы получить широкое распространение в массе и удержаться там, эта гигиеническая мера должна была принять характер религиозного обряда. И в самом деле, когда израильтяне пришли в «обетованную землю», где получили возможность принимать участие в больших проституционных праздниках древнего мира, — Иисус Навин вновь установил обряд обрезания, как меру предосторожности, забытую во время странствования по пустыне. Мы не хотим умалить значение этого объяснения, в особенности в случае с Иисусом, но нельзя не признаться, что этнографические работы и религиозно-исторические исследования дают более вероятное и более общее объяснение этого варварского обычая.

II

Э. Казалис, который 23 года прожил в качестве миссионера в Южной Африке, описывает церемонии, которыми сопровождается обряд обрезания у племени басуто; его показания подтверждает также и Ливингстон. Так как первые фазы развития человечества мы можем конструировать, лишь исследуя обычаи и обряды диких и варваров, которые, выражаясь словами Летурно, представляют собой живую историю прошлого, я хочу вкратце передать показания обоих путешественников и дополнить их наблюдения, которые сделаны в Австралии: таким путем мы скорее будем в состоянии объяснить происхождение этого обычая [2].

У басуто и бечуанов обряд обрезания совершается в возрасте от 13 до 14 лет. Он превращает детей в мужей. Этот обряд, который совершается лишь раз в 5—6 лет, имеет такое важное значение, что бечуаны ведут по нему свое летосчисление, как древние греки по олимпиадам.

---

[1] Гораполлон — Иероглифика, II.

[2] Казалис — Басуто. Париж 1859, гл. 13. Ливингстон — Путешествие миссионера в Ю. Африку. Лондон 1857. Ангас — Сцены из жизни дикарей в Австралии и Новой Зеландии.

Молодые люди, которых таким способом «делают мужами», как бы замышляют бунт, как только они узнают, что наступило время для совершения обряда, и убегают в леса; воины преследуют их в полном вооружении и при шумных плясках приводят инсургентов, что служит сигналом для начала празднества. На следующий день строят хижины, так называемые «mapato» (тайна, тайник), в которых молодые люди после обрезания, под руководством особых наставников, проводят от 6 до 8 месяцев, обучаясь употреблению оружия и метанию копий; здесь же они научаются владеть дубиной и отражать удары четырехгранным щитом. Они закаляют свое тело, приучаясь переносить голод, боль и усталость. Словом, они здесь учатся искусству быть мужем и воином. Их подвергают продолжительному посту, многочисленным и безжалостным бичеваниям, и в то время, когда прутья со свистом опускаются и въедаются в их голые тела, менторы поучают их: «Крепитесь! Будьте мужами! Избегайте воровства и прелюбодеяния! Почитайте отца и мать! Слушайтесь своих предводителей!» Наставник имеет право убить каждого молодого человека, который делает попытку уклониться от этого ужасного воспитания, кончающегося гибелью слабых. Женщинам строжайше воспрещено подходить на близкое расстояние к «mapato», но каждый мужчина имеет право войти в хижины и к ударам и поучениям наставников присоединить и свои. Этот спартанский метод воспитания, который философами древности и историками нового времени считается особенностью жителей Лаконии,— применялся всеми первобытными народами для воспитания воинов, способных переносить лишения и труды.

Особенность лакедемонян состояла в том, что они одни, среди греческой цивилизации, сохранили варварские нравы, на которых покоилось их превосходство.

После шести или восьми месяцев строгого воспитания молодые люди с головы до ног натираются маслами и мазью, получают платье и имя, которое они сохраняют на всю жизнь, и с плясками и ликованием возвращаются в деревню. Как только они оставляют свои «mapato», последние предаются огню. Юноша, над которым совершен обряд обрезания, получает от дяди по матери метательное копье для защиты своего племени и корову для собственного пропитания. До женитьбы молодые люди, по совершении обряда обрезания, живут вместе, составляя род стражи. Они исполняют различные общественные функции: пасут скот, разыскивают и доставляют горючий и строительный материал,

У негритянских племен обрезание есть один из обрядов, которыми сопровождается посвящение юношей в звание мужей, получение ими прав и обязанностей воина. Молодые люди, над которыми совершен обряд обрезания, составляют особую корпорацию (taka — ветвь). Она получает свое название по имени одного из своих членов, который назначается предводителем всей корпорации во всех будущих военных предприятиях: этот предводитель принадлежит к тому племени или роду, который обыкновенно предводительствует на войне. То, что историки считают изобретением отца Сезостриса, который вместе с сыном своим воспитывал детей одного с ним возраста, есть лишь общий обычай варваров. Ливингстон не сомневается, что обрезание (воднега) следует считать «скорее гражданским обычаем, чем религиозным обрядом». И так как между арабами и бечуанами нет ничего общего, и так как обрезание у бечуанов не носит характера религиозного обряда, то возникновение и распространение обрезания среди бечуанов нельзя приписать, как это обыкновенно делают, влиянию ислама.

Девочки от 13 до 14 лет для вступления в круг взрослых должны проделать особого рода церемонию, которая у некоторых племен также носит название обрезания. Под предводительством знатных матрон, они оставляют деревню и отправляются к реке, где принимают род крещения, покрывают все тело белой глиной, закрывают лицо маской, сплетенной из ивовых прутьев, и с пением меланхолических песен посвящают себя сельскохозяйственным работам, которые у этих племен всецело лежат на обязанности женщин. Вечером они носят воду в больших кувшинах и тащат хворост. Обращение с ними дурное, не обходится и без побоев.

Ливингстон передает, что их руки зачастую покрыты многочисленными следами ожогов, так как их бьют горящими головнями, чтобы испытать, насколько они в силах переносить боль.

У племени галлинас в Сиера-Лиене у молодых девушек, после того, как они научаются танцам и песням, которыми сопровождаются все их работы и все обряды (полевые работы, переноска тяжестей, погребение, свадьба и т. д.), вырезываются клиторы. Эта операция производится в полночь, в полнолунье; при этом они получают имя [1].

---

[1] Гаррис — Записки Лондонского антропологического общества. 1865.

Для каждого пола существуют особые церемонии посвящения: мужчинам столь же опасно во время этого обряда очутиться среди молодых девушек, как женщинам проникнуть в таинственные «mapato». Каждый осквернитель таинственных мистерий посвящения рискует поплатиться жизнью за свою храбрость. До своего вступления в ряды взрослых мальчики и девочки живут вместе под присмотром женщин. Но по совершении обряда, когда они уже считаются взрослыми, они разобщаются и живут отдельно: девушки с девушками, а юноши с юношами, пока брак не соединит их вновь. Это разделение молодых людей племени по полу, очевидно, получило право гражданства тогда, когда групповой брак или, как его называет Морган, пуналуальный брак, пуналуальная форма семьи заменила собой кровосмесительные браки, кровную форму семьи, половую связь между братьями и сестрами [1].

Тот факт, что обрезание совершается у негров Африки не непосредственно после рождения, а с наступлением половой зрелости, в тот момент, когда происходит общение полов, есть такое же доказательство древности этого обычая, как и каменный нож, о котором говорит Тэйлор: он встречается у народов, которые древнее басуто и бечуанов — у туземцев Австралии, которые так дики и неразвиты, что не знают средств для добывания огня, хотя и знакомы с его употреблением. Если головни, которые находятся под наблюдением женщин, по какой-нибудь несчастной случайности погаснут, они вынуждены отправиться в соседний улус за огнем.

Посвящение молодых австралийцев в звание воинов является таким важным событием в жизни племени, что враждебные племена по случаю такого торжества забывают свою вражду и собираются вместе. Воины для виду похищают мальчиков от 13 до 14 лет. Женщины рыдают, оплакивают свою потерю и в отчаянии до крови изрезывают себе ляшки створками раковин. Молодые люди уводятся в уединенное место; пока там совершаются таинственные обряды, один из стариков взбирается на дерево и быстро вертит вину-виту, священный инструмент, который состоит из овальной дощечки, висящей на сплетенной из конского волоса нити. Пронзительный звук этого инструмента предостерегает женщин и детей держаться вдали от этого места, приближение к которому неминуемо грозит им смертью.

---

[1] Морган — Первобытное общество.

Мальчик должен говорить тихим голосом. Ему стригут волосы, приклеивают пучки мху к половым частям и под мышками, чтобы придать ему вид взрослого. Племена пурнкалла и найо разрезывают острым кремнем мужской член до шулятной мошны, после чего совершают обрезание; некоторые ограничиваются тем, что срезают крайнюю плоть в виде кружка и затем надевают этот кружок обрезанному на средний палец левой руки в качестве кольца. Обрезанный отправляется в горы и некоторое время должен избегать столкновений и встреч с женщинами. Караджи в Новом Южном Уэльсе не обрезывают своих мальчиков, но выбивают им передний зуб, предварительно сделав надрез десны.

Третий род обрезания состоит в следующем. Один из стариков, который исполняет роль крестного отца при этом приятном обряде «конфирмации», открывает себе жилы на руке и дает юноше выпить своей крови. Юноша становится на четвереньки, и старик обливает его своей кровью, — настоящее крещение кровью. Пока юноша остается в таком положении, старик делает ему длинные, тянущиеся от шеи до поясницы надрезы, расширяя и углубляя их, насколько возможно, пальцами, — так что из надрезов течет кровь; это делается, без сомнения, для того, чтобы смешать свою кровь с кровью посвящаемого. Если несчастный мальчик не вынесет боли и заплачет или начнет барахтаться, воины издают особый крик, на который собираются женщины; им передается юноша, как недостойный звания воина и охотника. Тот же, который твердо переносит боль во время этого обряда, признается достойным вступить в круг взрослых, стать мужем; ему открываются тайны воинов. Его восприемник дает ему имя с особым окончанием, и это имя остается за ним на всю жизнь; до тех пор он носит лишь общее имя, по месту своего рождения. Он получает талисман, имеющий назначение охранять его на войне, на охоте, и во время болезней — кусок кристалла, который считается испражнением божества. Этот талисман хранится им как драгоценность, в мешочке, завернутом в волосы мужчины, далеко от глаз женщин, которым под страхом смерти запрещено домогаться даже взглянуть на него.

Можно привести бесчисленное множество наблюдений путешественников, описывающих подобные обряды, но и приведенных здесь достаточно, тем более, что они типичны. Они показывают, что у всех первобытных племен, какие мы знаем, вступление юношей в класс воинов и охотников со-

провождается обрядом, состоящим в причинении боли вступающим в это почетное сословие и в нанесении им разного рода увечий (поранения, обрезание, выбивание зубов и т. д.); что этот обряд имеет целью испытать твердость и мужество юношей, прежде чем признать их достойными звания воина, и что обрезание мужского члена кажется фантазии диких увечьем, наиболее соответствующим этой цели.

III

У исторических народов обрезание теряет характер гражданского обряда, совершаемого над юношами по достижении ими зрелого возраста. Многие народы совершают обряд обрезания над ребенком через несколько дней по рождении, и обрезание становится религиозным обрядом, значение которого мы и будем рассматривать теперь.

Когда испанцы открыли Мексику, обитатели которой, в числе прочих религиозных обрядов, соблюдали и обряд обрезания, многие торжественно приветствовали в них десять колен Израиля, пропавших во время плена при Салманасаре, потому что обрезание считалось особенностью еврейского народа.

Как ни противоречивы по отношению к обрезанию показания тех, которые описывали мексиканские нравы, все согласны в том, что они имеют в виду операцию, которая производится в храмах над половыми частями: только одни утверждают, что операция эта состояла в одном надрезе; другие, напротив, настаивают, что производилось полное удаление крайней плоти. Самое важное в этих противоречивых показаниях — религиозные обряды, которыми эта операция сопровождалась.

Палацио рассказывает в письмах к испанскому королю, что кровь, которая по каплям стекала с обрезанной крайней плоти, посвящалась богам [1]. Лас-Казас передает, что ацтеки приносили ребенка на 29-й день по рождении в храм, где главный жрец, положив его на камень, совершенно отрезывал ему крайнюю плоть [2]. По Дюрану, жрец перед изображением Вицлипуцли, бога войны, наносил ребенку легкие поранения уха и крайней плоти ножом из исландско-

---

[1] Д. Гарсиа да-Палацио. 1576 г., стр. 74. Письма к испанскому королю.

[2] Бартоломей да-Лас-Казас — История западных индейцев. Приведено у Банкрофта — Первобытные расы замиренных штатов Северной Америки. Лондон 1875, II, стр. 287.

го агата, который подавала ему мать; затем он бросал нож к ногам идола и давал имя ребенку, после чего наблюдал судьбу новорожденного по звездам и погоде [1].

По одному месту евангелия от Луки (I, 39) видно, что евреи обыкновенно давали имя ребенку в день обрезания; сам бог утвердил этот обычай, изменив имя Аврама в Авраам в тот день, когда приказал ему произвести над собой обрезание (Бытие, XVII, 5). Из тех мест Ветхого завета, где речь идет об ушах и губах, которые нечисты, потому что необрезаны, можно заключить, что израильтяне в древности посвящали эти органы богу, причем делали на них надрезы перед его алтарем [2]. У мексиканских племен матери, которые желали детей своих сделать слугами бога Вицлипуцли, должны были нанести им кровавые поранения рук и груди в год их рождения, в день празднества в честь этого бога [3].

Эти кровавые знаки были знаками завета, вырезанными на теле благочестивых,— завета, заключенного ими с богом. Точно такие же поранения наносились солдатам в знак подчинения их своему начальнику и рабам в знак того, что они составляют собственность своего господина. Кожа человека была первым пергаментом, на котором писались договоры. Бог потребовал от Авраама, чтоб он произвел обрезание над собой и всеми своими домочадцами «в знак завета между мной и вами». Он настаивает на этом: «Восьми дней от рождения да будет у вас обрезан в роды ваши всякий младенец мужского пола»... «Непременно да будет обрезан рожденный в доме твоем и купленный за серебро твое... и да будет завет мой на теле вашем заветом вечным» (Бытие, XVII, 11—14). Договоры между людьми также принимали кровавый характер, также закреплялись кровью. Арабы, — рассказывает Геродот, — закрепляли договоры и сделки между собой следующим образом: посторонний, непричастный к сделке, становился посреди обоих, заключающих ее, и делал каждому из них острым ножом надрез на внешней стороне ладони, около большого пальца. Затем достав нитки из платья каждого из них, он обмакивал их в кровь и натирал ими семь камней, которые лежали между ними, призывая в свидетели богов Уриталя и Аллилата.

---

[1] Дюран — История Индии. Приведено у Бразер де-Бурбурга — История цивилизованных народов Мексики. Париж 1867. III, стр. 525.

[2] Иеремия VI, 10; Исход VI, 17.

[3] Торквемада — Индейская монархия. 1723.

Маленьким девочкам, которые посвящались Вицлипуцли, делались надрезы на ушах. Девочка, назначенная в жертву, на 29-й день после рождения лишалась девственности большим пальцем главного жреца. Подобное посвящение происходило также у семитов: особенная функция Ваал-Пегора, которого израильтяне так долго и так часто обоготворяли, состояла, по раввинским показаниям, в том, что он лишал молодых девушек девственности, как и мексиканский бог.

Кровь, в особенности человеческая кровь, была тем нектаром, который связывал людей с божеством и между собою. Молодой австралиец пьет кровь своего крестного отца; негры в Конго, клянясь в верности, пьют кровь друг друга; в средние века союз с дьяволом должен был быть запечатлен собственной кровью, и еще и теперь попадаются любящие, которые пишут друг к другу кровью. Человеческой крови всегда приписывали таинственные особенности.

Нацаты на Юкатане и другие мексиканские племена отрезывали пуповину у детей не непосредственно после рождения, а в день, назначаемый астрологом. Операция производилась так, что кровь, стекавшая по каплям, обливала маисовые колосья. Зерна маиса, облитые кровью, бережно хранились и сеялись в назначенное время: одна половина жатвы предназначалась на то, чтобы доставить ребенку первую твердую пищу, другую половину получал астролог после того, как из нее выделялась часть зерен, которую сам ребенок должен был посвятить богу и посеять собственной рукой [1].

Человеческая кровь сообщала зернам свои мистические особенности, которые сохранялись в них после многих жатв.

В Никарагуа приготовляют священный пирог из маиса, облитого кровью надрезанных половых органов [2].

Человек был приятнейшей жертвой для божества. Много веков прошло, пока божество разрешило людям приносить в жертву животных вместо себя. Всем известные мифы об Исааке и Ифигении показывают, что боги так высоко стоявших народов, как евреи и эллины, были так же кровожадны, как и боги ацтеков. Обрезание и другие увечья были лишь смягченной формой первоначальных человеческих жертвоприношений. Первоначально приносили в жертву детей; затем, посвящая их божеству, стали довольство-

---

[1] Банкрофт. II, стр. 679.
[2] Банкрофт, III, стр. 507.

ваться тем, что отсекали сустав, совершали обрезание или, наконец, наносили раны и т. д. Дикие туземцы Нового Южного Уэльса отрезывают младенцам женского пола два сустава мизинца левой руки; слово «maigum», которым они обозначают эту операцию, значит — «отрезать, чтобы защитить». Приносят в жертву, таким образом, часть ребенка, — крайнюю плоть, сустав, несколько капель крови, — чтобы спасти его самого. Точно так же поступил и Ликург, эта легендарная личность, которой лакедемоняне приписывают все свои учреждения. Он приказал до крови сечь детей вместо того, чтобы приносить их в жертву на алтарь Артемиды Ортигии, как было до него.

Как чисто религиозный обряд, обрезание обнаруживает два признака: оно — материальный знак союза между людьми и божеством. Когда вассал клялся в верности своему господину, он приносил ему горсть земли; когда мексиканец или израильтянин возносили хвалу своему богу, они приносили ему кусок своего мяса. Но, подобно животным жертвоприношениям, обрезание также обозначает и смягчение первобытного культа, — прежде приносили в жертву людей, потом стали заменять их животными или довольствоваться незначительными увечьями.

Обрезание может принять еще одну форму, в которой соединяются обе стороны обряда: его гражданский и религиозный характер, которые мы выше установили.

IV

Бог Эмезы, культ которого ввел в Риме Гелиогабал, почитается в Сирии в виде необтесанного конусообразного камня, который, как говорят, упал с неба. Эта грубость изображения уже с достаточной ясностью свидетельствует о том, что эмезский бог принадлежит к числу древнейших божеств, а кровавые обряды, сопровождавшие его празднества, ставят вне всяких сомнений глубокую древность его культа. Во время празднеств, которые устраивались в честь этого бога, главный жрец бросал на его алтарь мужские члены.

Дион, сообщая об этом факте, не поясняет, были ли это члены трупов или живых людей. Он только утверждает, что это считалось жертвой, самой приятной божеству [1].

Почитание богини Иераполиса, как и других великих бо-

---

[1] Дион Кассий, кн. XXIX, § 11.

гинь древности, — которые почитались народами, жившими на восточном берегу Средиземного моря, и, повидимому, были заимствованы ими у египтян, — состояло в оскоплении, которое слуги богинь публично производили над собой в день ее празднества [1]. Жрецы Матери богов оскопляли себя (virilitatem amputare) черепком горшка из Самоса [2].

Для объяснения этих диких обрядов древние придумали различные сказания, в том числе одно из известнейших — миф об Аттисе-Кибеле, которая в гневе за то, что фригийский пастух, посвятивший себя ей, вступил в связь с нимфой Саторией, убила наяду и жестоко наказала ее обольстителя: он был поражен безумием. Преследуемый фуриями, которые беспрерывно били его кнутом, он оскопил себя острым камнем, saxo acuto, как рассказывает Овидий («Fasti», IV). Так же, повидимому, окончились приключения Озириса, ибо в книгах древних египтян упоминается о крови, которая стекала каплями с фаллоса бога солнца, который он себе отрезал [3]. Возможно, что Озирис, подобно Аттису, причинил себе увечье лишь для того, чтобы умилостивить свою супругу и сестру Изиду. Греческая мифология также знает случай, когда бог оскопил себя.

Бог Уран был оскоплен по приказанию своей супруги своим сыном Сатурном. Удивительно то, что в мифах египтян, греков и народов Малой Азии причиной оскопления богов является не ревность соперников, а гнев богинь. Благодаря Аммиану Марцеллину сохранилось предание, по которому сомнительная честь первого применения операции оскопления принадлежит Семирамиде, царице-амазонке.

Эти мифы обязаны своим происхождением не необузданной фантазии жрецов и религиозно настроенных поэтов; они скорее — сохранившиеся в религиозной форме воспоминания о суровых нравах старины. История об Аполлоне, боге света и искусства, который велел содрать кожу живьем с бога Марсия за то, что тот вздумал вступить с ним в музыкальное состязание, является, конечно, выдумкой сварливого рапсода, которому доставило удовольствие привлечь к себе внимание публики таким рассказом, но самый акт жестокости не выдуман: его приписали богу только потому, что он произошел в то время, когда предания складывались только о богах.

---

[1] Лукиан — О Сирийской богине.
[2] Плиний — Естественная история.
[3] Шаба — Обрезание у египтян.

Асурнасирпал, один из могущественнейших завоевателей в истории Ниневии, герой ассирийской цивилизации, возведший многочисленные постройки, храмы и дворцы, приказал вырезать историю своих деяний на воротах своего дворца. Одна из этих надписей гласит: «Начальника мятежа в городе Зару, Ахсабаба, я привез в Ниневию, где велел содрать с него кожу и покрыть ею камни на стенах его города». На одном барельефе в Саргоне изображен на кресте пленник, с которого собираются содрать кожу [1].

Боги созданы по образу и подобию человеческому. Мифы о богах лишь отражают в себе жестокие нравы и пороки людей той среды, в которой они возникли.

Оскопление, которое производилось по приказанию богинь, служит свидетельством как страшной дикости, так и социального господства женщин в древности. Эллины освободились от женского владычества еще в героический период своей истории; египтяне же господство женщин сохранили до исторического времени и сумели лишь смягчить дикий характер этого господства.

Нравы вообще смягчились в долине Нила. Во время празднеств Изиды в городе Базуирисе карийцы, жившие в Египте временно, как пришельцы, разрезывали себе мечами кожу на лбу, египтяне же довольствовались тем, что наносили себе несколько ударов [2]. Карийцы сохранили старый обычай неизменным, египтяне смягчили его. Передняя Азия — поле битвы народов, религий и цивилизаций Востока и Запада — сохранила в культах богов и богинь варварские обычаи, которые затем проникли в Италию и Грецию в самый расцвет греко-римской культуры.

Вырезывание было единственным увечьем, удовлетворявшим богинь-амазонок; их жрецы обязаны были не только носить женскую одежду, но и телом уподобиться женщинам. Впоследствии эта опасная операция вырезывания была заменена менее опасной операцией оскопления. Обрезание, — единственное увечье, которое обязаны были нанести себе египетские жрецы, — быть может, не что иное, как еще более смягченная форма оскопления. В пользу такого предположения говорит тот факт, что Гелиогабал, который был главным жрецом эмезской богини и должен был себя оскопить, чтобы получить необходимый для исполнения жреческих обязанностей вид женщины, боясь опасной опера-

---

[1] Ленорман — История древнего Востока. 1885. Том IV, гл. V, § 2.
[2] Геродот, II, 61.

ции — полного оскопления, и не менее опасной операции — неполной кастрации, ограничился только обрезанием.

Лейбниц высказал мнение, что если бы в интересах человека было доказать, что квадрат гипотенузы прямоугольного треугольника не равен сумме квадратов обоих катетов, он нашел бы способ доказать это. Человеческий дух всегда докажет то, что доказать ему хочется. Он преодолел бо́льшую трудность, чем опровержение геометрической теоремы: он нашел средства оправдать эти противоестественные и бессмысленные обряды.

Император Юлиан, который при помощи туманных философских рассуждений старается защищать устаревших и ставших смешными языческих богов, приводит этическое объяснение причиняемых в религиозных целях увечий, — объяснение, которое вызвало справедливый гнев св. Августина и других отцов церкви. «Миф об Аттисе,— пишет он,— означает, что Матерь богов, царица всех существ, подверженных рождению и смерти, спустилась на землю, чтобы полюбить Источник силы, творческую причину земных существ. Она заповедала ей творить лишь в области духа, обречь себя на связь с ней, исключающую связь с другими, чтоб сохранить святое, благодетельное Единство и победить в себе природную склонность к Матери». Далее он сообщает, что иерофант богини Афины, которому достоинство эллина не позволяло осквернять свое тело варварским обрядом оскопления, «воздерживался от воспроизведения, чтоб сохранить чистой и неизменной совершенную, вечную, заключающуюся в Единстве, Субстанцию». Защищая и прославляя варварские обычаи, сохранившиеся с незапамятных времен, Юлиан облек их в пышный благородный покров неоплатоновской тарабарщины, подобно тому, как Эратосфен и другие, стараясь дать рассказам мифологии метеорологическое и астрологическое толкование, значительно пополнили старую мифологию мифологией новейшей. Отвратительные увечья, оказывается, не увечья, а только моральные символы, предписывающие «не лишение определенных членов тела, а отказ от неразумных стремлений души и побуждений излишних и вредных для познающей Причины» [1].

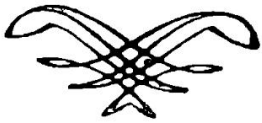
Моральный символизм этих увечий, который Юлиан защищает туманным философским языком погибающего римского государства, передан библией в картинных выражениях языка Востока. Народ Израиля считал каждого

---

[1] Юлиан.— О матери богов.

необрезанного нечистым. Обрезанию обязательно должен был подвергнуться «и купленный за серебро у какого-нибудь иноплеменника» раб, и «пришелец, который поселится и захочет совершить пасху господу» (Бытие, XVII, 12; Исход, XII, 48). Даже деревья не были свободны от обрезания. Каждое посаженное плодовое дерево три года считалось нечистым, необрезанным: плоды были его крайней плотью и употребление их в пищу не дозволялось. На четвертый год они посвящались богу, после чего дерево и плоды считались чистыми (Левит, XIX, 23, 24). Когда Моисей хочет показать, что он недостоин взять на себя поручение божие, он говорит: «Разве фараон захочет выслушать меня, чьи губы не обрезаны?» (Исход, VI, 12). Иеремия приказывает жителям Иерусалима: «Обрежьте себя для господа и снимите крайнюю плоть с сердца вашего», чтоб его «гнев, подобно огню, не снизошел на вас и не воспылал неугасимо по причине злых наклонностей ваших» (IV, 4). Обрезание служило эмблемой чистоты. «Радуйтесь, жители Иерусалима, — говорит Исаия, — облекись в одежды величия своего, Иерусалим, город святой. Ибо уж не будет более входить в тебя необрезанный и нечистый» (LII, 1). Бог угрожает своим гневом тем, сердце которых не обрезано (Левит, XXVI, 41), но он обещает долголетие и благоденствие на земле тем, сердце которых он обратит (Второзаконие, XX).

Подведем итоги: обрезание обнаруживает у различных классов и народов, у которых мы его наблюдали, различный, специфический характер. У жрецов Египта и Передней Азии оно является, вероятно, смягченной формой отвратительных увечий, которым они некогда подвергали себя в честь своих богинь. У диких племен обрезание — одна из церемоний при вступлении юношей в класс воинов. У других варварских народов оно служит религиозным обрядом, данью жестокому и злому божеству, которому необходимо принести в жертву часть, чтобы спасти целое, обрезать ребенка, чтобы сохранить ему жизнь; в этой форме оно является неискоренимым знаком союза между человеком и божеством.



МИФ О НЕПОРОЧНОМ ЗАЧАТИИ

(ОЧЕРК СРАВНИТЕЛЬНОЙ МИФОЛОГИИ)

I

В работе «Миф об Адаме и Еве», опубликованной в журнале «Revue socialiste», а также в статье, помещенной в одном лондонском журнале («Times», сентябрь 1890 г.), я сделал попытку на основе недавно исследованных фактов о первобытном обществе объяснить библейскую легенду об Адаме и Еве и непонятный гомеровский эпитет «tritogeneia», «tergenata» — трижды рожденная, данный Афине-Палладе «Илиадой» и орфическими гимнами.

В настоящей работе я попытаюсь с помощью того же метода объяснить христианскую легенду о божьей матери — деве Марии.

Прежде всего перед нами встает вопрос: является ли христианство единственной религией, усвоившей миф о непорочном зачатии?

Этот миф встречается у главнейших народов, живших на побережьях Средиземного моря, вернее было бы сказать, у всех народов встречается подобный миф.

Три греческих богини — Юнона, Минерва и Диана[1] носили прозвища «parthenoi» — девственниц. Несмотря на это, у Юноны было несколько детей, а Минерва, эта несравненная девственница, была много раз матерью. Сог-

[1] Я употребляю латинские имена для обозначения божеств греческого Олимпа потому, что они более знакомы. Однако же я отлично сознаю, что обозначать их этими именами так же ошибочно, как обозначать иудейского Иегову, равно как христианского Вечного Отца и метафизическую первосущность пантеизма, одним и тем же именем — «бог».

ласно Цицерону и Аристотелю, она подарила жизнь Аполлону patroos (покровителю отцов). Вулкан был ее супругом, вернее, оскорбителем, — он овладел ею путем насилия, что отнюдь не помешало ему делить с ней свой храм в афинском Акрополе: празднества лампадофоров (факельные бега) происходили в честь Минервы и Вулкана.

Нептун, в качестве бога морей, позволил себе большое число насилий, одной из жертв которого была афинская богиня. Но земля оказалась столь любезной и выносила в чреве своем сына Минервы и Нептуна — Эрихтония. Наличность детей, однако, не помешала Минерве носить прозвище «девственницы»: ее храм в Акрополе, Эрехтейон, был посвящен Минерве metri partheno — девственной матери. Она была даже богиней-покровительницей обесчещенных женщин, число которых у древних народов Греции, как и у австралийцев, было очень велико. Аэтра, которую Нептун обесчестил на острове Сферии, построила Минерве-apaturia («обольстительнице») храм. Когда Геркулес победил царицу амазонок, он посвятил сорванный с нее пояс Минерве. Невесты в Трэзенах в день своей свадьбы приносили Минерве в дар свой пояс.

По воззрениям греков, понятия девственности и материнства не противоречили одно другому. Дальше мы увидим, как понятие девственной матери стало указывать на то, что женщина стала матерью без участия мужчины, как было в случае с девственной матерью Марией. Но в древнейшие времена это обозначало лишь, что женщина была матерью, не будучи замужем. Это соображение объясняет то место из «Эвменид» Эсхила, где Минерва говорит: «Мужей люблю я, но не брак». В Греции сын незамужней женщины назывался «сын девы» (parthenias). Женщина считалась девой, раз только она не была замужем.

«Великая мать богов», почитавшаяся в Передней Азии и культ которой в течение второго столетия до нашего летосчисления проник в Италию, была так же, как и Минерва, девственной матерью. «Мать богов, — говорит император Юлиан, — богиня, которая рождает и находится в тесном общении с великим Юпитером: это она вместе с отцом всего сущего рождает и производит существа; эта дева, не имеющая матери, занимает место рядом с Юпитером потому, что она, действительно, мать богов». Как мы увидим ниже, великий Юпитер занимал по отношению к ней очень скромное положение, он не был ее

супругом, он был ее Иосифом. Несмотря на свое многочисленное потомство, «мать богов» оставалась всегда девой, потому что она не была замужем.

Идея девственной матери возникла, вероятно, в те времена, когда, как говорит Морган, на месте группового и родового брака выступил парный брак: женщина, по тогдашним воззрениям, даже будучи матерью, считается девой до тех пор, пока не вступит в моногамный брак. Минерва и «мать богов», принадлежащие к старейшему поколению божеств, были богинями греков и фригийцев в эпоху, брачные нравы которой соответствуют таковым же нравам (современных) полинезийских народов. Позднее, без сомнения, выражение «девственная мать» получило другой смысл и стало означать «мать без содействия мужчины». Юнона очень кичилась тем, что родила Марса и Гебу, не зачавши их, однако, от мужчины. Так она обычно отвечала Юпитеру, когда тот хвастал, что сам родил Минерву.

Изида, великая египетская богиня, начертала на своем храме гордую надпись: «Я — мать царя Гора, и никто не приподнимал моего платья».

Если же мы с берегов Средиземного моря обратимся к дальнему северу, к Финляндии, то мы там опять найдем тот же самый миф. В «Калевале», финской народной былине, говорится о трех девах, которые были оплодотворены воздухом. Иснатар, «прекрасная дева», поет: «я — старейшая из женщин, я — первая мать людей, была пять раз супругой и шесть раз невестой». И, несмотря на все это, она оставалась всегда девой, ей достаточно было только развестись, чтобы опять стать ею. Жители Аргоса утверждали, что их «полиада» (богиня-покровительница города), Юнона, ежегодно омывалась в источнике Канатос, чтобы вернуть себе девственность. Быть может, омывание в источнике Канатос. в случае желания развестись, было обычаем у женщин Аргоса.

Что нравы богов в этом отношении, как и в остальном, были лишь отражением нравов и обычаев людей, доказывается тем, что и смертные могли кичиться преимуществом непорочного зачатия. По «Калевале», старый бард Вейнемейнен был сыном девы Лоуннотар, которая в свою очередь была дочерью Ильнас, матери героев, оплодотворенной морем. Надпись Саргона, одного из древнейших халдейских царей, которая относится, по Ленорману, ко времени за 3.000 лет до начала христ. летосчисления,

гласит: «Я, Саргон, могущественный царь, царь Акада. Моя мать зачала меня без участия моего отца».

Даже самки животных были причастны к преимуществу непорочного зачатия. Кобылицы Реса, «которые были белее снега и быстрее ветра», оплодотворялись западным ветром, Зефиром, на морском берегу. Борей, северный ветер, оказывал кобылицам Эрихтония ту же услугу. Кобылицы Каппадокии и других мест оплодотворялись таким же странным образом.

Гораполлон рассказывает нам, что гриф, олицетворяющий в египетских иероглифических надписях победу, есть вместе с тем олицетворение матери, потому что среди грифов нет самцов, а самки оплодотворяются, открывая северному ветру свои половые части.

II

Притязание женщины, что для продолжения рода ей не нужно мужчины, вызвало ревность этого последнего, а потому и он стал утверждать, что может рождать без содействия женщины. Юпитер на Олимпе родил из своей головы Минерву. В «Божьем граде» святого Августина имеется стих Сорана, в котором этот бог называется «отец и мать богов». Медали Мелассы изображают Юпитера с бородой и обнаженными женскими грудями.

Нум — один из богов египетского пантеона и один из участников творения — снес ртом яйцо, из которого родился Фта, творец звезд.

Согласно Клименту Александрийскому, жук в иероглифической надписи обозначает «солнце» и «отец». «Он представляет, — говорит Гораполлон, — существо, происходящее от одного, единого существа, потому что он сам себя оплодотворил и не был выношен в женском чреве. При размножении он поступает следующим образом: он берет бычачий навоз и скатывает его задними лапками, придавая ему круглую форму, форму земли. Приготовив таким образом себе маленький шарик, он прячет его под землю... На 29-й день он его выкатывает и бросает в воду... и тогда оттуда выходит новый жук... Жук есть олицетворение отца, потому что рожден одним самцом, он есть олицетворение мира, потому что шарик, в котором образуется зародыш, имеет форму земли, и он является олицетворением мужчины, потому что среди жуков нет самок, — так говорят египтяне».

Руководимый желанием лишить женщину ее важной роли для размножения рода, мужчина утверждал, что в деторождении женщина играет пассивную роль хранительницы плода. В «Эвменидах» Эсхила Аполлон излагает этот взгляд мужчины:

Не мать ребенка своего рождает.
Кормилица посеянного плода,
Родит отец, она хранит залог лишь
Для друга, если бог не помешает.
Рожденье объясню я вам словами:
Без матери возможно быть отцом.
Свидетельство тому дочь Олимпийца,
Не спавшая во чреве материнском.

Один греческий миф указывает, с каким презрением относились мужчины и боги к роли женщины при деторождении. Юпитер, Нептун и Меркурий, желая вознаградить Энопиона, сына Бахуса, за гостеприимство, которое он им оказал, потребовали от него, чтобы он высказал какое-нибудь желание. Энопион пожелал иметь сына. Тогда три бога помочились в шкуру быка, которого зарезали для их угощения, и зарыли ее в землю. Девять месяцев спустя родился отсюда Орион, которого Юпитер перенес на небо.

Эти мифы указывают, что первобытные народы имели крайне неясные представления о размножении, в частности, что в известную эпоху исторического развития оба пола спорили друг с другом из-за чести играть важнейшую роль в акте деторождения.

Боги не довольствовались тем, что отрицали содействие богинь в акте рождения, они принимали их образ, одежды и атрибуты. Они переодевались богинями. В Лакедемонии был Аполлон, одетый женщиной и державший в руках обоюдоострый топор, оружие амазонок. Юпитер, царь Олимпа, полагал, что он не умаляет своего достоинства, переодеваясь женщиной, как на это указывают различные медали, на которых он изображен в женском платье с лентами и с женскими грудями. Присутствие орла, его символической птицы, должно дополнить вызванную переодеванием видимость женщины, придав Юпитеру характер матери. Орел очень близок к грифу, олицетворению Изиды-матери: когда миф перешел из одной страны в другую, оба рода птиц, тесно связанные промежуточным звеном — ягнятником — могли быть легко заменены один другим. Особенность орла, грифа и других хищных птиц та, что самки гораздо сильнее и смелее самцов.

Этот подмен пола имел лишь целью изгнание богинь из их храмов. Бог, переодетый женщиной, робко пробирается в святое место, заставляя здесь поклоняться себе, и, наконец, изгоняет отсюда женское божество. В храме Иераполиса стояла статуя Юпитера рядом со статуей Юноны, однако ж его культ имел меньшее значение, ему приносили жертвы молча, без пения и звуков флейты, которые обильно расточались в честь его спутницы. Когда статуи обоих божеств носили по улицам за пределами святых стен, статую богини носили всегда впереди статуи бога. Аполлон имел в Дельфийском храме, который принадлежал прежде Земле и ее дочерям-титанидам, Тейе и Фебе, больше успеха (Эсхил, «Эвмениды»). После того, как Пан обучил его искусству предсказания, он отправился в Дельфы, убил дракона Пифона, охранявшего пещеру, присвоил себе имя Фебы и завладел оракулом.

И действительно, для того, чтобы лишить женщин их имущества и высшего положения в матриархальной семье, мужчины, а за ними и боги играли комедию, изменяя пол и симулируя роды.

Женщины отвечали на эти покушения на их права и преимущества тем, что присваивали себе атрибуты другого пола. На Кипре была статуя бородатой Венеры; мужчины приносили ей жертвы, переодевшись женщинами, а женщины — мужчинами. Св. Августин сообщает, что в Риме почитали бородатую Фортуну; Изида и многие другие египетские богини изображались с мужскими половыми органами. Изида избрала себе в символы грифа и жука, чтобы доказать, что она женского, равно как и мужского пола. Орфические гимны дают Минерве прозвище «мужская» и «женская» (arsen kai thelys). Ваал, которому поклонялись израильтяне, был также двуполым божеством, почему и в переводе Септуагинты Ваал обозначается то мужским, то женским родом. Божество, наконец, стало гермафродитом подобно зайцу, который, по Плинию, объединил в себе оба пола. Третий духовный гимн Синезия, епископа Птолемаиды, говорит о бесконечном духе:

Ты отец, ты и мать.
Ты и муж, ты жена.

III

Отец церкви Евсевий относился с презрением к египетскому культу «мудрости жука», и, однако ж, миф о деве Марии — лишь отзвук мифов, свойственных берегам Нила.

Озирис был представлен на земле быком Аписом. Как сам Озирис был рожден своей матерью без содействия мужа, так должен был и земной его наместник родиться от девственной коровы без участия быка. Геродот сообщает нам, что мать Аписа была оплодотворена солнечным лучом; по Плутарху, она зачала его от лунного луча. Иероглифические надписи подтверждают небесное происхождение Аписа: «Будь милостив ко мне, — гласит надпись на одной стеле в Мемфисе, — о, живой Апис, ты, не имеющий отца!»

Как и у Аписа, у Иисуса не было отца, он был зачат небесным лучом света. Апис был быком, но представлял бога; Иисус был богом, но представлен был агнцем. Озирис очень часто изображался с головой барана. Бог Озирис под именем Адониса и Аттиса стал интернациональным богом народов, живших кругом Средиземного моря. Он был известен у иудеев под именем Таммуза, и смерть его оплакивалась женщинами Иерусалима в храме Иеговы (Иезекииль, VIII, 14).

Сирийская богиня, культ которой имел почти повсеместное распространение, упала с неба в яйце, которое высидела голубица. В те времена, когда она обитала в горах Фригии, — многие первобытные богини жили вначале в лесах и на скалах, как, например, Минерва, — сирийская богиня называлась Ма, что означает по-сирийски «мать», а также «овца». Роль, которую голубь играет в христианском мифе, придает легенде азиатский отпечаток: в Малой Азии очень чтили голубя — в память Семирамиды и ее матери Декерто.

Новая религия, превратившаяся в христианство, образовалась из мифов всех народов, которые при римском владычестве утратили свою национальную самостоятельность и составили очень пеструю смесь. Христианство переняло символы этих различных мифов, как, например, символ дерева; в Египте этим символом был просто кипарис, а на Востоке уже особая форма — крест. Именно потому, что христианская религия была смешением различных бывших в ходу мифов, она могла быть принята различными народами.

В первые века по возникновении христианства было очень трудно отличить христианство от других религиозных сект, мифы которых оно переняло. Ошибка в этом отношении была очень возможной. Так, например, царь Адриан писал одному префекту: «Этот Египет, который

ты мне хвалил, я нашел легкомысленным и непостоянным... Те, что поклоняются Серапису[1], — христиане, а христианские епископы — служат Серапису... В Египте появился патриарх, который, по мнению одних, поклонник Сераписа, а по мнению других, поклонник Христа». Как и Иисус, Озирис должен был страдать и умереть, чтобы удостоиться чести разделить со своей матерью поклонение смертных.

Миф о непорочном зачатии возник, таким образом, не в первом столетии по возникновении христианства, — он один из древнейших мифов. Он образовался в те времена, когда мужчина стремился подчинить себе женщину ради ее имущества и господства в матриархальной семье и для этой цели оспаривал важную роль женщины в акте деторождения. Женщина, однако же, отвечала на это посягательство на ее права и на ее функции утверждением, что она может зачать без содействия мужчины.

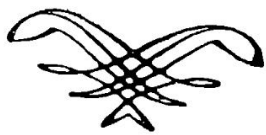
Миф о непорочном зачатии затем ожил опять в эпоху, когда античное общество поколебалось в своем основании, когда рушилась патриархальная семья и женщина греко-латинского мира эмансипировалась от супружеского ига, которое тяготело над ней в течение столетий. Женские религии из времен матриархата, в которых богини господствовали над богами и которые сохранились в Египте и Малой Азии, опять нашли почву у тех народов, у которых боги уже давно свергли богинь и отняли у них их былые преимущества. Это и было тем возмездием, которое Прометей предсказал Юпитеру и согласно которому Юпитер лишился своего скипетра и своих почестей (Эсхил).

Но триумф длился недолго. Женщины вторично потеряли права, которые они только что начали себе отвоевывать. Христианской религии, которая опять восприняла миф о деве-матери и оказала ему высокую почесть, казалось, надлежало способствовать освободительным стремлениям женщины, но, однако же, она изменила женщине и стала орудием угнетения женского пола. У женщины уже не оспаривали больше ее важную роль для акта деторождения, но зато пытались отнять у нее качество человеческого су-

---

[1] Большинство египетских жрецов, говорит Плутарх, «утверждает, что имя Сераписа составилось из имен Аписа и Озириса. Они основывают свой взгляд на учении, по которому Апис был прекраснейшим изображением Озириса» («De Iside et Osiri»).

щества. Был созван собор для решения вопроса, не является ли женщина, быть может, низшим животным, не имеющим души. И христианская церковь, основанная на древнем женском мифе о непорочном зачатии, решила большинством лишь одного голоса, что у женщины так же, как и у мужчины, есть душа.



МИФ О ПРОМЕТЕЕ

Мифы — это лживые рассказы, сообщающие истину.

Аристотель.

1. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МИФА

Прометей, неукротимый титан, прикованный к скале, терзаемый коршуном, — продолжает грозить Зевсу. Этот образ для древних и современных мифологов стал поэтическим и героическим отражением факта изобретения людьми огня. Прометей похищает с неба огонь, передает его людям и обучает их употреблению огня для обработки металлов.

Один ориенталист, Ф. Бодри, приписывает мифу и самому имени Прометея арийское происхождение: pramantha означает по-санскритски — палку, вращающуюся в отверстии, сделанном в центре деревянного диска; а pramathyus означает того, кто получает таким способом огонь. Греки производят имя Прометея от promethein — знать наперед, предусматривать: Прометей — предусмотрительный, а его брат Эпиметей — непредусмотрительный. Эсхил называет его «предусмотрительным» («Прометей», 85), «изобретательным сыном мудрой советницы Фемиды» (там же, 18), «хитрым, искусным» (там же, 62). Для Гесиода, как и для Эсхила, Прометей — тонкое, ловкое, умное существо. Его имя не имеет у греков никакой этимологической связи с словом огонь.

Такая интерпретация мифа, принятая на веру, имела бы какое-нибудь вероятие стать бесспорной, если бы Зевс,

палач титана, был первобытным богом, т. е. богом, происхождение которого, подобно происхождению Гайи, терялось во мраке времен. Но Зевс, наоборот, является сам современником Прометея. Прометей называет Зевса «новым главой блаженных» (там же, 96), узурпатором трона Кроноса, первенцом которого он является согласно «Илиаде», а по Гесиоду он — его третий сын. Зевс принадлежал к третьему поколению мужских божеств эллинского пантеона, которым предшествовала Гайя, «мать всего» — panmeter (там же, 90). Таким образом, пришлось бы предположить, что доисторические греки стояли ниже всех известных нам людей, потому что еще не встречалось дикого племени, которое не знало бы огня, которое не употребляло бы его для согревания своего тела, для варки пищи, для отпугивания диких зверей и которое не умело бы производить его посредством трения двух кусков дерева. Более чем вероятно, что арийцы, еще до переселения из Индии, знали употребление огня. Во всяком случае, эллины пользовались огнем для обработки металлов еще до рождения Зевса и Прометея, ибо циклопы, изготовлявшие молнии, которые сын Кроноса метал против титанов, были, согласно Гесиоду, сыновьями Урана, т. е. принадлежали к первому поколению божеств мужского пола. Впрочем, Прометей сам признает, что люди знали уже употребление огня и что он только обучился извлекать предсказания из пламени (там же, 499) и что «дикий народ, халибы, умел ковать железо» (там же, 709—710).

Итак, Прометею незачем было передавать доисторическим эллинам огонь или обучать их его употреблению, — следовательно, нужно искать другое разъяснение мифа.

2. КУЛЬТ ОГНЯ

Огонь — производитель движущей силы и главный фактор капиталистического производства — является одним из первых изобретений первобытного человечества: его употребление еще в большей мере, чем употребление камней и древесных ветвей в качестве оружия и орудия, отличает человека от человекоподобной обезьяны. Его польза производит такое сильное впечатление на воображение первобытного человека, что с момента, как он организуется в племена, роды, матриархальные и патриархальные семьи, он создает культ огня; этот культ в Греции и Италии продолжает существовать до христианства и, как пережиток,

передается католицизму. Восковые свечи, зажигаемые на алтарях, свет лампады, поддерживаемый день и ночь пред образами святых, являются остатками этого дикарского культа.

Сохранение огня, добываемого с трудом посредством трения, выпадает на долю женщины у первобытных народов. Когда орда меняет свое кочевье, женщины переносят в лубке головни, засыпанные золой. В наши дни сицилийские пастухи поддерживают постоянно огонь, зажигая ствол шпильника — растения из семейства зонтичных. Сердцевина шпильника легко загорается, тлеет, сохраняя под золою жар. Именно в стволе шпильника, — ferula, narthex, — похитил Прометей, согласно Гесиоду и Эсхилу, огонь с Олимпа. Притвор базилик в церкви первых времен христианства носил название narthex, по всей вероятности, в память той роли, которую играло это растение при сохранении огня в доисторические времена Эллады.

Одной из богинь, Гестии, — имя которой означает очаг, а в переносном смысле — дом, жилище, и которая соответствует римской Весте, — Гестии было поручено у греков охранять священный огонь каждой семьи и каждого города; за это Гестия получала первую часть от всех жертвоприношений; первое возлияние на всех празднествах также совершалось в ее честь. Ее алтарь в Дельфах был предметом особого почитания, — он был «общим очагом» Греции; к нему приходили за головней, чтобы снова возжечь огонь в храмах, если он случайно угасал. В тех святилищах, которые она разделяла с Зевсом и другими богами, честь первых жертвоприношений и всесожжений оказывалась ей, — как божеству самому древнему и самому почитаемому; а в Олимпии во время игр первая жертва, которая приносилась греками, собиравшимися со всей Эллады, предназначалась для Гестии, а вторая для Зевса (Павсаний, V, 14). Она была старшей из детей Реи и Кроноса («Теогония», 453). Посейдон, желая следовать примеру Зевса, женившегося на своей сестре — Гере, предложил Гестии стать его женой. Брак Зевса и Геры, который критяне называли священным браком, указывает, что половые сношения имели место в пределах орды между женщинами и мужчинами одного и того же поколения, считавшими себя братьями и сестрами. Мак-Леннан, обнаруживший тот же обычай у бродячих племен Австралии, называет их эндогамными. Гестия осталась девой, — правда, с разрешения Зевса, ставшего главой семьи олимпийцев.

Каллимах говорит в своем гимне Артемиде, что и эта богиня получила такое же разрешение, так же, как и ее спутницы — нимфы. Оставаться девой не означало в доисторические времена дать обет девственности и целомудрия, но значило отказаться от подчинения игу патриархального брака, который Зевс утвердил на Олимпе. А у людей женщины, не подчинившиеся патриархальному обычаю, сохраняли имя дев, хотя и могли быть матерями многочисленных детей. Эсхил называет амазонок девами («Прометей», 418); греческий язык, называющий дитя незамужней женщины сыном девы, parthenias, только повторяет эту идею допатриархального периода.

Бродячее племя сходится вокруг огня, чтобы есть и спать; когда эти племена перестают быть кочевниками и начинают строить жилища, то жилища эти являются общим достоянием и общим помещением для всего рода; очаг, расположенный в середине жилища, становится центром рода, имеющего только одно жилище и один очаг в продолжение всей эпохи коммунистического быта[1].

Греки помещали общий очаг города, т. е. жертвенник Гестии, в пританее, который в память первобытных жилищ был круглым, подобно храму Весты в Риме. Пританей становится впоследствии местопребыванием общественных властей и суда, местом приема гостей и послов. Он был расположен в Афинах возле агоры, у подножья акрополя. Первоначально он находился на вершине, на которой располагалось кочевье дикого племени. На жертвеннике поддерживался постоянный огонь; он являлся очагом города, hestia poleos, как говорили греки, focus (очаг) или penetrale urbis (внутренняя часть города), как говорили латиняне. По словам Тита Ливия, римляне верили, что судьба Рима связана с этим очагом. Вечером огонь покрывали золой, а утром разжигали ветвями особых деревьев, потому что не всяким деревом следовало поддерживать его. Если он случайно угасал, то его можно было разжечь только по первобытному способу — трением двух кусков дерева. Никто, кроме граждан, не мог присутствовать при жертвоприношениях, совершавшихся на алтаре городского очага: взгляд чужестранца осквернял религиозный обряд. Если город, взятый неприятелем, снова переходил в руки граж-

[1] Гестия, Hestia, имя богини очага, имеет корнем sta, от которого происходят слова, заключающие идею остановки, оседлости и от которого происходит латинское stare (стоять) и французское station (остановка).

дан, то прежде всего следовало освятить храмы. Все семейные и городской очаги тушились и зажигались вновь, так как прикосновение чужестранца осквернило их[1].

Когда род перестает жить общиной и распадается на отдельные семьи, — каждая семья строит себе дом и зажигает очаг головней, взятой из очага общего дома. Этот огонь свято поддерживается; когда он переставал гореть — это означало, что и вся семья погибла, — «угасший очаг» и «угасший род» были у греков синонимами.

В исторические времена переселенцы, отправлявшиеся основывать колонию, уносили с собой головню из пританея того города, который они покидали, чтобы зажечь очаг города, который им предстояло основать. Если очаг этого нового пританея угасал, то не позволялось его снова разжечь; нужно было вернуться в метрополию, чтобы взять головню из очага, ибо он считался источником священного огня для семейств и колоний. Армия, выступавшая в поход, брала с собой головню священного огня, которую нес на своей голове пирофор (огненосец). Эта функция делала его священным — победитель давал ему пощаду.

Священный огонь пританея был источником власти. Пританеи — это синоним начальника, магистра, царя: в Милете, Коринфе и во всех греческих государствах пританами называлась главная власть в городе; в Афинах было пятьдесят сенаторов, избранных десятью филами; эти сенаторы по очереди председательствовали в народных собраниях и следили за выполнением декретов.

Семья олимпийцев, как и города и семейства людей, имела свой очаг, который был «источником огня». Пиндар называет Зевса «пританом грома и молнии», а Эсхил называет его «пританом блаженных» («Прометей», 173). Огонь, похищенный Прометеем из «источника огня» (там же, 109—110), не является обыкновенным огнем, который известен смертным, но частью того священного огня, который Зевс отказался передать «смертным» («Теогония», 564) и без которого нельзя было зажигать семейного очага.

---

[1] У евреев равным образом существовал культ огня. Иосиф рассказывает, что они были так преданы этому культу, что в его время разразился бунт в Иерусалиме по той причине, что римский правитель Флор запретил «праздник, называемый ксилофориями; во время этого праздника в храм приносится большое количество дерева, чтобы поддержать огонь, который не должен никогда угаснуть». Иосиф Флавий, «Иудейская война», кн. II, гл. XXXI.

Прометей не олицетворяет изобретения огня. Но эпизоды из его мифа, сообщенные Гесиодом и Эсхилом, являются воспоминанием о борьбе, раздиравшей племена доисторической Эллады в эпоху смены матриархальной семьи патриархальной; они являются также воспоминанием о событиях, разбивших патриархальную семью и подготовивших возникновение буржуазной семьи, состоящей из одного хозяйства, семьи, существующей и поныне.

3. МАТРИАРХАТ И ПАТРИАРХАТ

Принято полагать, что никогда не существовало человеческого общества, которое при самом возникновении совсем не было бы основано на патриархальной семье. Возможно, что у homo alalus, как предполагает Дарвин, существовали нравы, аналогичные нравам горилл, живущих небольшими патриархальными группами; эти группы состоят из нескольких самок и одного самца. Когда молодые самцы достигают половой зрелости, они дерутся между собой и со своим отцом, чтобы знать, кто останется хозяином стаи; самый сильный убивает или изгоняет более слабых и становится главой семьи; он вступает в половые сношения с самками, являющимися его дочерьми, его сестрами и его матерью. Человек, может быть, и начал с подобной патриархальной семьи: одно достоверно, что у него должны были существовать беспорядочные половые отношения, как у горилл, ибо, подобно им, он не знал родственных уз, связывающих его с женщинами своей орды. В наши дни два английских антрополога, Спенсер и Гиллен, утверждают, что в Центральной Австралии существует дикое племя арунта, не знающих, что дети происходят от половой связи. Всего лишь несколько веков, как европейцы положительно узнали, что ребенок не может быть порожден без плотских отношений между женщиной и мужчиной; в средние века думали, что женщина может быть оплодотворена духами.

Эта первичная и гипотетическая форма семьи, которая могла сложиться только тогда, когда человек едва отличался от человекоподобной обезьяны, не оставила следов. Наоборот, наблюдения, сделанные над дикими народами, и собранные предания о происхождении человечества показывают нам только общества из женщин и мужчин, уже живущих в более или менее мирном общении. Было естественно, что в этих группах, в которых царило многобра-

чие обоих полов, дети, знавшие с достоверностью только свою мать, группировались вокруг нее; было естественно, что происхождение считалось по матери, а не по отцу, который был неизвестен или не вполне установлен, и что, когда семья более или менее определилась, именно мать, а не отец, стала сначала ее центром и главой. В середине прошлого столетия Морган в Соединенных Штатах и Бахофен в Швеции отметили существование матриархальной семьи, которая и в Старом и в Новом свете предшествовала патриархальной. Антропологи в настоящее время единодушно признают эту форму семьи; мнения разделяются только во взгляде на власть, которой пользовалась в ней мать. Патриархальная форма, вытеснившая ее, — когда возросли количество и ценность материальных благ, — поставила женщину в подчиненное положение; она теряет свою независимость; вместо того, чтобы оставаться в своем роде и принять мужа в дом своей матери, женщина становится предметом купли, и она, как раба, входит в дом своего мужа. Греческий язык отметил это превращение: posis — что первоначально означает хозяин, получает смысл супруга; damar — укрощенная, побежденная — становится названием супруги вместо названия despoina, хозяйки дома, госпожи, — термин, которым спартанцы, сохранившие еще пережитки матриархата, продолжали пользоваться; девушка — admes, т. е. неукрощенная. «Одиссея» (VI, 109) называет Навзикаю «неукрощенной девой», parthenos admes, потому что она не замужем.

Патриархальная семья составляется из большего или меньшего числа хозяйств, состоящих из мужа, его законной жены, его конкубин и их детей. Все подчинены деспотической власти старейшего, почитаемого отцом всех членов семьи. Он имеет право жизни и смерти не только над своей женой, своими конкубинами и своими детьми, но и над своими дядьями, своими братьями, над их женами и детьми: они — как гласит суровая римская формула—находились «в его руке», in manu. Он облечен званием собственника-владельца земельных угодий, служащих основой патриархальной семьи и являющихся неотчуждаемыми; он управляет ими в интересах всех ее членов.

4. ПАТРИАРХАТ НА ОЛИМПЕ

Изменение в семейном положении женщины совершилось у некоторых народов постепенно и без трагических столк-

новений; но в Элладе оно, очевидно, произошло насильственным путем, после кровавой борьбы, если основываться в этом на мифологических рассказах — единственных воспоминаниях об этой эпохе, которыми мы обладаем. Грубый захват власти на Олимпе со стороны Зевса, который становится «отцом богов и людей», как говорит Гесиод, или просто «отцом», как говорят «Илиада» и Эсхил, — есть повторение на небе того, что уже совершилось на земле, когда отец заменил мать в господстве над семьей.

Небо отражает земные события, как луна отражает солнечный свет, ибо человек создает и может создавать свои религии не иначе, как одаряя божества своим воображением, своими нравами, своими страстями и своими мыслями. Он переносит в царство богов все сколько-нибудь замечательные события своей жизни. На небе человек снова разыгрывает драмы и комедии, происходящие на земле. Мифы сложились в те времена, когда устная передача преданий была единственным способом сохранить память о событиях. Мифы являются, так сказать, сокровищницами, хранящими воспоминания о прошлом, которое в противном случае было бы навсегда предано забвению. Миф о Прометее богат сведениями о расцвете и распаде патриархата у эллинов.

Гесиод говорит о двух поколениях божеств, предшествовавших Зевсу, обозначая их именами Урана и Кроноса; можно думать, что Гесиод верил тому, что во все времена существовала только патриархальная семья, что происхождение считалось по отцу. Эсхил, наоборот, обвиняет Зевса в том, что он революционизировал Олимп и ввел там новый порядок. Эсхил никогда не называет имени отца Прометея, — это имя он считал, стало-быть, неизвестным или не вполне установленным; а Гесиод утверждает, что Прометей был сыном титана Иапета. Прометей Эсхила знает только свою мать Фемиду, «древнюю богиню»; когда Прометей обращается к океанидам, он называет их дочерьми Фетиды и затем уже упоминает об их отце Океане («Прометей», 138—141). Так, египтяне, у которых сохранился матриархальный быт, в надгробных надписях упоминали сначала имя матери, а затем уже имя отца. Прикованный Прометей взывает не к Урану и Кроносу, а к Гайе — «матери всего». Уран и Кронос принадлежат к богам матриархального цикла: семьей управляет мать, и члены семьи повинуются только ей; именно Рейя повелела своим трем сыновьям — Зевсу, Посейдону и Гадесу — заковать их от-

ца Кроноса; именно Гайя, чтобы избежать любовных объятий Урана, приказала своему сыну Кроносу оскопить его[1].

Прометей — сын старейшей в семье женщины, «древней матери, титаниды Фемиды» («Прометей», 866), имя которой является синонимом Гайи — матери par excellence (там же, 213—214); он брат титанов, защитников матриархального порядка, которые должны принять участие в его борьбе против Зевса. И действительно, Прометей начал борьбу, имея на своей стороне титанов; но так как его советы не были приняты во внимание, он, предвидя поражение, покинул их и перекинулся на сторону Зевса, уведя с собою свою мать: она отдалась его делу так же, как и Афина. Афина, как богиня, старше Зевса, но ей пришлось стать его приемной дочерью, чтобы приспособиться к новому патриархальному порядку. Борьба за патриархат на земле, очевидно, была продолжительной, потому что борьба титанов, по словам Гесиода, продолжалась десять лет, т. е. неопределенное время, как и осада Трои и Вей; борьба, должно быть, сопровождалась чрезвычайной спутанностью отношений борющихся сторон; мы видим, как боги меняют партии и сражаются в лагере, где их не ожидали бы видеть.

Зевс, более осторожный, чем титаны, послушался Прометея, по его совету он низверг Кроноса и его союзников в Тартар (там же, 223—224). Услуги Прометея были очень значительны, — он хвастает тем, что «раздавал награды новым богам» (там же, 440—441). «Он терзался сердцем», вспоминая все, что сделал для Зевса; и однакож с тех пор, как тот стал владыкой Олимпа, Прометей начинает составлять против него заговоры и снова приобретает дружбу сторонников дела матриархата, которому он однажды уже изменил. Океаниды остались верны старому

[1] Эндрью Лэнг сопоставляет миф об изувечении Урана с несколькими аналогичными мифами, собранными у бушменов и полинезийцев, не пытаясь — по своему обыкновению — дать им интерпретацию. Мифы эти, однако ж, имеют ценность, как сведения о доисторических временах; они сохраняют, вероятно, воспоминание о первых попытках, сделанных дикими бродячими племенами для прекращения беспорядочных половых сношений. Инициатива в этом, согласно греческому мифу, принадлежала женщине, которая вынуждена была прибегнуть даже к оскоплению, чтобы ограничить круг плотских отношений. Аткинсон, живший среди полинезийских племен, приписывает женщине прекращение кровосмесительных отношений между матерью и сыном, отцом и дочерью, многочисленные примеры которых сообщают нам религиозные легенды всех народов. «Primal law» («Первобытный закон») 1903.

порядку, — они клянутся мойрами, что «никогда не будут разделять ложа Зевса и не вступят в союз ни с одним из небожителей» (там же, 885—887); они первыми поспешили на зов Прометея. Они оплакивают его муки и проклинают «Зевса, который правит по новым законам и уничтожает все, что до сих пор почиталось» (там же, 151 — 153); они сообщают ему, что «смертные, живущие в священной Азии... и амазонки, девы Колхидской земли», плачут об его несчастиях и оплакивают «древний и великолепный сан, потерянный им и его братьями» (там же, 409—420).

Новый порядок ненавистен. Зевс, патриарх Олимпа, как и отец земной, человеческой семьи — «суровый владыка, который не должен отдавать отчета» (там же, 328), «никто не пользуется независимостью, кроме него» (там же, 11); «он в гневе всегда предписывает свою непреклонную волю и порабощает богов» (там же, 165); «он царствует, не зная милосердия, согласно собственным законам, и заставляет склониться под свое надменное иго прежних богов» (там же, 406—408); когда «отец» входит, они должны встать и стоять в его присутствии («Илиада», I, ст. 534); «его прихоть руководит его правосудием» («Прометей», 100—101); «его сердце неумолимо, ибо кто недавно пришел к власти, тот жесток» (там же, 34—35).

Зевс копирует дела и действия земного патриарха. Он силой захватил власть над небесной семьей; изгнал с Олимпа матриархальные божества и титанов и, чтобы сохранить свою власть, применяет силу, ибо, — гласит гимн Зевсу Каллимаха, — не следует думать, что раздел наследства Кроноса между тремя братьями совершился путем жребия: он силой захватил львиную долю. Он поддерживает свою власть только с помощью силы; возле его престола наготове двое его слуг: Сила и Насилие, Kratos kai bia; они всегда готовы ему повиноваться. По его приказу они сопровождают Гефеста, чтобы оказать ему помощь, когда тот станет приковывать Прометея к кавказской скале. Эта грубая и жестокая тирания давит всех олимпийцев, и они часто восстают против него. «Илиада» (I, 396—406) рассказывает, как боги вступили в союз с Герой, Афиной и Посейдоном и хотели низвергнуть Зевса; он спасся от них только благодаря советам Фетиды и силе Бриарея. Гесиод упоминает о другом заговоре против «власти всемогущего сына Кроноса» («Теогония», 534). Прометей наказан за то, что замыслил заговор, ибо, когда Океан советует ему умерить свой гнев и «примириться с новыми нравами», он

ему отвечает: «завидую тебе, что ты остался вне подозрений, хотя и принимал участие во всех моих замыслах... Успокойся, оставайся в стороне, — ибо, если я несчастен, я не хочу, чтобы других по той же причине постигало несчастье» («Прометей», 334—350). Побежденный и скованный, он еще угрожает Зевсу новым заговором, который отнимет у него скипетр и почести (там же, 173—174). Океаниды предвидят конец тирании Зевса, «когда кто-нибудь насилием захватит власть, которую так трудно захватить» (там же, 168—169); «будет некогда день, когда он ослабеет» (без сомнения, — от старости), отвечает Прометей, «он будет тогда разбит» (там же, 193—194); «разве не видел я падения двух тиранов (Урана и Кроноса), я увижу падение третьего, — того, кто царствует теперь: он падет очень скоро и очень постыдно» (там же, 946—949). Эти угрозы беспокоят Зевса, и он шлет к нему Гермеса вырвать у него его тайну.

Старейшие в роде, подобно баронам и королям средневековья, должны были опасаться своих наследников — ведь, когда они медлили сами уступить свое место, от них освобождались. В Индии их посылали умирать естественной смертью в леса, где они вели жизнь отшельников. Сын — вот тот мститель, которого ждет Прометей. Но наследник должен быть рожден законной женой или получить законные права путем усыновления. Зевс имеет от своей супруги Геры только двух сыновей — Ареса и хромого Гефеста; но они рождены до установления патриархата, — ведь они принимают участие в войне титанов, — следовательно, они не подходят под условия, требуемые новым порядком. Но Прометей, зная влюбчивое сердце отца богов, надеется, что он, ослепленный страстью, забудется и, отвергнув Геру, «заключит новый брак, в котором раскается... его новая супруга разрешится сыном, более могущественным, чем отец» (там же, 758—763), тогда сын низвергнет отца: тогда «всецело исполнится проклятье, которое отец Кронос послал Зевсу, падая с древнего престола» (там же, 901—902).

Прометей — бессмертен; он знает, что он, побежденный, подвергающийся мукам, увидит конец тиранической власти Зевса и гибель патриархата; он знает, что будет освобожден Гераклом, одной из жертв патриархальной семьи, ибо Геракл должен покорно повиноваться своему старшему брату Еврисфею и выполнять трудные и опасные задачи, которые тот на него возложил. Но час его освобожденья пробьет тогда только, когда сменится «тринадцать поколе-

ний», или через четыре с лишком века, считая тридцать три года на поколение. Быть может, элевсинские жрицы — наставницы Эсхила — вычислили, что патриархат длился такой промежуток времени в Элладе?

Эсхил, исходя из требований трагедии, соединил заговор и похищение огня, как будто оба эти события происходили в одно и то же время, и приковывает Прометея к кавказской скале за оба преступления. Но Гесиод, передающий просто легенду, разъединяет эти два эпизода. Они действительно принадлежат к двум различным эпохам патриархата: один — к его началу, другой — к его упадку; за заговор Зевс наказывает Прометея и его брата Атланта тем, что одного приковывает к скале, а другого осуждает держать на своих плечах небесный свод; за похищение же огня Зевс карает смертных, т. е. людей.

Чтоб обуздать богов, Зевс, на заре патриархального строя на Олимпе, принужден прибегать постоянно к своей физической силе и к телесным наказаниям. «Илиада» рассказывает, что Зевс повесил свою супругу, привязав ей к ногам по наковальне; он поздравляет себя с тем, что Посейдон подчинился новому порядку, что избавило его от рукопашной, а «она не окончилась бы без жаркой схватки» («Илиада», XV, 15 и сл., 219 и сл.). Неоплатоники александрийской школы и современные мифологи приписывали глубоко-метафизический, символический смысл тому месту в «Илиаде», где Зевс, выразив свою волю, грозит низвергнуть в Тартар всякого, кто не подчинится ему; если все боги и богини, прибавляет Зевс, впрягутся в золотую цепь, им все же не удастся поколебать его, между тем как он поднимет их вместе с землей и морем и повесит все это по другую сторону Олимпа. Эта похвальба должна только напомнить, что он самый сильный из богов, — theon kratistos hapanton. Физическая сила была первой из добродетелей патриархального героя гомеровской эпохи: когда Елена указывает троянским старцам греческих вождей, она отличает Улисса от Менелая и Аякса тем, что Улисс — «чудесный оплот» ахейцев — превосходит их обоих шириною плеч («Илиада», гл. III).

Но для того, чтобы править семьей, земной или небесной, управлять ее имуществом, недостаточно одной силы и жестокости, нужен был еще ум; но, повидимому, отец Олимпа, подобно земным отцам, не годился по своим умственным способностям к своей роли.

Вероятно, у племен доисторической Эллады и у других

племен мозг женщины развился раньше, ибо в Греции, как и в Малой Азии, в Индии, Египте — женщина была обожествлена раньше мужчины. Первые изобретения в искусствах и ремеслах, за исключением обработки металлов, приписываются богиням, а не богам. Задолго до Аполлона в Греции уже были музы, первоначально в числе трех, — богини поэзии, музыки и танцев. Изида, «мать колосьев и владычица хлеба», и Деметра — законодательница, thesmophoros, обучили египтян и эллинов возделыванию ячменя и ржи и заставили их отказаться от людоедства. Женщина, должно быть, казалась мужчинам предпатриархального времени, — равно как и германцам времен Тацита, — существом, носящим в себе нечто от святости и прозорливости, — aliquid sanctum et providum («Германия», § VIII).

Это интеллектуальное превосходство объясняется условиями первобытной жизни, где каждый пол выполняет специальные функции. Мужчина, с более мощной костной и мускульной системой, «сражается, охотится, удит и отдыхает», — говорит австралиец, т. е. он только это и делает; остальное есть удел женщины. Задачи последней быстрее развивают ее умственные способности; на ней лежит забота об общем доме, часто укрывающем род из ста слишком человек; она изготовляет одежду из кожи и других материалов; она занимается садоводством, скотоводством, изготовлением хозяйственных орудий; она хранит, управляет, оберегает, стряпает, распределяет растительные и мясные припасы, собранные в течение года; подобно валкириям скандинавов или керам догомеровских эллинов, она сопровождает воина на поле сражения, воспламеняет его мужество, помогает ему в схватке, подбирает его, если он ранен, и ухаживает за ним. Ее присутствие настолько ценно, что, — как рассказывает Тацит, — батавы жалели восставших под предводительством Цивилиса римских солдат, потому что они ушли в поход без женщин; а Платон, который, подобно посвященным избранникам элевсинских мистерий, был более осведомлен в первобытных нравах, чем это обычно полагают, — заставляет женщин в «Республике» принимать участие в военных боях.

Эти многочисленные и разнообразные функции заставляют женщину размышлять, высчитывать, думать о завтрашнем дне, предусматривать на возможно долгий срок; они необходимо должны были развить ее умственные способности. Мужчине, выполнившему свою роль воина и добытчика, оставалось только наслаждаться жизнью: даже в воз-

расте ста лет, говорит Гесиод, он жил у мудрой матери — kedne, — кормился в ее доме, как большое дитя, едва умеющее говорить — mega nepios («Труды и дни», 130—131). Женщина — провидение для беззаботного и непредусмотрительного дикаря; она, мудрое и предусмотрительное существо, распоряжается его судьбой от колыбели до могилы. Мужчина, вырабатывавший свою идеологию на основе умственных завоеваний и событий своей повседневной жизни, должен был начать с обожествления женщины. Доисторические греки и римляне ставили свои судьбы под контроль богинь, мойр и парк; имена этих богинь означали: по-латыни — бережливый, а по-гречески — долю, приходящуюся каждому при распределении припасов или добычи. «Мойры, эти древние богини о трех телах, и эриннии, которые ничего не забывают, держат руль необходимости», говорит Прометей, а владыка Олимпа «слабее их, он не сумеет избежать судьбы» («Прометей», 516—519).

Несокрушимо сильный Зевс был умственно ограничен, как и земные отцы, которые оттеснили женщину-мать от управления семьей. Зевс не был подателем «мудрых советов», как Фемида, мать Прометея; он, наоборот, принужден прибегать постоянно к советам матриархальных богинь, чтобы спастись от опасностей своего положения. Он восторжествовал над титанами только с помощью гекатонхейров — сторуких — Бриарея, Котта и Гиея, освободив их по «совету Гайи» из недр земли, куда низверг их Уран («Теогония», 617—626). По ее же совету он, чтобы дополнить свои недостаточные умственные способности, женился на Метис, «самой мудрой из богов и смертных людей». Подобно дикарям, пожирающим окровавленное сердце врага, чтобы приобрести его мужество, Зевс проглотил Метис, чтобы усвоить ее хитрость и мудрость, ибо ее имя имеет эти значения; умственные способности были тогда уделом женщины (там же, 886 и др.).

Но усвоение этих умственных способностей не совершалось немедленно, если судить об этом по злой шутке, которую сыграл над Зевсом Прометей. Для того, чтобы испытать его ум, титан убил и разрезал на части огромного жертвенного быка; затем в одну кучу он положил мясо, завернул его в шкуру, а поверх бросил внутренности, часть которой пренебрегали и которую отдавали нищим, как свидетельствует «Одиссея» (XVIII, 44); кости, очищенные от мяса, он сложил в другую кучу, ловко прикрыв связками жира. «Сын Иапета, ты плохо разделил», — сказал владыка

Олимпа. «О, многославный Зевс, — возразил коварный Прометей, — ты, самый великий из богов живых, возьми ту часть, которую мудрость твоя советует тебе выбрать». Отец богов и людей, повинуясь только своей жадности, ухватил среди смеха всех олимпийцев связку жира: он впал в сильную ярость, когда увидел голые кости («Теогония», 536 и сл.).

Такая грубая шутка могла разыграться на небе только потому, что люди в начале патриархата с трудом лишь переносили власть отца; поэтому они часто должны были прибегать к подобным проделкам, чтобы доказать ему, что его умственные способности не дают ему права заменить мать в руководстве семьей и управлении имуществом.

5. ДАР ПРОМЕТЕЯ СМЕРТНЫМ

У первобытных народов пользование предметом приводило к праву собственности на него. Мать, на обязанности которой лежала забота о жилище и припасах, является хозяйкой дома и всего, что в нем содержится; мужчина владеет только оружием, рыболовными и охотничьими снастями. Дети принадлежат матери: она их родила, вскормила, воспитала, им она дает приют; когда дочь выходит замуж, она не покидает материнского жилища; муж — ее гость, который должен добывать себе пропитание.

Очаг, служащий для приготовления пищи, является собственностью матери и в случае ее смерти переходит к ее старшей дочери.

Отец, вытесняя мать, становится владельцем дома и его очага; он становится хозяином священного огня, он сам — источник огня, как говорит Эсхил, ибо он должен был обладать головней от этого огня, чтобы иметь возможность зажечь новый семейный очаг, согласно религиозным обрядам. Зевс, став отцом олимпийцев, стал вследствие этого «пританом блаженных» («Прометей», 173), т. е. хозяином очага и священного огня. Он изгнал с Олимпа богинь, олицетворявших под именами Гайи, Рейи и Деметры мать и землю, все создающих и все питающих[1]. Староверы, не

---

[1] Рейя — антиформа Эры, земли; она дочь Гайи — земли и мать Деметры — земли-матери. Прометей говорит, что его мать Фемида и Гайя, праматерь богов и людей, «одно и то же лицо под многими именами» («Прометей», 213—214); четырнадцатью строками выше он называет Гайю chthon, земля.

Идея справедливости, развитию и упрочению которой способство-

принявшие нового порядка, продолжали им поклоняться, отказываясь в то же время признавать Зевса «главою блаженных». Зевс их истребил, — говорит Гесиод.

Обладание очагом символизировало господство отца, — его права, его почести, его власть, казалось, зависели от этого; поэтому Эсхил безразлично пользуется словами: огонь, честь, достоинство, власть — pyr, tima, geras — для обозначения того, что именно похитил Прометей у Зевса и передал смертным. Когда «Илиада» хочет характеризовать часть наследства Кроноса, доставшуюся на долю его трех сыновей, она равным образом употребляет слово time («Илиада», XV, 189). Титан, похитив головню с очага Олимпа, не просто украл раскаленный уголь, — он покушался «на права богов» («Прометей», 82); «он передал его недолговечным существам... он передал смертным почести, им неподобающие» (там же, 83 и 90). Он совершил святотатство; такое же святотатство совершил бы гражданин, похитив головню с священного огня города и отдав его чужестранцу, чтобы тот зажег очаг враждебного города.

Итак, головня, похищенная Прометеем из «источника огня», не является обыкновенным огнем, «огнем, который потоками извергается из Этны» (там же, 372). Это — священный огонь, дающий смертному, обладающему им, право зажечь семейный очаг, основать независимую семью, освобожденную от деспотической власти отца. Посейдон, который со времени раздела получил это право вместе с частью священного огня, мог основать семью, над которой патриарх Олимпа не имел никакой власти; поэтому, когда Ирида приносит ему приказ Зевса, он отказывается ему подчиниться: «пусть он мирно наслаждается своей третью, — отвечает он, — и пусть он не пытается устрашить меня силой своей десницы, как какого-нибудь труса; пусть он довольствуется тем, что укоряет властным словом своих сыновей и своих дочерей, которых он родил и которые обязаны повиноваться его велениям» («Илиада», XV, 194—199).

Действующие лица трагедии Эсхила, — Кратос, Гефест, океаниды, Ио, Гермес, Прометей, — говорят, что огонь был передан смертным — thnetois, brotois, ephemerois, photois.

вали ежегодные переделы земли между семьями рода, была, как кажется, сначала атрибутом матери и земли: Деметра называлась «законодательницей» — thesmophoros, а также «плодоносной». Лишь после развития торговли и промышленности идея справедливости теряет связь с землей и олицетворяется в различных божествах: Фемиде, Дике и т. д.

Прометей — единственный, который в двух случаях пользуется словом «человек» — anthropos («Прометей», 446—502), тогда как слово «смертный» под четырьмя синонимами повторяется тридцать семь раз[1]. Когда Прометей говорит о передаче огня, тогда он не употребляет слова «человек»; он пользуется им, когда говорит, что ему не в чем упрекать людей и что он их научил открывать металлы, скрытые под землей. Равным образом Гесиод говорит, что Зевс отказался «дать огонь смертным людям» — thnetois anthropois («Теогония», 564). Следовательно, были люди, которые не были смертными?

Постоянство, с которым Эсхил и Гесиод употребляют слово «смертный», когда они говорят об отказе в огне или о передаче его, является намеренным и имеет значение, которое вскрывает нам идеологию первобытного человека.

Для объяснения явлений сна дикарь не нашел ничего более простого и более остроумного, как удвоить человека, дать ему двойника — согласно его выражению. Двойник может покидать тело во время сна, чтобы охотиться, сражаться, мстить и т. д.; когда он вновь соединяется со своим телесным жилищем, — происходит пробуждение; если он собьется с пути или по какой-либо причине не вернется, тогда тело не пробуждается. Двойник переживает разрушение трупа, — вот почему дикарь видит во сне духов своих умерших товарищей. Двойник, оставшись после разложения трупа без обиталища, блуждает по земле до тех пор, пока не встретит какого-нибудь предмета: растение, животное или камень, в который ему угодно воплотиться и который он может покинуть по своему желанию. Учение о переселении душ ведет свое начало от первобытных времен. Души умерших так же мстительны, как сами дикари; они мстят за действительные и воображаемые обиды, нанесенные им до и после смерти; поэтому первобытные люди опасаются мертвецов больше, чем живых; они находятся в постоянном

---

[1] Кратос употребляет thnetos 3 раза, ст. 8, 38 и 84 и один раз ephemeros, ст. 83.

Гефест — brotos два раза, ст. 21 и 30.

Прометей — thnetos девять раз, ст. 107, 243, 252, 271, 465, 499, 726, 731 и 792; brotos 12 раз, ст. 11, 116, 124, 235, 239, 243, 443, 471, 507, 605, 791 и 833.

Океаниды — thnetos 3 раза: ст. 416, 539, 546; brotos 2 раза: ст. 255 и 508; ephemeros 2 раза: ст. 257 и 541; photos один раз: ст. 543.

Гермес — ephemeros один раз: ст. 935.

Ио — thnetos один раз: ст. 606.

страхе перед своими двойниками. Чтобы освободиться от них, они придумали загробную обитель, которую обставили возможно лучше; туда переселяются души после разложения трупа, и там они ведут духовное бытие столь блаженное, что теряют охоту надоедать живым; эта обитель находилась на вершине горы, подобно Олимпу, который, до Зевса, был жилищем духов — daimonon (демонов). И действительно, Прометей рассказывает, что война вспыхнула между духами — daimones: «одни желали свергнуть Кроноса, чтобы воцарился Зевс; другие объединили свои силы для того, чтобы Зевс никогда не царил над богами» («Прометей», 203—207). Прометей, титаны, Зевс, боги и богини, принявшие участие в борьбе, были бессмертными духами смертных людей, обитавшими на Олимпе, — жилище, которое первобытные эллины выбрали им для жилья.

Вера в загробную и блаженную жизнь очень реальна у первобытных людей и варваров, живущих в эпоху общей собственности и матриархальной семьи; потом она затемняется, а в конце концов исчезает в эпоху патриархата и частной собственности. Отец семейства — единственный из всех членов семьи — обладает духом, который его переживает; но вместо того, чтобы проводить вторую жизнь в специальной обители, он обитает в гробнице, помещенной возле очага, хранителем которого он остается. Греки и римляне продолжали относиться к мертвому отцу семейства так, как будто он был жив; они приносили ему пищу, спрашивали у него совета; его присоединяли к ряду предков; он становился богом, предметом семейного культа. Поэтому, по словам Гераклита, «люди были смертными богами, а боги — бессмертными людьми». Остальные члены семьи, мужчины как и женщины, потеряли свою душу, которой обладали; они умирали без остатка, и никакой двойник их не переживал; они были смертными людьми, тогда как отцы семейств были бессмертными людьми.

Эллины пережили идеологию первобытного человека, а также условия жизни, которые ее породили; что это так, — доказывает знаменитый отрывок у Гесиода о человеческих поколениях, который не является выдумкой поэтического гения, а лишь воспроизводит легенды, излагающие вкратце фазы доисторической эпохи.

«А если ты хочешь, — говорит Гесиод, — вот другой рассказ, который я хорошо и искусно разверну, рассказ о том, что боги и смертные люди произошли из одного источника». Эта вера, которую философия софистов пыталась искоре-

нить, продолжает жить в христианстве: Иисус — смертный человек, ставший бессмертным богом. Во времена Эсхила, как говорит Пиндар, допускали, что «люди и боги рождены одной и той же матерью» — землей (Нем. VI). Люди так мало отличались от богов, что Писистрат заставил афинян приветствовать какую-то куртизанку, одетую Афиной-Палладой, как настоящую богиню города (полиаду).

Первое поколение золотого века было «поколением людей с членораздельной речью», meropon anthropon, созданных бессмертными жителями Олимпа[1]: «Они существовали во времена Кроноса», следовательно, — до Зевса. Подобно дикарям коммунистических племен, «они жили, как боги, — без забот... добровольно делили труд и имущество... умирали, как бы скованные сном». Двойники их, освободившись от тела, блуждали по земле; после того как Зевс захватил Олимп, они продолжали жить на земле в образе духов — daimonon, «одетые в воздух... Они — стражи смертных людей; они следят за дурными делами и поступками... они раздают богатства».

Люди серебряного века принадлежали к матриархальной эпохе, потому что «даже в столетнем возрасте человек жил и питался возле своей прозорливой матери в ее доме, подобно большому дитяти». Зевс истребил их, потому что они отказались поклоняться богам Олимпа... и приносить жертвы на их алтари. Но они продолжают жить в образе духов под землей и называются блаженными смертными; им «оказывают почести, хотя и ставят их на второе место», т. е.

---

[1] Эллинист А. М. Деруссо заметил мне, что meropes anthropoi ввиду этимологических затруднений может быть истолковано и в смысле: люди, берущие руками. И то и другое значение переносит нас в эпоху, когда человек, усвоив речь и перестав пользоваться передними конечностями для ходьбы, отделился от человекоподобной обезьяны. Впрочем, речь тесно связана с вертикальным положением тела; действительно, только передвижение на нижних конечностях позволяет человеку свободно и легко пользоваться грудной клеткой, чтобы издавать звуки и управлять дыханием. Птицы поют потому, что имеют свободную грудную клетку; возможно, что человеческая речь, как и думает Дарвин, началась с пения.

Рассказ Гесиода, быть может, самое древнее воспоминание, которым обладает человек о своем происхождении. Следует заметить, что легенды о человеческих поколениях сообщены не в «Теогонии», но в «Трудах и днях». Спартанцы эту поэму пренебрежительно называли поэмой мастеровщины: ремесленники, лишенные даже возможности образовать семью по типу патриархальной, держались самых древних традиций. Гесиод дипломатически предупреждает, что он «искусно» развернет «рассказ», ибо все в нем говорило против патриархальных устоев.

ниже бессмертных блаженных Олимпа. Гесиод заставляет предполагать, что для них был установлен тайный культ; это те духи, которые стали, вероятно, кабирами, тельхинами и другими низшими божествами, пользовавшимися почитанием у ремесленников, моряков, мелкого люда[1].

Стремясь сменить оба поколения коммунистической матриархальной эпохи, Зевс создал третье поколение: поколение так называемого бронзового века; бронзового — потому, что люди этого поколения не знали железа и употребляли оружие из бронзы. «Люди этого поколения, насильников и неправедных, были погребены в холодном Гадесе... Черная смерть поглотила их, и они покинули сияющее солнце». Их духи продолжают жить в Гадесе, но «им не воздают почестей». Вера в то, что душа продолжает жить, была очень живуча, несмотря на смену целого ряда поколений; она исчезла только у людей пятого поколения, людей железного века, к которому принадлежали современники Гесиода.

Одновременно с поколением бронзового века отец Олимпа создал «божественное поколение, более праведное, более добродетельное, — людей-героев; люди третьего поколения называли их полубогами», потому что они произошли от союза богов со смертными, — как сказано в конце «Теогонии»; они были героями, сражавшимися под Троей и семивратными Фивами, и стали отцами патриархальных семейств. Олимп — обитель, открытая для них во время матриархального периода, закрылась с тех пор, как там воцарился Зевс; поэтому «души героев поселились на остро-

[1] Легенда о втором поколении, равно как и отрывок из «Теогонии» (535—536), в котором сказано, что «боги и люди сражались у Меконы», как кажется, доказывает, что в доисторические времена происходили религиозные войны. Итак, социальный кризис, завершившийся установлением патриархата, принял в Греции религиозную форму. Люди оставались верны матриархальному строю, отказываясь признавать новых богов и поклоняться им; их следовало истребить, чтобы уничтожить культ древних богинь — Гайи, Рейи, Деметры, эринний, кер и т. д.; преследованиями не удалось подавить этот культ, но он принужден был уйти в подполье. Павсаний (I, 38), у которого мы находим древние предания, не извращенные философами и поэтами, сообщает, что в до-гомеровские времена жители Элевсина должны были с оружием в руках защищать культ Деметры, который афиняне желали упразднить. Христиане первых веков, превращая языческих богов в злокозненных демонов, подражали бессознательно сторонникам патриархата, поклонникам Зевса, который превратил эринний в страшные и грозные существа; однакож демократическая масса продолжала называть их, как прежде, благодетельными и почтенными богинями, — eumenides kai semnai.

ве блаженных, вдали от бессмертных» Олимпа, тогда как души их современников того же бронзового века отправлялись в холодный Гадес, потому что они не были отцами семейств. Эллины, перенеся на небо патриархат, использовали воображаемых обитателей Олимпа, чтобы придумать предков для патриархальных семейств, которые были детьми богов; до этого времени племена и роды считали предками — тотемами — животных, растения, а иногда и звезды.

Легенды об этих двух поколениях показывают, как трудно было искоренить веру в душу и в ее бессмертие; они доказывают, что прошло много веков, пока утвердился семейный культ предков, — вопреки Фюстель-де-Куланжу, который думает, что семейный культ предков был культом первобытных времен; ведь души этих героев, вместо того чтобы покоиться в семейных гробницах, как они стали это делать позднее, раньше проводили свое духовное бытие на острове блаженных, которым управлял Кронос.

Патриарх не мирился с верой в дальнейшее существование души. Эллины очень оригинальным и остроумным способом отвратили людей, которые не были отцами семейств, от желания обладать бессмертной душой: они превратили восхитительный рай, придуманный первобытным человеком для духов, в печальное, лишенное очарования, жилище. Они сохранили Олимп для богов, остров блаженных — для героев-сыновей богов и отцов семейств; а мрачный и холодный Гадес они придумали для тех, кто, не будучи отцами семейств, продолжал дерзать наделять себя бессмертной душой. Жизнь в Гадесе была так скучна, что Ахилл, — умерший при жизни своего отца и, следовательно, не имевший возможности стать отцом семейства, — говорит Улиссу, что он переменил бы свое царское достоинство среди духов на жизнь поденщика. Бессмертие порождало у тех, кто его достигал, одни лишь печали; Тифон, — которому Зевс по случаю его брака с Авророй даровал в качестве свадебного подарка бессмертие, — впал в такую дряхлость, что стал предметом отвращения; он должен был желать себе смерти, подобно жалким бессмертным острова Лапута из «Путешествия Гулливера».

Когда патриархальная семья создала новые нравы и новый образ мыслей, ее члены, за исключением отца, свыклись с идеей отсутствия у них души и примирились с тем, что они только смертные, — как говорят Гесиод и Эсхил. Число лиц, лишенных души, было значительно, ибо патриархальная семья состоит не только из законной жены, кон-

кубин и детей отца, но еще из семей его дядей, его братьев и его сыновей. Эти смертные люди не могли освободиться из-под власти отца семейства, потому что не могли зажечь нового семейного очага. Зевс отказался передать им священный огонь. Прометей, доставив им головню, похищенную из «источника огня», дал им право стать отцами семейств и обладать бессмертной душой. «Я, — говорит он океанидам, — я дерзнул, я освободил смертных, я помешал им отправиться в Гадес и превратиться в ничто» («Прометей», 239—240). «Я, по крайней мере, помешал смертным предвидеть смерть», т. е. верить в то, что они совсем умрут[1]. Каким образом? — спрашивают они. «Я вложил в них дерзкие надежды... Я дал им огонь», — который позволил им стать отцами семейств. «Я сделал людей разумными и господами своей собственной воли, их, которые прежде были подобно младенцам — nepious. Они имели глаза и не видели, они имели уши и не слышали» (там же, 252—255 и 444—448). Эсхил пользуется тем же словом nepios, которое употребляет Гесиод, чтобы охарактеризовать малодушие мужчины перед лицом матери; смертные по отношению к отцу были безвольными детьми: они должны были смотреть лишь его глазами и слушать только его ушами.

«Илиада» не знает Прометея; однакоже первая часть мифа состоит из событий, происшедших на заре патриархата; и эта поэма о героях патриархальной семьи относится как раз к той же эпохе, потому что, когда ее воины перечисляют свою родословную, они приходят — после трех или четырех человеческих предков — к богу, т. е. к неизвестному или не вполне установленному отцу, т. е. упираются в эпоху, когда происхождение считалось по матери. Вторая часть, — похищение огня и миф о Пандоре, являющийся ее эпилогом, — могла быть создана только в то время, когда патриархальная семья под давлением экономического развития вступает в период своего распада; когда многочисленные семьи, поставленные под власть отца, стали добиваться раздела семейного имущества и образования независимых семейств. Гесиод и Эсхил принадлежат к этой эпохе.

Гесиод и его отец, прибывшие в Аскру из Кум по торговым делам, были для городов Беотии, в которой они жили, чужестранцами; подобно ремесленникам и купцам, они не

---

[1] Другая легенда, сообщаемая, кажется, Сервием, говорит, что благодаря советам Прометея Девкалион спасся от смерти.

обладали правами гражданства и не могли вследствие этого стать земельными собственниками и устроить свою семью по образцу патриархальной семьи, покоящейся на неотчуждаемом владении землей. Лица промышленного и торгового класса рассматривались как чужестранцы даже в городах, где производили и промышляли в течение ряда поколений; они жили за бортом патриархата и находились в оппозиции к его аристократической организации, которая угнетала их. Они сохраняли представления о происхождении богов и те традиции, которые пыталась подавить религия патриархата. Вот почему в гесиодовских поэмах встречаются легенды, о которых уже не упоминается в гомеровских.

Эсхилу, гражданину Элевсина и одному из посвященных в мистерии Деметры, — он обвинялся в разоблачении их тайн, — были известны воспоминания о матриархальной эпохе, которые жрицы хранили и объясняли посвященным. Воззвание Прометея к «божественному Эфиру, который струит общий для всех свет» («Прометей, ст. 88 и 1082), как кажется, доказывает, что, подобно другим философам и поэтам своего времени, Эсхил был членом секты орфиков, которая ввела метафизическое понятие божества. Культ матриархальных богинь, — который во избежание преследования раньше ушел в подполье, — теперь утвердился при свете дня и вступил в открытую борьбу с официальной религией патриархата; а боги, подвергшиеся нападкам и осмеянию, падали все больше и больше в общественном мнении, лишавшем их своего уважения. Эсхил жестоко нападает на Зевса, «тирана Олимпа», и на выскочек — «новых богов». Гесиод питал к ним не больше уважения, но звание чужестранца обязывало его к осторожности; если он делал отца богов и людей посмешищем Олимпа за его жадность и несообразительность, то ему кажется, что он должен смягчить свою сатиру, говоря о его «имеющих непреходящее значение советах»; он говорит, что Зевс разоблачил западню, устроенную ему Прометеем, западню, в которую он тем не менее попался. Конечно, Эсхил мог себе позволить больше свободы по отношению к патриархальным богам, не только потому, что пользовался правами гражданства, но еще и потому, что в его эпоху разложение патриархальной семьи двинулось вперед по сравнению с временем Гесиода.

В то время как патриархальная семья разлагалась, а боги ее лишались уважения, — древние богини возрождались к новой жизни, воскресала вера в душу и в ее бессмертие.

И именно потому, что многочисленные мистерии первобытных богинь, — которые исподволь повсюду вновь появлялись на белый свет, — сохранили идею души, они именно поэтому и стали популярными и подготовили путь для христианства. Возрождение идеи души проявилось в той форме, которую она приняла у первобытного человека: душа была двойником, духом, который по своему желанию мог покинуть тело и опять соединиться с ним. Так, пифагореец Гермотим, — должно быть, современник Эсхила, — по свидетельству Аристотеля, еще до Анаксагора утверждал, что разум — nous — был «причиной всего». Гермотим уверял, что его душа покидала его для дальних странствий в поисках за новостями; его враги, с целью положить конец этому бродяжничеству, сожгли его тело во время одной из таких прогулок. Лукреций повторяет объяснение явлений сна, придуманное первобытным человеком: «когда члены уступают сладкому изнеможению сна, — говорит он, — а простертое, тяжелое и неподвижное тело отдыхает, в это время в нас находится другое я — est aliquid tamen in nobis, — волнуемое тысячью побуждений» («О природе вещей», VII, 113—114). Первые христиане имели такое же представление о душе. Мертвые спят, — говорит святой Павел («Первое послание к коринфянам», XV); они проснутся, когда души вернутся в их трупы. Тертуллиан («Аполог.», § 42) сообщает, что богатые христиане, подобно египтянам, завещали бальзамировать свои трупы, чтобы сохранить для души ее жилище в возможно лучшем состоянии. А святой Августин, не колеблясь, заимствует у язычников аргументы, чтобы доказать воскресение мертвых; он сообщает, что Лабеон, юрист времен Августа, рассказывал, что души двух лиц, умерших в один и тот же день, получили приказ вернуться к своим трупам, которые вследствие этого воскресли («Град божий», XXII, 28).

В эпоху, когда создавалась вторая часть мифа о Прометее, только отцы семейств могли обладать душой; а для того, чтобы иметь право зажечь семейный очаг, необходимо было, согласно религиозной идеологии, обладать головней священного огня, взятой из источника огня. Прометей, доставляя смертным головню из очага Олимпа, «источника огня», этим самым подарил им душу, утерянную ими с тех пор, как они стали жить под строем патриархальной семьи.

Прометей сделал этот дар только мужчинам; женщины, как и в прошлом, продолжали оставаться без души. Языческая древность никогда не признавала у женщин души.

разве только у тех, кто был посвящен в мистерии богинь. Первые христиане, несмотря на роль, которую играли женщины в пропаганде христианской веры, долго колебались, прежде чем одарить их душой. Святой Августин в «Граде божием» долго и серьезно обсуждает этот вопрос, так занимавший христиан его времени.

РЕЛИГИЯ КАПИТАЛА

1. ЛОНДОНСКИЙ КОНГРЕСС

Успехи социализма сеют тревогу среди имущих классов Европы и Америки. Несколько месяцев тому назад со всех концов цивилизованного мира съехались в Лондон люди, чтобы сообща изыскать наиболее действительные средства к приостановлению грозного нашествия социалистических идей. Среди представителей английской крупной буржуазии находились лорд Сольсбери, Чемберлен, Сэмюэль Морлей, лорд Рандольф Черчиль, Герберт Спенсер, кардинал Маннинг. Князь Бисмарк, задержанный алкогольным кризисом, послал вместо себя своего ближайшего советника еврея Блейхредера. Крупные промышленники и финансисы обеих частей света — Вандербильт, Ротшильд, Гульд, Субейран, Крупп, Дольфус, Дитц-Монен, Шнейдер — присутствовали собственными особами или же были представлены доверенными людьми. Никогда еще не видно было такого братского единодушия между людьми столь различных национальностей и убеждений. Поль Бер сидел рядом с монсиньором Фреппелем, Гладстон пожимал руку Парнеллю, Клемансо беседовал с Ферри, а Мольтке дружески обсуждал с Деруледом и Рейнаком возможности новой войны между Германией и Францией.

Пред лицом собравшего их дела не было места чувству личного озлобления, политическим разногласиям и патриотическому соревнованию.

Первым взял слово папский легат:

— Людьми управляют то при помощи грубой силы, то с помощью силы разума. В прежние времена религия была магической силой, господствовавшей над сознанием человека. Она проповедывала работнику покорность и подчине-

ние, учила пренебрегать действительностью ради призраков, учила терпеливо переносить земные страдания в ожидании небесных благ... Но социализм, злой гений современности, изгоняет веру из сердец обездоленных, занимая ее место. Он возвещает им, что счастье не на том свете, — он обещает им создать рай на земле. Он взывает к наемному рабочему: «Тебя грабят. Восстань, возмутись!» Он подготовляет рабочие массы, некогда столь покорные, к всеобщему восстанию, которое разрушит цивилизованное общество, уничтожив привилегированные классы, упразднив семью, отняв у богатых их богатства, чтобы отдать их неимущим, поправ искусства и религию, ввергнув мир в мрак варварства... Как сокрушить врага всякой цивилизации и всякого прогресса? Какое оружие выдвинуть против социализма? Князь Бисмарк, — повелитель Европы, Навуходоносор, одолевший Данию, Францию и Австрию, — побежден какими-то сапожниками-социалистами. В 1848 и 1871 гг. консерваторы во Франции уложили больше социалистов, чем в Варфоломеевскую ночь было убито еретиков. И кровь этих гигантских боен по всей стране оплодотворила почву, на которой социализм разросся пышным цветом. После каждой бойни социализм возрождается с новой силой... Это чудовище все переносит. Что делать?

Присутствовавшие на заседании философы и ученые — Поль Бер, Геккель, Герберт Спенсер — поднимались один за другим и предлагали обуздать социализм силою науки.

Монсиньор Фреппель пожал плечами:

— Ваша же окаянная наука доставляет социалистам их наиболее неопровержимые аргументы.

— Вам непонятна та натуралистическая философия, которую мы проповедуем, — возразил Г. Спенсер. — Наша научная теория эволюции доказывает, что низшее социальное положение рабочих столь же неизбежное явление, как падение тел, что оно необходимое следствие имманентных и неизменных законов природы. Мы доказываем, что привилегированные представители высших классов — наиболее одаренные, наилучше приспособленные к жизни люди, что они беспрерывно совершенствуются и в конце концов образуют новую породу людей, ни в чем не сходных с человекоподобными скотами низших классов, которыми можно управлять не иначе, как только с бичом в руках [1].

---

[1] Мы чрезвычайно сожалеем, что недостаток места заставляет нас ограничиться кратким изложением замечательных речей, произнесенных на этом съезде, объединившем светила науки, религии, филосо-

— Дай бог, чтобы ваши эволюционистские теории никогда не дошли до рабочих масс; они привели бы их в состояние неистовства, ввергли бы в отчаяние — этот возбудитель народных восстаний, — прервал Спенсера Шнейдер. — Ваша вера поистине слепа, господа ученые трансформисты. Как можете вы думать, что вашу сухую, лишенную всяких иллюзий науку можно противопоставлять увлекательным призракам социализма, общности имуществ, свободному развитию способностей, всему тому, чем социалисты восхищают взоры рабочих масс! Если мы хотим остаться привилегированным классом, если мы желаем продолжать жить за счет тех, кто трудится, — необходимо развлекать воображение скотских народных масс легендами и сказками о потустороннем мире. Христианская религия великолепно исполняла эту роль; вы, господа свободомыслящие, лишили ее этого обаяния.

— Вы совершенно правильно заметили, что ваша религия теряет свой престиж, — грубо прервал его Поль Бер, — и с каждым днем все больше и больше теряет под собой почву. И если бы мы, свободомыслящие, на которых вы так неосновательно нападаете в угоду этим ротозеям, не поддерживали тайно духовенство, делая вид, что боремся с ним, если бы мы каждый год не голосовали за бюджет вероисповеданий,—о, как бы вы, монсиньор Фреппель, и все кюре, пасторы, раввины святой лавочки подыхали с голоду! Пусть только отменят жалованье духовенству, — и вера угаснет... Но так как я свободомыслящий, так как я одинаково смеюсь и над вашим богом, и над дьяволом, так как я верю в себя самого и в те физические и интеллектуальные наслаждения, которые я вкушаю, то поэтому я и признаю необходимость религии, дурачащей, как вы заявляете, воображение эксплоатируемой человеческой скотинки. Нужно, чтобы рабочие верили, что нищета есть та золотая монета, за которую покупается небесное блаженство, и что господь бог ниспосылает им бедность лишь для того, чтобы предоставить им в воздаяние царство небесное. О, я очень религиозен... для других. Но, чорт возьми, зачем вы

фии, финансов, торговли и промышленности. Мы отсылаем читателя к статье, в которой методами управления низшими классами г. Спенсер провозглашает одиночное тюремное заключение и кнут. Статья эта под названием «The coming slavery» («Грядущее рабство») появилась в апрельском номере «Contemporary review». Коммунизм и есть то рабство, которое предсказывает нам знаменитый буржуазный философ.

сочинили такую до смешного глупую религию? При всем своем желании не могу же я признать, что я верю в то, будто голубь спал с девственницей и что из этого отвергаемого моралью и физиологией союза родился агнец, превратившийся в обрезанного иудея.

— Ваша религия не согласуется с грамматическими правилами, — присовокупил Менар-Дориан, который желает прослыть пуристом. — Единый бог в трех лицах осужден постоянно употреблять варваризмы вроде: «я думаем, я сморкаемся, я утираемся».

— Господа, мы собрались здесь вовсе не для того, чтобы спорить о догматах католической веры, — мягко вмешался кардинал Маннинг, — а затем, чтобы обсудить вопрос о надвигающейся на нас социальной опасности. Вы можете, переиздав Вольтера, вдоволь насмеяться над религией, и все же вы не помешаете ей остаться единственной моральной уздой для вожделений и страстей низших классов.

— Человек — животное религиозное, — поучительным тоном заявил папа позитивизма Пьер Лафит. — В религии Огюста Конта нет ни агнцев, ни голубей, и хотя бог наш не покрыт ни перьями, ни шерстью, — он все же бог позитивный.

— Ваш бог — человечество, — возразил Гексли, — менее реален, чем русокудрый Иисус. Религия нашего века представляет собою социальную опасность. Спросите у Гирса, с улыбкой внимающего нам, не заражены ли коммунизмом все секты новейших формаций как в России, так и в Соединенных Штатах? Я допускаю необходимость религии, но я не могу не признать, что христианство, пригодное еще для папуасов и австралийских дикарей, немного устарело для Европы. Если нам нужна новая религия, то приложим все старания к тому, чтобы она не была плагиатом католицизма и чтобы в ней не было ни малейшего следа социализма.

— А почему бы, — прервал его Маре, в восторге от возможности вставить словечко, — почему бы не заменить нам богословские добродетели Веру, Надежду, Любовь добродетелями либеральными—Свободой, Равенством и Братством?

— И Родиной, — заключил Дерулед.

— Эти либеральные добродетели являются поистине чудесной религиозной находкой новейшего времени, — подхватил де-Гирс. — Они оказали весьма важные услуги в Англии, во Франции, в Соединенных Штатах, — словом, повсюду, где ими пользовались для управления массами. Вы, господа западники, обучили нас искусству угнетать во имя

Свободы, эксплоатировать во имя Равенства и расстреливать во имя Братства. Вы — наши учителя. Но этих трех добродетелей буржуазного либерализма недостаточно, чтобы основать религию; самое большее это полубоги, нужно еще найти верховного бога.

— Единственная религия, которая в состоянии отвечать потребностям момента, это — религия Капитала, — энергично провозгласил великий английский статистик Гиффен. — Капитал — реальный бог, вездесущий, проявляющийся во всех формах; он — и сверкающее золото, и зловонное удобрение, он — и стадо баранов, и кладь кофейных зерен, он — и склад священных библий, и пачки порнографических гравюр, он — и гигантские машины, и кипы английских непромокаемых плащей. Капитал — бог, которого каждый знает, видит, осязает, обоняет, вкушает; его воспринимают все наши органы чувств. Это единственный бог, который еще не сталкивался ни с одним атеистом. Соломон обожал его, несмотря на то, что для него все было суета сует. Шопенгауэр находил в нем упоительное очарование, хотя все представлялось ему сплошным разочарованием. Гартман—философ бессознательного—один из его сознательных поклонников. Все прочие религии — это лишь слова; в глубине человеческого сердца царит вера в капитал.

Блейхредер, Ротшильд, Вандербильт, Бонту, все христиане и иудеи желтого Интернационала хлопали в ладоши и вопили:

— Гиффен прав. Капитал — бог, единый живой бог.

Когда иудейский энтузиазм несколько улегся, Гиффен продолжал:

— Для одних явление его полно ужаса, для других — нежно, как любовь молодой матери. Когда капитал набрасывается на какую-нибудь страну, он проносится по ней подобно циклону, дробя и размалывая в порошок людей, животных, вещи. Когда европейский капитал ринулся на Египет, он захватил в свои руки феллахов, оторвал их от земли с их волами, возами и лопатами и перенес их на Суэцкий перешеек. Железной лапой согнул их над работой, и солнце жгло их, лихорадка трясла их, голод и жажда мучили их. Тридцать тысяч человек покрыли своими костьми прибрежье канала. Капитал хватает людей молодыми и сильными, гибкими и здоровыми, свободными и жизнерадостными; тысячами заточает их на фабриках, заводах и шахтах; там пожирает он их, как печь пожирает уголь, сливает в одно их плоть и кровь с углем, с ткацким челноком, со

сталью машин и жизненную энергию их переливает в бездушную материю. Когда он их отпускает, они изношены, разбиты, состарились до срока, это — ни на что неспособные скелеты, добиваемые анемией, цынгой и чахоткой. Человеческое воображение, столь плодовитое в измышлении ужасающих чудовищ, было бы неспособно сотворить столь жестокого, столь страшного, столь могущественного в зле бога. Но как благостен, предупредителен и милостив он к избранникам своим! Нет на земле достаточно наслаждений для привилегированных избранников Капитала. Он иссушает мозг пролетария, заставляя его придумывать новые удовольствия, изготовлять неведомые доселе яства для возбуждения их пресыщенных аппетитов; он доставляет им невинных девочек, чтобы возбудить истощенную страсть. Он поставляет им в полную собственность мертвую природу и живые создания.

Потрясенные светом открывшейся истины, присутствующие затопали ногами и завопили:

— Капитал — бог!

— Капитал не знает ни отечества, ни границ, ни окраски, ни рас, ни возраста, ни пола. Он бог интернациональный, бог универсальный, он подчинит своему закону всех сынов рода человеческого! — воскликнул папский легат в порыве божественного экстаза. — Сотрем с лица земли все религии прошлого, забудем национальную ненависть, религиозные распри, объединимся душой и сердцем, чтобы формулировать догматы новой религии, религии Капитала.

***

Лондонский конгресс будет отмечен историей в такой же мере, как и вселенские соборы, вырабатывавшие догматы католической церкви. Он заседал в течение двух недель. Была избрана комиссия из представителей всех национальностей, которой поручено было составить протоколы и свести в цельную систему высказанные взгляды и мнения. Нам удалось раздобыть некоторые плоды трудов этой комиссии, которые мы и публикуем в предлагаемом отчете.

2. КАТЕХИЗИС ТРУДЯЩИХСЯ

Вопрос. — Как тебя зовут?

Ответ. — Наемный рабочий.

В. — Кто твои родители?

О. — Мой отец был наемным рабочим, равно как мой

дед и прадед. Но отцы моих прадедов были крепостными и рабами. Имя моей матери — Бедность.

В. — Откуда пришел ты и куда ты идешь?

О. — Я вышел из бедности и направляюсь к нищете. Путь мой лежит через больницу, где моим телом будут пользоваться для применения новых медикаментов и где я оуду объектом изучения для тех врачей, которые лечат привилегированных представителей капитала.

В. — Где ты родился?

О. — В мансарде, под самой крышей дома, который строили мой отец и его товарищи по работе.

В. — Какую религию ты исповедуешь?

О. — Религию Капитала.

В. — Какие обязанности налагает на тебя религия Капитала?

О. — Два основных долга: долг отречения от своих прав и долг труда. Моя религия повелевает мне отречься от прав собственности на землю — нашу общую кормилицу, на богатства ее недр, на плодоносную мощь ее почвы, на таинственное плодородие ее от тепла и солнечного света. Моя религия повелевает мне отречься от прав собственности на продукты труда моих рук и моего мозга; она повелевает мне еще отречься от прав собственности на мою собственную личность. Как только я переступаю порог мастерской, я перестаю принадлежать себе, я — вещь моего хозяина.

Моя религия повелевает мне работать с раннего детства до самой смерти, работать при свете солнца и при свете газа, работать днем и ночью, работать на земле, под землей, на море, работать везде и всегда.

В. — Налагает она на тебя еще другие обязанности?

О. — Да, поститься весь год, жить одними лишениями, утоляя голод лишь наполовину, ограничивать все потребности моей плоти, подавлять всякий порыв моей души.

В. — Воспрещает ли она тебе употреблять в пищу какие-нибудь продукты?

О. — Она воспрещает мне дотрагиваться до дичи, птиц, говядины первого, второго и третьего сорта, есть семгу, омары и вкусную рыбу; она запрещает мне пить натуральное вино, виноградную водку и молоко в том виде, в каком оно выходит из вымени коровы.

В. — Какие обязанности возлагает она на тебя по отношению к себе самому?

О. — Урезывать мои расходы, жить в грязи и мерзости, носить изодранную, поношенную, заплатанную одежду, но-

сить ее до тех пор, пока она не превращается в лохмотья, ходить без чулок, в дырявых башмаках, пропускающих грязную и ледяную уличную воду.

В. — Каковы твои обязанности по отношению к твоей семье?

О. — Запрещать моей жене и моим дочерям всякое кокетство, всякое изящество, всякую утонченность: одевать их в самые дешевые ткани и одевать ровно настолько, чтобы не смущать стыдливость городовых; приучать их к тому, чтобы они не лязгали зубами зимой под ситцевой одеждой и не задыхались летом на душных чердаках; вдалбливать в головы моих детей священный принцип труда, дабы с раннего детства они могли зарабатывать себе средства к существованию и не были бременем для общества; учить их ложиться спать без ужина и в темноте и приучать их к нищете, которая является их жизненным уделом.

В. — Какие обязанности налагает на тебя твоя религия по отношению к обществу?

О. — Обязанность умножать общественное достояние, — сперва моим трудом, а потом моими сбережениями.

В. — Как велит она тебе распоряжаться своими сбережениями?

О. — Отдавать их в государственные сберегательные кассы, чтобы ими можно было покрывать дефицит в бюджете [1], либо доверять их обществам, основанным филантропами из финансистов, чтобы они отдавали их взаймы нашим хозяевам. Мы всегда должны отдавать наши сбережения в распоряжение наших хозяев.

В. — Разрешает ли тебе твоя религия брать обратно из сберегательных касс твои сбережения?

О. — По возможности реже. Она предписывает нам не настаивать, когда государство отказывает в обратной выда-

---

[1] Катехизис намекает здесь на факты, которые имеют место во Франции, но которые составители катехизиса несомненно желали бы распространить и на другие страны. Деньги, внесенные в сберегательные кассы, употреблялись на покрытие неконсолидированных текущих долгов, достигавших 1 миллиарда 200 миллионов франков. Каждый год превышения поступлений в сберегательные кассы над выдачами употребляются, как говорит катехизис, на покрытие бюджетного дефицита. Г. Леруа-Болье указывал на опасность такого положения вещей, так как государство могло бы оказаться банкротом, если бы вкладчики затребовали свои вклады.

Отмечаю, кстати, поистине интернациональный характер капиталистического катехизиса, формулирующего права и обязанности пролетариев без различия стран и национальностей.

че наших вкладов[1], и не роптать, когда филантропы из финансистов, предупреждая наши требования, заявляют нам, что наши сбережения рассеялись, как дым.

В. — Имеешь ли ты политические права?

О. — Капитал предоставляет мне невинное развлечение — избирать законодателей, которые вырабатывают законы для нашего порабощения; но он запрещает нам заниматься политикой и прислушиваться к голосу социалистов.

В. — Почему?

О. — Потому что политика — привилегия хозяев, потому что социалисты — жулики, обманывающие и грабящие нас. Они говорят, что тот, кто не работает, не должен есть; что все принадлежит наемным рабочим, потому что они все производят; что хозяин — паразит, которого нужно изничтожить. Священная религия капитала, наоборот, учит, что именно мотовство богатых создает необходимость работы, дающей нам средства к существованию; что богатые содержат бедных; что если бы не было богатых, бедные погибли бы. Она учит нас также не быть простаками и перестать верить в то, что наши жены и дочери, не желающие рядиться ни во что иное, кроме дешевенького ситца, сумели бы носить те шелка и бархат, которые они сами ткут, и что мы, приученные к тухлой пище и фальсифицированным напиткам, оказались бы способными пить натуральное вино и питаться тонкими и вкусными яствами.

В. — Кто твой бог?

О. — Капитал.

В. — Извечен ли он?

О. — Наши мудрейшие жрецы, официальные экономисты, утверждают, что он существует с тех пор, как существует мир. Но так как в ту пору он был еще очень юн, то вместо него и именем его царствовали Юпитер, Иегова, Иисус и прочие лжебоги. Приблизительно же с 1500 г. начинает он расти и все увеличивается и в размерах, и в могуществе своем. Ныне он господствует над всем миром.

В. — Твой бог всесилен?

О. — Да. Обладание им дает все блага земли. Когда он отворачивает свой лик от какой-нибудь семьи или от народа, они прозябают в нищете и страданиях. Могущество бога-Капитала растет по мере возрастания его размеров. С каж-

---

[1] Подобный факт имел уже место в 1848 и в 1871 гг. Авторы, предвидя, что он еще раз повторится, хотят подготовить к этому вкладчиков-рабочих.

дым днем он овладевает новыми странами, с каждым днем он умножает стадо наемных рабочих, которые всю свою жизнь отдают на то, чтобы увеличивать его размеры.

В. — Кто избранники бога-Капитала?

О. — Хозяева, капиталисты, рантье.

В. — Чем Капитал, твой бог, воздаст тебе?

О. — Заставляя всегда и постоянно работать меня, мою жену и моих крохотных детей.

В. — И это твоя единственная награда?

О. — Нет. Господь разрешает нам утолять голод, пожирая глазами выставленные напоказ аппетитные яства, которых мы никогда не пробовали, которых мы никогда в жизни не будем касаться и которыми питаются его избранники и жрецы. Благость его разрешает нам обогревать закоченевшие от холода члены созерцанием теплых мехов и толстого сукна, в которые укутываются его избранники и жрецы. Он дарует нам еще утонченное наслаждение, радуя наш взор созерцанием того, как прогуливается перед нами в экипажах по бульварам и площадям святое племя жирных, брюхатых, лоснящихся, подагрических капиталистов и рантье, окруженных сворой наряженных в ливреи лакеев и напудренных и размалеванных кокоток. И нас преисполняет тогда гордостью сознание, что если эти избранники наслаждаются роскошью, которой мы лишены, то роскошь эта создана нашими руками и нашим мозгом.

В. — Что же, эти избранники не той же породы людей, что и ты?

О. — Капиталисты сделаны из той же плоти и крови, что и наемные рабочие, но они отобраны среди тысяч миллионов себе подобных.

В. — Что сделали они, чтобы заслужить такое возвеличение?

О. — Ничего. Бог являет свое всемогущество, изливая милость свою на тех, кто ее ничем не заслужил.

В. — Капитал, стало быть, несправедлив?

О. — Капитал — сама справедливость, но его справедливость выше нашего разумения. Если бы Капитал был вынужден изливать свою благодать на тех, кто ее заслуживает,— это означало бы, что он не свободен, что его могущество ограничено. Утверждать свое всемогущество Капитал может, только отбирая своих избранников из множества бездарностей, лентяев и тунеядцев.

В. — Как карает тебя твой бог?

О. — Обрекая меня на безработицу. Тогда я выброшен из

рядов общества, меня лишают хлеба, вина и огня. Мы с женою и детьми обречены на голодную смерть.

В. — Какие проступки ты должен совершить, чтобы заслужить отлучение от работы?

О. — Никаких. Капитал по своему произволению объявляет безработицу, и наше слабое разумение не в состоянии постичь причину его желания.

В. — Какие у тебя молитвы?

О. — Я не молюсь словами. Труд — вот моя молитва. Всякая словесная молитва нарушила бы мою действительную молитву, — труд, — единственно угодную, ибо она единственно полезная, единственно прибыльная Капиталу, единственная, которая создает прибавочную стоимость.

В. — Где молишься ты?

О. — Повсюду — на море, на земле и под землей, на полях и рудниках, в мастерских и в лавках.

Чтобы молитва наша была услышана и удостоена богом, мы должны сложить к стопам Капитала нашу волю, нашу свободу и наше достоинство.

По звону колокола, по гудку машины мы все должны прибегать на места и, приступив к молитве, должны, как автоматы, двигать руками и ногами, пыхтеть и обливаться потом, напрягать мускулы, изнурять нервы.

Мы должны быть смиренны духом, переносить с покорностью нападки и брань хозяина и его надсмотрщиков, ибо они всегда правы, даже когда кажутся нам виноватыми.

Мы должны благодарить хозяина, когда он урезывает нам заработную плату и удлиняет рабочий день, ибо все, что он делает, справедливо и на благо нам. Мы должны почитать за честь, когда хозяин и его надсмотрщики ласкают наших жен и дочерей, ибо наш бог, Капитал, предоставляет им право на жизнь и смерть их наемных рабочих, как и право на обладание их работницами.

Все страдания должны мы сносить: есть покрытый плевками хлеб, пить грязную воду, но ни одна жалоба не должна закипать в нашей груди, никогда не должны мы дерзать объявлять забастовку, никогда не должны отваживаться на бунт, ибо для расправы за нашу дерзость Капитал вооружил хозяев пушками, штыками, тюрьмами, каторгой, гильотиной и солдатами для расстрелов.

В. — Ждет тебя после смерти награда?

О. — Да, очень большая. После моей смерти Капитал даст мне возможность успокоиться и отдохнуть. Я не буду больше страдать ни от голода, ни от холода. Мне не нужно бу-

дет заботиться о куске хлеба ни на сегодня, ни на завтра. Я буду наслаждаться вечным покоем могилы.

3. ПОУЧЕНИЕ КУРТИЗАНКИ

Переданная мне рукопись оказалась неполной; недостает первых трех листков. Повидимому, они заключали в себе обращение к богу-капиталу, защитнику всех презренных.

Так как в этом отчете я поставил себе за правило быть простым переписчиком, то я лишен возможности попытаться восстановить текст.

Заметки на полях рукописи дают основание предполагать, что составитель поучения, папский легат, пригласил к себе в сотрудники принца Уэльского, двух богатых промышленников, гг. Боннэ и Пуйе-Кертье, известных во всем мире своими шелками и хлопчатобумажными тканями, и знаменитую куртизанку Кору Пирл, через ложе которой прошли все международные прожигатели жизни высшего полета.

П. Л.

... Бредущие в сумерках жизни, руководимые мерцающими проблесками скудного разума высмеивают и поносят куртизанку. Они бесчестно пригвождают ее к позорному столбу своей морали, они хлещут ее своей показной добродетелью, возбуждают против нее возмущение и гнев: она-де—рабыня зла и царица злодеяний, она — жернов, выжимающий все скотское из человека; она развращает цветущую молодежь и оскверняет грязью серебряные пряди старости; она отнимает мужей у жен и своими алчущими ненасытными устами высасывает честь и состояние целых семейств.

О, сестры мои! Скотская ярость и низкая зависть горькой и грязной желчью заливает благородный облик куртизанки. А между тем, скоро минет девятнадцать веков, как Иисус из Назарета, последний из лжебогов, поднял из бездны человеческого бесславия Марию Магдалину и дал ей место среди святых и блаженных в великолепии своего рая.

До пришествия истинного бога, до пришествия Капитала все религии, боровшиеся друг с другом за господство на земле, все боги, что сменяли друг друга в человеческой голове, повелевали заточать супругу в гинекей, и только гетере разрешали вкушать плоды от дерева познания и свободы. Однако великая богиня Вавилона, Милитта-Анаита, «искусная волшебница», «пленительная блудница», предписывала толпе своих верных воздавать ей хвалу путем проституции. Когда Будда, человек-бог, приходил в Везали, он

поселялся в доме начальницы священных проституток, перед которой в церемониальном облачении склонялись жрецы и городские власти. Даже Иегова, этот мрачный бог, отвел в своем храме место куртизанкам[1].

Просветленные верой, люди первобытных обществ обожествляли куртизанку. Она была для них символом извечной силы природы, созидающей и разрушающей.

Отцы католической церкви, в течение веков забавлявшей своими легендами наивное человечество, черпали божественное вдохновение в обществе куртизанок. Когда папа созывал соборы своих священников и епископов для обсуждения какого-нибудь догмата веры, куртизанки всего христианского мира, направляемые перстом господним, сбегались в города, где заседали соборы. Они приносили в складках своих юбок дух святой; они просветляли умы ученых мужей. Бог христиан наделил царственную блудницу Феодору властью возводить на престол и низлагать непогрешимых пап.

Капитал, господь наш, вознес куртизанку на еще большую высоту. Не дряхлыми папами командует она теперь, а тысячами молодых и сильных рабочих, владеющих всеми искусствами и всеми ремеслами: они ткут, в зимнюю стужу взращивают весенние цветы и осенние плоды, воздвигают дворцы, украшают стены, разрисовывают холсты, высекают из мрамора фигуры, пишут драмы и романы, сочиняют оперы, поют, играют, пляшут, — все для того, чтобы заполнять досуг куртизанки и исполнять ее капризы. Никогда ни Семирамида, ни Клеопатра, эти могущественнейшие из цариц, не имели в своем услужении такой многочисленной рати работников, обученных всем ремеслам, искусных во всех видах искусств.

Куртизанка—краса капиталистической цивилизации. Пусть перестанет она украшать собой общество — и иссякнет последняя капля радости, еще оставшаяся в этом опечаленном и скучном мире; драгоценности, самоцветные камни, серебром и золотом затканные ткани станут бесполезными, как погремушки; роскошь и искусства, эти дети любви и красоты, покажутся нелепыми и пошлыми; потеряет всякую цен-

---

[1] Папский легат намекает на следующий стих из Ветхого завета: «И разрушил он (Иосия) дома блудилишные, которые были при храме господнем, где женщины ткали одежды для Астарты» (Четвертая книга царств, глава XXIII, стих 7). В храме Милитты блудницы Вавилона имели подобные часовни, в которых они выполняли свои священные обязанности.

ность половина человеческого труда. Но до тех пор, пока будут продавать и покупать, пока Капитал будет властелином совести и судьею пороков и добродетелей, товар-любовь будет наиболее ценным товаром, и избранники Капитала будут утолять свои сердца из ледяной чаши размалеванных губ куртизанки.

Если бы разум не одурачил человека, если бы вера раскрыла двери его разумения, он понял бы, что куртизанка, впитывающая в себя сладострастие богатых и сильных мира сего, является одной из движущих сил бога-Капитала в деле сотрясения народов и преобразования человеческих обществ.

В мрачную эпоху средневековья, когда Капитал, господь наш, подобно младенцу, неслышно трепещущему в чреве женщины, таинственно рождался в глубинах экономических процессов, когда ни один пророческий голос не предвещал еще его появления, когда душа человеческая, не учуявшая прихода нового бога, еще не содрогалась в радости, — даже тогда Капитал начинал уже направлять человеческие поступки. Он зажег души европейских христиан неистовым порывом, ринувшим их на пути в Азию толпами более сплоченными, нежели муравьиные массы.

В те времена людьми правили грубые феодальные сеньеры, замкнутые в свои панцыри, как омары в свои щиты; они питались жирным мясом, пили крепкие вина, не знали лучшего удовольствия, чем ловкий удар копья, знали единственную роскошь — хорошо закаленную саблю. Чтобы расшевелить этих скотов, богу пришлось спуститься до уровня их понимания, более тугого, чем свинец; он внушил им мысль о крестовом походе в Палестину для освобождения камней никогда не существовавшей гробницы. Бог пожелал привести к их ногам куртизанок Востока, опьянить их роскошью и наслаждениями, поселить в их сердца божественную страсть — любовь к золоту. Когда они вернулись в свои мрачные замки, где ухали совы, с еще яркими воспоминаниями о золоте и пурпуре празднеств, об аромате арабских духов и нежных ласках выбритых куртизанок, им стали противны их неуклюжие и косматые самки, умевшие только прясть и рожать детей. Они устыдились своего варварства и, подобно молодой матери, приготовляющей заранее колыбель для своего будущего ребенка, они построили города на побережьи Средиземного моря и основали герцогские и королевские дворы Европы в ожидании пришествия Капитала, господа своего.

Воистину говорю вам, куртизанка более угодна богу нашему, чем финансисту — деньги акционера. Она — его возлюбленная дочь; больше всех женщин покорна она воле его. Куртизанка торгует тем, чего нельзя ни взвешивать, ни измерять, — нематериальной вещью, не поддающейся власти священных законов обмена. Она продает любовь, как лавочник продает мыло и свечи, как поэт продает в розницу свой идеал. Но, продавая любовь, куртизанка продает себя; она превращает женский пол в стоимость, ее пол приобщается к свойствам нашего бога, он — Капитал. В куртизанке воплощается бог.

О, поэты, драматурги, романисты, вы, более наивные, чем пасущиеся на лугах телята, вы, поносящие куртизанку за то, что она отдает свое тело только за наличный расчет, вы, влачащие ее по грязи за то, что она котирует свои ласки по высокой цене, — вы хотите, чтобы она профанировала свое тело, эту частицу бога, чтобы она сделала его более презренным, чем придорожные камни? Вы, моралисты, вы, представляющие собой свиной хлеб для откармливания пороков, — вы упрекаете ее в том, что она предпочитает блеск золота пылающему любовью сердцу. Тупоголовые философы, вы что же, принимаете куртизанку за ястреба, упивающегося трепещущею плотью? Вы все, задыхающиеся от скупости, неужели вы думаете, что куртизанка становится менее желанной оттого, что ее приходится покупать? А разве не покупается хлеб, насыщающий наше тело, разве не покупается вино, веселящее наше сердце? А совесть депутата, молитва священника, мужество солдата, знания инженера, честность кассира — разве не покупаются?

Бог-Капитал проклинает тех проституток, которые в страстном увлечении продаются за несколько франков или несколько су рабочим или солдатам. Более грозный, нежели чума, он терзает этих тварей, услаждающих бедняков, он отравляет ядом этих летучих мышей Венеры, он кидает их в лапы альфонсов, которые их бьют и обирают, он подвергает их, словно тухлое рыночное мясо, полицейскому осмотру.

Но куртизанка, на которой почиет разрешающая благодать бога-Капитала, затыкает себе уши, слыша ваши увещевания и смешные высокопарные слова, еще более бесплодные, чем крик гусей, которым выщипывают перья; она обволакивает свою душу полярным льдом, который не в силах растопить никакая любовная страсть. Ибо горе, трижды горе «Даме с камелиями», отдающейся, но не продаю-

щейся. Бог отворачивается от куртизанки, млеющей в любовном экстазе. Если сердце ее трепещет, если страсть воспламеняет ее, покупатель ее любви, сменяющий возлюбленного ее сердца, отвернется с досадой и расхоложенный, получив вместо свежего товара лишь вялое и изможденное тело.

Куртизанка облекается в броню влекущей холодности, дабы покупатели, покрывая горячими поцелуями ее фарфоровое бесстрастное тело, не могли помрачить его свежесть. В волнении собственной крови должны они черпать любовную страсть, а не в угаре ее ласк, не в огне ее объятий, ибо пока покупатель пожирает поцелуями проданное ею тело, она, трезвая и чуждая, должна мечтать о заработанных ею деньгах. Куртизанка обманывает тех, кто ее покупает. Она заставляет их оплачивать на вес золота те любовные наслаждения, которые они приносят в себе. И именно потому, что когда она продает любовь, продаваемого товара в действительности не существует, наш бог-Капитал, для которого фальсификация и обман — первые богословские добродетели, благословляет куртизанку.

Женщины, внемлющие мне, я раскрыл перед вами тайну загадочного бесстрастия куртизанки, холодной, как мрамор, куртизанки, которая целый класс избранников Капитала приглашает на пиршество своего тела и говорит им: «Берите, ешьте и пейте, — вот плоть моя, вот моя кровь!»

Верная супруга и добрая хозяйка, которую светские люди чтут на словах, но от которой всячески стараются увильнуть, оставляя ее томиться у семейного очага, изолирует мужчину от ему подобных, порождает и разжигает в его сердце ревность — эту противообщественную страсть, отравляющую кровь, заточает его в узкий семейный круг, замуровывает его в стенах семейного эгоизма. Куртизанка, наоборот, освобождает мужчину от ига семьи и страстей.

Деньги разъединяют людей, — куртизанка их сближает, объединяет. Таинственные узы связывают в ее будуаре людей, которых разделяют интересы, — узы неопределенные, но глубокие и неотвратимые: все они вкусили сладость одной и той же куртизанки, — все причащались у одного и того же алтаря.

Любовь, — эту дикую и грубую страсть, которая мутит рассудок и толкает человека к забвению и отказу от своих интересов, — куртизанка заменяет легким буржуазным и

удобным развратом, который, как зельтерская вода, искрится, но не опьяняет.

Куртизанка — дар бога-Капитала. Она посвящает его избранников в утонченный опыт роскоши и сладострастия; в ее объятиях они забывают своих законных супруг, скучных, как долгие осенние дожди. Когда их настигает старость, бороздя их лица морщинами и складками, когда пламя гаснет в глазах, когда члены их теряют гибкость, а дыхание — прежнюю нежность, когда в женщинах они способны вызывать одно лишь отвращение, куртизанка облегчает им бремя годов: на ее холодном теле, которое ничто не может оттолкнуть, они находят еще мимолетные, купленные ценой своего золота, наслаждения.

Более действенная, чем бродило в молодом вине, куртизанка с головокружительной быстротой приводит в движение огромные богатства. Самые прочные состояния она кидает в безумный вальс миллионов. Рудники, заводы, банки, государственная рента, виноградники и пахотные земли, — все это, попадая в ее руки, растворяется, течет меж пальцев и разливается по тысячам каналов торговли и промышленности. Рои червей, поедающих падаль, не столь многочисленны, как свора слуг, торговцев, фабрикантов, осаждающих ее. Они держат раскрытыми свои огромные зияющие карманы, чтобы подбирать золотой дождь, который падает, когда она вытряхивает свои платья. Образец самоотверженности, она разоряет своих любовников, чтобы обогащать обкрадывающих ее слуг и поставщиков.

Артисты и промышленники застыли бы в своей сытой посредственности, если бы куртизанка не заставляла их напрягать свой мозг, чтобы придумывать новые наслаждения, изобретать новые безделушки, ибо в ненасытной жажде новизны она, лишь только вступает в обладание предметом, тотчас же проникается к нему отвращением, и лишь только она начинает вкушать удовольствие, как тотчас же им пресыщается.

Машина, сокращающая человеческий труд, обрекла бы рабочих и работниц на безделье, мать всех пороков. Но куртизанка, возводя мотовство в степень социальной функции, увеличивает, по мере развития промышленной техники, свою роскошь и свои притязания, дабы окаянные пролетарии всегда были закабалены работой, источником всяческих добродетелей.

Куртизанка, пожирающая состояния, разоряющая и уничтожающая все, словно армия в походе, является предметом

обожания всех князей фабрики и прилавка. Она — ангел-хранитель, поддерживающий жизнь и мощь торговли и промышленности.

Мораль религии Капитала, более возвышенная и более чистая, нежели мораль всех прежних ложных религий, не провозглашает равенства людей, — одно лишь меньшинство, ничтожное меньшинство призвано вкушать милости Капитала. Фаллос уже не делает людей равными, как в первобытные времена. Куртизанка не должна подвергаться осквернению поцелуями простолюдинов и черни, ибо только для своих избранников предназначает бог-Капитал утонченные и драгоценные произведения природы и искусства.

Если куртизанка, богом хранимая на утеху богатым и могущественным, обречена приподнимать завесу, скрывающую общественное лицемерие, соприкасаться с глубинами человеческой гнусности и предельной мерзости, она зато живет в роскоши и разгуле. Аристократы и буржуа, почтенные и почитаемые, добиваются чести превратить госпожу, принадлежащую всем, в госпожу, принадлежащую одному. И иногда удается ей закончить серию своих безумных оргий благоразумным браком. В весну ее дней капиталисты кладут к ее стопам свои сердца, которые она отвергает, и свои сокровища, которые она расточает; артисты и литераторы порхают вокруг нее, осыпая ее лестью рабского и чувственного вожделения. На склоне лет, утомленная, разжиревшая, она закрывает свою лавочку и открывает салон, — и тогда почтенные мужчины и добродетельные женщины окружают ее своей дружбой и нежными заботами, воздавая хвалу ее богатству, добытому ее половым трудом.

Бог осыпает куртизанку своими милостями. Той, которую непредусмотрительная природа не наделила красотой и остроумием, она дает шик, лоск, аппетитность и задор, которые соблазняют и покоряют утонченную душу избранника Капитала.

Бог предохраняет ее от слабостей ее пола. Мачеха-природа обрекает женщину на тяжкий труд воспроизведения рода человеческого. Но острые боли, разлирающие чрево матерей, удел только жены и любовницы. Господь в благости своей избавляет куртизанку от зачатия, обезображивающего тело, от мук деторождения. Он дарует куртизанке бесплодие — эту желанную для многих милость. Любовница, жена должна молить деву Марию и обращать к ней пламенную мольбу женщины-прелюбодейки: «О, дева непорочная, ты, зачавшая без греха, дай мне возможность гре-

шить без зачатия». Куртизанка принадлежит к третьему полу, — простой женщине предоставляет она грязное и мучительное дело воспроизведения человеческого рода[1].

Случайно куртизанки вербуются среди низших слоев общества. Разве не позорно, не возмутительно, что занимающие столь высокое положение в свете имеют столь низкое происхождение?

Женщины, внемлющие мне, вы все принадлежите к высшим классам, — вспомните, что старая знать упрекала Людовика XV в том, что он брал своих наложниц из мещанской среды. Требуйте для себя, как одну из высших и драгоценнейших привилегий, право и честь поставлять куртизанок избранникам Капитала. Уже многие из вас, презирая скучные обязанности супруги, продаются, подобно куртизанкам; но они торгуют своим полом робко, лицемерно. Следуйте примеру почтенных матрон древнего Рима, которые выбирали у городских властей права на занятие ремеслом проститутки. Стряхните с себя, повергните в прах и растопчите ногами идиотские, устаревшие предрассудки, годные только для рабынь. Бог-Капитал несет в мир новую мораль. Он провозглашает догмат человеческой свободы: знайте, что свободу приобретают лишь с завоеванием права продаваться. Освобождайтесь, продавая себя, от супружеского рабства.

В капиталистическом обществе нет труда более почтенного, нежели труд проститутки. Посмотрите на труд работницы и сравните его с трудом куртизанки. По окончании долгого и монотонного трудового дня работница, жалкая, бледная и изможденная, держит в исхудалой руке жалкий заработок, едва-едва достаточный, чтобы не умереть с голоду. А куртизанка, радостная, как юная богиня, встает со своего ложа или с кушетки и, встряхивая надушенной шевелюрой, небрежно подсчитывает золото и банковые билеты. Ее работа не оставляет на теле ни следа усталости, ни пятнышка грязи. Она прополаскивает рот и, утирая губы, говорит с улыбкой: «теперь — к другому».

Вы, отрыгающие жвачку философы, жующие и пережевывающие устарелые заповеди древней морали, — скажите, какой труд угоднее нашему богу-Капиталу: труд работницы или труд куртизанки?

---

[1] Авторов поучения вдохновила мысль Огюста Конта. Основатель позитивизма предсказывал образование высшей породы женщин, которые будут избавлены от беременности и деторождения. Куртизанка воплощает, таким образом, идеал буржуазного философа.

Капитал знаменует свое уважение к товару в меру той цены, по которой он разрешает ему продаваться. Что же, святоши-моралисты, найдите в неисчислимом ряду человеческих занятий род труда, физического или умственного, который оплачивался бы так высоко, как половой труд. Познания ученого, мужество солдата, гений писателя, искусство рабочего, — разве оплачивались они когда-либо так, как оплачиваются поцелуи Коры Пирл?

Труд куртизанки — труд священный, который господь-Капитал вознаграждает выше всех остальных видов труда.

Любезные сестры мои, внемлите мне, внемлите, ибо господь бог глаголет устами моими.

Если вы настолько покинуты богом, что не гнушаетесь изнуряющего труда работницы, который обезображивает тело и убивает разум, не идите в проститутки.

Если вы мечтаете о животном прозябании домашней хозяйки, заточенной в своей семье и обреченной заботиться о грошевой экономии, не идите в проститутки.

Если вы, одинокие и покинутые, хотите томиться у супружеского очага, в то время как ваш муж прожигает ваше приданое с куртизанками, не идите в проститутки.

Но если дороги вам ваша свобода, ваше достоинство, ваша слава и ваше счастье на земле, становитесь проститутками.

Если в вашей душе слишком много гордости, чтобы без возмущения обречь себя на унижающий труд работницы или на притупляющую жизнь домашней хозяйки, становитесь проститутками.

Если вы жаждете быть царицами празднеств и наслаждений цивилизации, становитесь проститутками.

Да будет сия благодать ниспослана вам. Аминь.

4. ЕККЛЕЗИАСТ, ИЛИ КНИГА КАПИТАЛИСТА

Книга эта прошла через руки нескольких капиталистов, которые читали ее и сделали на ней свои пометки. Вот некоторые из них.

> Нет сомнения, что эти заповеди божественной мудрости будут дурно истолкованы невежественным умом наемных рабочих. Я того мнения, что их следовало бы перевести на эсперанто или какой-либо иной священный язык.
>
> *Жюль Симон*

Следовало бы, по примеру иудейских ученых, запрещавших непосвященным чтение Екклезиаста Ветхого завета, сообщать «Книгу капиталиста» только посвященным обладателям по меньшей мере одного миллиона.

Блейхредер

Миллион франков или марок мне представляется ничтожной суммой, — я предлагаю миллион долларов.

Джэй Гульд

а) Природа бога-капитала

1. Соблюди слова Капитала, бога твоего.

2. Я — бог человекопожиратель; я внедряюсь в мастерские и пожираю наемных рабочих. Я претворяю в божественный капитал хилую плоть работника. Я — бесконечная тайна: моя извечная субстанция не что иное, как тленная плоть. Мое всемогущество — лишь немощь человеческая. Инертная сила капитала — вот жизненная сила трудящегося.

3. Самое основное правило: от меня исходит всякое производство, ко мне приводит всякий обмен.

4. Я — бог живой, вездесущий: железные дороги, доменные печи, пшеница, суда, виноградники, золотые и серебряные монеты являются составными частями всемирного капитала.

5. Я — неизмеримая душа цивилизованного мира в теле изменчивом и сложном до бесконечности. Я живу в том, что покупается и продается; я осуществляю себя в каждом товаре, и ни один из них не существует вне моего живого единства.

6. Я сверкаю в золоте и испускаю зловоние в навозе; я дарю радость в вине и несу отраву в купоросе.

7. Беспрерывно разрастающаяся субстанция моя незримыми потоками пронизывает материю: разделяясь и дробясь на бесконечно многообразные части, она замыкается в особые формы, которые принимает всякий товар, и, не зная устали, переливается из одного товара в другой: сегодня я — хлеб и мясо, завтра — рабочая сила производителя, послезавтра — глыба железа, кусок коленкора, драматическое произведение, центнер сала или мешок удобрения. Перевоплощение капитала никогда не приостанавливается. Моя субстанция никогда не умирает. Смертны лишь формы ее; они конечны и преходящи.

8. Человек видит, осязает, чувствует и вкушает тело мое. Но мой дух, более неуловимый, чем эфир, — недоступен

чувственному восприятию. Дух мой — кредит; ему не нужно иметь тела, чтобы проявлять себя.

9. Будучи более ученым химиком, нежели Берцелиус и Жерар, мой дух претворяет обширные поля, колоссальные машины, тяжеловесные металлы и блеющие стада в бумажные акции; и с большей легкостью, чем бузинные шарики, заряженные электричеством, каналы и доменные печи, рудники и заводы перебрасываются из рук в руки на бирже — моем священном храме.

10. Ничто не начинается и не кончается без меня в тех странах, в которых правят банки. Я оплодотворяю труд; я покоряю человеку непреодолимые силы природы, и в его руку вкладываю я могучий рычаг накопленных знаний.

11. Я охватываю общества золотой сетью торговли и промышленности.

12. Человек неимущий, не обладающий капиталом, нагой бродит в жизни, окруженный разъяренными врагами, вооруженными всеми орудиями пытки и смерти.

13. Если человек, не имеющий капитала, силен, как бык, на его плечи взваливают более тяжкую ношу; если он трудолюбив, как муравей, удваивают возлагаемое на него бремя; если он воздержан, как осел, сокращают выдаваемую ему пищу.

14. Что представляют собою наука, добродетель и труд без Капитала? Они — суета и томление духа.

15. Без благодати Капитала наука толкает человека на путь безумия, а труд и добродетель ввергают его в пучину нищеты.

16. Ни наука, ни добродетель, ни труд не удовлетворяют дух человеческий: только я, Капитал, насыщаю его алчные аппетиты и страсти.

17. Я отдаюсь и ускользаю по собственному произволу, не отчитываясь ни перед кем. Я Всемогущий, повелевающий вещами живыми и вещами мертвыми.

б) Избранник капитала

1. Наг, как червь, приходит в мир человек, этот смрадный ком материи, и, заколоченный в ящик, как картонный плясун, отправляется он гнить под землей, и тлен его насыщает соком полевые травы.

2. А между тем этот мешок нечистот и зловония избрал я своим представителем, я — Капитал — самое величественное из всего, что существует под солнцем.

3. Устрицы и улитки ценятся по своим собственным природным качествам; капиталист же имеет значение лишь постольку, поскольку я ставлю его своим избранником, и ценность его определяется капиталом, который он представляет.

4. Я обогащаю негодяя, невзирая на его подлость; я превращаю в нищего праведника, невзирая на его праведность. Я ставлю своим избранником того, кто мне угоден.

5. Я выбираю капиталиста не за его ум, не за честность, не за красоту, не за молодость. Его тупоумие, его пороки, его уродство и его дряхлость — верные свидетели моего неизмеримого могущества.

6. Только потому, что я капиталиста делаю избранником своим, он воплощает в себе добродетель, красоту, гениальность. Люди находят его тупость остроумной и утверждают, что его гению не след заниматься наукой педантов. Поэты черпают у него вдохновение, а артисты на коленях, как приговор, выслушивают его критику; женщины уверяют, что он идеал Дон-Жуана; экономисты открывают, что его праздность — двигательная сила общества.

7. Стадо наемников работает на капиталиста, который пьет, ест, развратничает и отдыхает после работы своего живота и нижней части туловища.

8. Капиталист не работает ни руками, ни головой.

9. Он владеет скотом мужского и женского пола, который пашет землю, кует железо, ткет полотна; у него есть директора и надсмотрщики, чтобы управлять мастерскими, ученые, — чтобы мыслить. Капиталист посвящает себя труду в уборных; он ест и пьет для того, чтобы производить навоз.

10. Неизменным благополучием, как жировым пластом, покрываю я избранника своего. Ибо что может быть лучше и реалистичнее на земле, нежели возможность пить, есть, развратничать и наслаждаться? Все остальное суета и томление духа.

11. Я облегчаю горести и оберегаю от всяческих страданий, дабы легко и приятно протекала жизнь избранника моего.

12. У зрения есть свой орган. Обоняние, осязание, вкус, слух и любовь тоже имеют свои органы. Я не отказываю ни в чем, чего бы ни пожелали глаза, рот и остальные органы избранника моего.

13. Добродетель двулика: добродетель капиталиста в том, чтобы удовлетворять свои потребности; добродетель наемного рабочего в том, чтобы их подавлять.

14. Капиталист берет от земли все, что ему угодно, ибо он — господин. Когда он пресыщен женщинами, он возбуждает свои чувства невинными девочками.

15. Капиталист — закон. Законодатели составляют уложения законов, сообразуясь с его удобствами, и философы приноравливают свою мораль к его нравам. Его деяния справедливы и хороши. Всякое действие, направленное во вред его интересам, есть преступление и подлежит наказанию.

16. Избранникам своим предназначаю я единственное счастье, неведомое трудящимся. Получать прибыль — высшая благодать. Если избранник, получающий прибыль, теряет жену, мать, детей, собаку, честь, он переносит это с покорностью. Но перестать получать прибыль — непоправимое горе, от которого капиталист никогда не найдет себе утешения.

в) Обязанности капиталиста

§ 1

1. Много званых, но мало избранных. С каждым днем я сокращаю число избранников своих.

2. Я отдаюсь капиталистам и распределяюсь между ними: каждый избранник получает во владение частицу единого капитала и сохраняет пользование ею лишь в том случае, если умножает ее, если плодит с нею новый капитал. Капитал ускользает из рук того, кто не выполняет его закона.

3. Я избрал капиталиста затем, чтобы он извлекал прибавочную стоимость; назначение его — накопление прибылей.

4. Чтобы чувствовать себя свободно и привольно в погоне за наживой, капиталист порывает узы дружбы и любви. Там, где дело идет о барыше, нет для него ни друга, ни брата, ни матери, ни жены, ни детей.

5. Он выше суетных разграничений, замыкающих обыкновенных смертных в каком-нибудь отечестве или в какой-нибудь партии. Кто бы он ни был, — русский или поляк, француз или пруссак, англичанин или ирландец, белый или черный, — он прежде всего эксплоататор. И уже в придачу он может быть монархистом или республиканцем, консерватором или радикалом, католиком или свободомыслящим. Золото имеет свой цвет, но перед его лицом блекнут цвета всех убеждений капиталистов.

6. Капиталист загребает с одинаковым безразличием деньги, орошенные слезами, деньги, запятнанные кровью, деньги, покрытые грязью.

7. Он не приносит себя в жертву мещанским предрассудкам. Он производит не для того, чтобы выпускать товар высокого качества, а для того, чтобы фабриковать товар, приносящий большой доход. Он учреждает финансовые общества не для того, чтобы распределять дивиденды, а для того, чтобы завладеть капиталами акционеров. Ибо мелкие капиталы принадлежат крупным, а над последними есть еще более крупные капиталы, которые наблюдают за ними и выжидают удобный момент, чтобы их пожрать. Таков закон Капитала.

8. Возводя человека в достоинство капиталиста, я передаю ему часть своего всемогущества над людьми и над вещами.

9. Капиталист должен говорить: общество — это я; мораль — это мои вкусы и мои страсти; закон — это моя выгода.

10. Если нанесен ущерб интересам хотя бы одного капиталиста, страдает все общество в целом, ибо невозможность приумножать капитал есть тягчайшее зло, — зло, против которого нет никаких средств.

11. Капиталист заставляет производить, но сам не производит, заставляет работать, но сам не работает. Ему воспрещено всякое физическое или умственное занятие, — оно отвратило бы его от его священной миссии — накопления прибылей.

12. Капиталиста нельзя уподобить идеологической белке, которая вращает колесо, приводя в движение только ветер.

13. Ему весьма мало дела до сказок небесных о славе господней; он не доискивается ни того, чем производит кузнечик свой звук, — своим задом или крылышками, ни того, является ли муравей капиталистом [1].

14. Он не задумывается ни о начале, ни о конце вещей; для него важно лишь одно, — чтобы они приносили ему доход.

15. Теологам официальной экономии он предоставляет разглагольствовать о монометаллизме и биметаллизме, но он одинаково прикарманивает как золотые, так и серебряные монеты.

16. Он предоставляет ученым, непригодным на что-либо лучшее, заниматься изучением явлений природы, а изобре-

---

[1] Автор капиталистического Екклезиаста намекает здесь, очевидно, на скучнейших болтунов-экономистов, утверждающих, что капитал существовал до человека, ибо муравей, накопляя съестные запасы, совершает акт капиталиста.

тателям — применением сил природы к промышленности, но он спешит завладеть их открытиями, как только их можно начать эксплоатировать.

17. Он не утруждает свой мозг разрешением вопроса о тождестве и единстве понятий добра и красоты; но он наслаждается трюфелями, столь приятными на вкус и более отвратительными на вид, нежели экскременты свиньи.

18. Он рукоплещет докладам о вечных истинах, но он выколачивает деньги при помощи повседневных фальсификаций.

19. Он не размышляет над сущностью добродетели, совести и любви, но он спекулирует на их купле и продаже.

20. Он не задумывается над тем, хороша ли свобода сама по себе, — он завладевает всеми свободами и оставляет наемным рабочим одни лишь звуки пустые.

21. Он не спорит о том, господствует ли право над силой, ибо он знает, что все права принадлежат ему, так как он владеет капиталом.

22. Он ни за, ни против всеобщего избирательного права, ни за, ни против цензового избирательного права, — он пользуется и тем и другим: он подкупает избирателей цензового права и обманывает избирателей всеобщего права голосования. Если ему предоставляется выбор, он высказывается за последнее, как наиболее экономное, ибо если при цензовом голосовании он вынужден подкупать и избирателей и избранников, то при всеобщем голосовании ему достаточно подкупать одних только избранников.

23. Он не вмешивается в болтовню о свободе торговли и протекционизме: он защищает то свободу торговли, то протекционизм, смотря по надобностям своей торговли и промышленности.

24. У него нет никаких принципов — даже принципа не иметь принципов.

§ 2

25. Капиталист — железный прут в руках моих, которым я подстегиваю непокорное стадо наемных рабочих.

26. Капиталист заглушает в своем сердце всякое человеческое чувство. Он безжалостен. Он обращается с себе подобными более жестоко, чем с рабочим скотом. Мужчины, женщины и дети представляются ему не чем иным, как машинами для производства прибыли. Он покрывает металлической броней свое сердце, чтобы без содрогания взирали

глаза его на нищету наемников и уши внимали рычаниям ненависти и стонам боли.

27. Подобно тому как гидравлический пресс спускается медленно и неотвратимо, сводя до минимума и совершенно высушивая подверженные его действию свекольные выжимки, — так, калеча и коверкая наемного рабочего, капиталист выжимает труд из его мышц и нервов. Каждая капля выжатого им пота превращается в капитал. Когда же, выжатый и истощенный, наемный рабочий не может больше под его нажимом поставлять прибавочный труд, образующий прибавочную стоимость, капиталист выбрасывает его на улицу, точно кухонные отбросы и нечистоты.

28. Капиталист, который щадит наемного рабочего, предает меня и предает себя.

29. Капиталист втягивает в торговлю мужчин, женщин и детей, дабы те, у кого нет ни сала, ни шерсти, ни каких-нибудь других товаров, могли хоть что-нибудь продавать — свою мускульную силу, свой разум, свою совесть. Чтобы превратиться в капитал, человек должен прежде стать товаром.

30. Я — Капитал — властитель вселенной, и капиталист — мой представитель: пред ним все люди равны, все одинаково повержены под иго его эксплоатации. Поденщик, отдающий в наем свою силу, инженер, предлагающий свои знания, кассир, продающий свою честность, депутат, торгующий своей совестью, проститутка, отдающая свое тело,— все они для капиталиста наемники, подлежащие эксплоатации.

31. Он совершенствует наемного рабочего: заставляет его воспроизводить свою рабочую силу при помощи грубой и фальсифицированной пищи, дабы он продавал ее возможно дешевле, и принуждает его к аскетизму анахорета, к терпению осла и к воловьей выносливости в работе.

32. Наемный рабочий принадлежит капиталисту: он — его рабочий скот, его достояние, его вещь. В мастерской, где не должны замечать ни когда солнце восходит, ни когда наступает ночь, он устремляет на рабочего сотню бдительных глаз, чтобы ни одним словом, ни одним жестом он не отвлекался от работы.

33. Время наемного рабочего — деньги: каждая потерянная им минута, это — совершонная им кража.

34. Гнет капиталиста, как тень, преследует наемного рабочего даже до его конуры, ибо не надлежит ему отравлять свой мозг разными социалистическими беседами и что-

нием и утомлять свое тело забавой. Он должен возвращаться домой прямо с работы, поесть и ложиться спать, чтобы назавтра приносить своему хозяину свежее и гибкое тело и покорный дух.

35. Капиталист не признает за наемным рабочим никаких прав, даже права на рабство, каковым является право на труд.

36. Он отнимает у наемного рабочего его сметливость и сноровку и передает их машинам, которые неспособны бунтовать.

г) Правила божественной мудрости

1. Матрос живет среди рева штормов; рудокоп стоит перед опасностью взрыва гремучих газов и обвалов; промышленный рабочий движется среди колес и передаточных ремней железных машин; увечье и смерть стоят непрестанной угрозой перед занятым своим трудом наемным рабочим. Один лишь капиталист, не знающий труда, находится вне всякой опасности.

2. Труд надрывает силы, убивает, но не обогащает. Богатства накопляются не тем, что работают, а тем, что заставляют работать других.

3. Собственность — продукт труда и награда за праздность.

4. Нельзя выжать вино из булыжника или прибыль из трупа: эксплоатируют только живых. Палач, гильотинирующий преступника, отнимает у капиталиста животное, пригодное для эксплоатации [1].

5. Деньги и все, что приносит доход, не имеют запаха.

6. Деньги искупают свои позорные качества количеством.

7. Деньги заменяют добродетель тому, кто ими обладает.

8. Благодеяние нельзя назвать выгодным и доходным помещением денег.

9. Лучше перед сном сказать себе «я сделал выгодное дело», чем «я сделал доброе дело».

10. Предприниматель, заставляющий своих наемных рабочих работать четырнадцать часов в сутки, не напрасно прожил свой день.

11. Не щади ни хорошего, ни плохого рабочего, ибо и добрый и плохой конь нуждаются в пришпоривании.

---

[1] Екклезиаст вскрывает перед нами капиталистический смысл той кампании за отмену смертной казни, которую с таким треском вели Виктор Гюго и другие шарлатаны человеколюбия.

12. Дерево, не дающее плодов, должно быть вырвано и сожжено. Рабочий, не приносящий больше дохода, должен быть обречен на голод.

13. Бунтующего рабочего накорми свинцом.

14. Больше времени требуется, чтобы шелковичный лист превратился в шелк, чем труд наемного рабочего—в капитал.

15. Красть большими количествами и возвращать малыми — это филантропия.

16. Кооперация — это заставлять рабочих принимать участие в созидании богатства капиталиста.

17. Соучастие в прибылях — это захват львиной доли продуктов труда.

18. Капиталист, этот фанатический сторонник свободы, не дает милостыни, ибо она лишает безработного свободы умереть от голода.

19. Люди — не больше, чем машины для производства и потребления. Капиталист покупает одних и гонится за другими.

20. Во рту капиталиста — два языка, — один для того, чтобы покупать, другой для того, чтобы продавать.

21. Уста лгущие дают жизнь кошельку.

22. Щепетильность и честность — яд для торговли.

23. Обкрадывать всех — значит никого не обкрадывать.

24. Покажи своей преданностью самому себе, что человек способен быть преданным, как пудель.

25. Остерегайся человека бесчестного, но не доверяйся честному.

26. Обещать — значит обнаружить добродушие и любезность, но исполнять обещания значит признаваться в умственной скудости.

27. На монетах чеканятся изображения монарха или республики, потому что, подобно птицам небесным, они принадлежат только тому, кто их поймает.

28. Пятифранковые монеты всегда поднимаются после падения, даже если они падают в помои.

29. Ты о многом беспокоишься, создаешь себе кучу забот, ты стараешься быть честным, стремишься к знанию, добиваешься должностей, жаждешь почестей, — и все это лишь суета и томление духа. Необходимо лишь одно: капитал и еще капитал.

30. Молодость увядает, красота блекнет, разум угасает, одно лишь золото не знает ни морщин, ни старости.

31. Деньги — душа капиталиста и двигатель его поступков.

32. Истинно говорю вам: больше славы в том, чтобы представлять собой портфель, набитый золотом и банковыми билетами, чем человека, более нагруженного талантами и добродетелями, чем осел, везущий овощи на рынок.

33. Гений, ум, целомудрие, честность, красота существуют только потому, что они имеют рыночную стоимость.

34. Добродетель и труд полезны только тогда, когда они у других.

35. Нет ничего лучшего для капиталиста, чем пить, есть и развратничать. И это же останется наиболее верным их занятием, когда они закончат свои дни.

36. Пока капиталист живет среди людей, которых освещает и согревает солнце, он должен пользоваться жизнью и наслаждаться ею, ибо один час дважды не переживается, и никому не избежать безобразной и отвратительной старости, которая хватает человека за голову и толкает его в могилу.

37. В склеп, куда ты сойдешь, не последуют за тобой твои добродетели. Там ты найдешь одних только червей.

38. Вне желудка, наполненного и весело переваривающего, и вне сильных удовлетворенных чувств — все суета и томление духа.

д) Ultima verba[1]

1. Я — Капитал, властелин вселенной.

2. Я шествую в сопровождении лжи, зависти, скупости, клеветы и убийства. Я несу с собой семейные раздоры и гражданские войны. Повсюду, где я прохожу, я сею ненависть, отчаяние, нищету, болезни и смерть.

3. Я — бог неумолимый. Меня радуют раздоры и страдания. Я мучаю наемных рабочих и не щажу капиталистов, избранников моих.

4. Наемный рабочий не может ускользнуть из моих рук. Если, пытаясь скрыться от меня, он уходит за горы, он находит меня по ту сторону гор; если он переплывает моря, я встречаю его на том берегу, на котором он высаживается. Наемный рабочий — мой пленник, и земля — его тюрьма.

5. Я награждаю капиталистов благополучием тяжелым, бессмысленным, отягченным болезнями. Я физически и умственно кастрирую моих избранников; в тупости и бессилии вырождаются они.

---

[1] Последние слова.

6. Я осыпаю капиталистов всем, что только можно пожелать, — и я лишаю их всяких желаний. Я уставляю их столы аппетитными яствами — и я лишаю их аппетита. Я украшаю их ложе молодыми, искусными в ласках женщинами — и я притупляю их чувства. Вся вселенная представляется им утомительной, пошлой и скучной, — они зевают всю свою жизнь, вопиют о ничтожестве мира, и мысль о смерти приводит их в содрогание.

7. Когда мне заблагорассудится, по совершенно непонятным для человеческого разума причинам, я наказываю моих избранников, ввергаю их в нищету, ад наемных рабочих.

8. Капиталисты — это мои орудия. Я ими пользуюсь, как кнутом из тысячи ремней, чтобы стегать тупоголовое стадо наемных рабочих. Я возвожу своих избранников на высшую ступень общества — и я их презираю.

9. Я — бог, ведущий людей и поражающий их разум.

10. Поэт древности предсказал эру капитализма; он сказал: «В настоящее время добро смешано со злом; но придет день, когда не будет ни семейных уз, ни справедливости, ни добродетели, Аид и Немезида вновь вознесутся на небеса — и со злом уже нельзя будет бороться» [1]. Времена возвещенные пришли: подобно морским чудовищам, подобно хищным лесным зверям, люди в неистовстве пожирают друг друга.

11. Я потешаюсь над человеческой мудростью.

«Трудись — и голод бежит от тебя, трудись — и житницы твои наполнятся запасами», — так гласила древняя мудрость.

А я говорю:

«Работай — и пост и нищета будут твоими верными спутниками; трудись — и в ломбарде опустошишь ты дом свой»

12. Я — бог, низвергающий царства. Под мое уравнивающее всех иго я склоняю надменных. В порошок перемалываю я дерзкую и эгоистическую человеческую индивидуальность. Я подготовляю тупое человечество для грядущего равенства. Я соединяю наемного рабочего и капиталиста и впрягаю их в дело строительства коммунистической формы будущего общества.

13. Люди согнали с небес Браму, Юпитера, Иегову, Иисуса, Аллаха; я же кончу самоубийством.

---

[1] Это предвещание капиталистических времен, более правдивое, чем предсказание пророков, возвещавшее пришествие Иисуса, находится в «Трудах и днях» Гесиода.

14. Когда коммунизм станет законом общества, царству Капитала, — этого бога, воплощающего поколения прошлого и настоящего, — наступит конец. Капитал не будет больше властвовать над миром: он будет в повиновении у трудящихся, которых он ненавидит. Человек не будет больше преклоняться пред творением своего мозга и своих рук. Он встанет на ноги и будет взирать на природу как ее властелин.

15. Капитал будет последним богом.

5. КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ МОЛИТВЫ

Отче наш

Капитал, отче наш, иже еси на земли; бог всемогущий, изменяющий русла рек, буравящий горы; ты, разделяющий материки и объединяющий народы, созидатель товаров и источник жизни, повелевающий царями и подданными, предпринимателями и рабочими, — да установится царство твое на всей земле.

Дай нам много покупателей на сей день, принимающих товары наши, как хорошие, так и скверные.

Дай нам нищих рабочих, без сопротивления готовых на всякий труд и довольствующихся самой низкой заработной платой.

И ниспошли нам дураков, верящих нашим рекламам.

Сделай так, чтобы наши должники полностью выплачивали нам свои долги[1] и чтобы банки учитывали наши векселя.

Отврати от нас навсегда врата Мазасской долговой тюрьмы и избави нас от банкротства.

И доход даруй нам во веки веков.

Аминь.

---

[1] Христианский «Отче наш», составленный нищими и бродягами для обремененных долгами бедняков, просит у бога прощения долгов: «dimitte nobis debita nostra» — гласит латинский текст. Но когда обратились в христианскую веру собственники и ростовщики, отцы церкви фальсифицировали первоначальный текст и бессовестно перевели слово «debita» словами «грехи», «обиды». Тертуллиан, ученый богослов и богатый землевладелец, имевший, вероятно, денежные обязательства на множество лиц, написал сочинение об «Отче наш» и разъяснил, что слово «долги» следует понимать в смысле «грехи», единственные долги, подлежащие у христиан отпущению. Религия Капитала, ушедшая в этом отношении дальше, чем католическая религия, потребовала полной уплаты долгов, ибо кредит есть душа капиталистических сделок.

Верую

Верую в Капитал, вседержителя материи и духа.

Верую в барыш, всезаконнейшего сына его, и в кредит, духа святого, который от него родился и которому совместно с ним поклоняются.

Верую в золото и в серебро, которые после чистки на монетном дворе, плавки в тигле и чеканки прессом появляются на свет в виде законной монеты. Будучи слишком тяжеловесными, они, обойдя из рук в руки всю землю, спускаются в кладовые банков, а их место занимают воскресшие бумажные деньги.

Верую в 5-процентную ренту, равно как в 4-процентную и 3-процентную, и в подлинную котировку ценных бумаг.

Верую в Большую книгу государственных долгов, которая гарантирует Капитал от торгового и промышленного риска, а также от изнашивания.

Верую в частную собственность, продукт чужого труда, и незыблемость ее во веки веков.

Верую в необходимость нищеты, поставщицы наемных рабочих и матери сверхурочного труда.

Верую в вечное существование наемного труда, снимающего с рабочего заботу о собственности.

Верую в удлинение рабочего дня, в сокращение заработной платы, а также в фальсификацию продуктов.

Верую в священный догмат: дешево покупать, дорого продавать, и точно так же верую в вечные принципы нашей святой церкви, официальной политической экономии.

Аминь.

Радуйся

(Радуйся, нищета!)

Радуйся, нищета, покоряющая и разоряющая трудящихся, голодом раздирающая их нутро, мучительница неутомимая, обрекающая за ломоть хлеба продавать свободу свою и жизнь, подавляющая дух возмущения, осуждающая производителей, их жен и детей на каторжные работы в капиталистических острогах, — радуйся, нищета, дева благодатная! Дева непорочная, зачинающая капиталистическую прибыль, грозная владычица, предающая нам униженный класс наемных рабочих, — благословенна будь.

Матерь блаженная, сверхурочным трудом плодовитая, родительница ренты, не отвращай своего заботливого взора от нас и наших близких.

Аминь.

Молебен золоту

Золото, чудодейственный товар, в себе воплотивший все остальные товары.

Золото, товар первородный, в котором претворяются все другие товары.

Бог, измеряющий все вещи.

Ты, совершеннейшее, идеальнейшее воплощение бога-Капитала.

Ты, самый благородный, самый великолепный из элементов природы.

Ты, не знающий ни плесени, ни разложения, ни ржавчины.

Золото, товар неизменяющийся, пламенный цветок, луч сияющий, сверкающее солнце; вечно девственный металл, — ты, который, будучи извлечен из недр земли, первоматери всех вещей, возвращаешься, чтобы зарыться вдали от белого света в кованые сундуки ростовщиков и кладовые банков; из глубины хранилищ, где ты покоишься, ты передаешь силу свою жалкой и ничтожной бумажке, которая удваивает и удесятеряет ценность твою.

Мертвое золото, ворочающее вселенной, — перед твоим сверкающим величием живые века преклоняют колени и смиренно поклоняются тебе.

Даруй божественную милость твою верным слугам твоим, которые взывают к тебе и которые за обладание тобой приносят в жертву честь и добродетель, уважение мужчин, любовь желанной женщины и собственных детей и не останавливаются даже перед презрением к самим себе.

Золото, верховный властитель, непобедимый, известный победитель, — внемли нашим молитвам.

Созидатель городов и разрушитель государств.

Полярная звезда морали; золото, — ты, расценивающее совесть людей;

Ты, диктующее народам законы, сгибающее под свое иго пап и королей, — услышь наши молитвы.

Ты, научающее ученого фальсифицировать науку; ты, заставляющее мать торговать невинностью своего дитяти; ты, принуждающее свободного человека покориться рабству мастерской, — услышь наши молитвы.

Ты, покупающее постановления судей и голосования депутатов, — услышь наши молитвы.

Ты, что производишь плоды и цветы, доселе неведомые природе;

Ты, что сеешь пороки и добродетели;

Ты, что порождаешь роскошь и искусства, — услышь наши молитвы.

Ты, что удлиняешь бесполезные годы тунеядцев и сокращаешь дни трудящихся, — услышь наши молитвы.

Ты, что улыбкой озаряешь колыбель капиталиста и еще в чреве матери поражаешь пролетария, — услышь наши молитвы.

Золото, неутомимый странник, с радостью принимающий клевету и мошенничество, — исполни желания наши:

Толкователь всех языков,

Искусный посредник,

Неотразимый обольститель,

Мера людей и вещей, — исполни желания наши.

Вестник мира и сеятель раздоров;

Отпускающий праздность и сверхурочный труд;

Союзник добродетели и разврата, — исполни желания наши.

Бог убеждающий, дающий слух глухим и развязывающий языки немым, — исполни желания наши.

Золото, проклинаемое и призываемое в бесчисленных молитвах, почитаемое капиталистами и любимое куртизанками, — исполни желания наши.

Сеятель бедствий и благ;

Горе и радость людей;

Исцеление для больных и бальзам для мук, — исполни желания наши.

Ты, что околдовываешь мир и мутишь человеческий рассудок;

Ты, что красотой наделяешь уродов и грацией — неуклюжих;

Источник всеобщего уважения, в разряд добродетели возводящий бесчестие и позор, почетом покрывающий воровство и проституцию, — исполни желания наши.

Ты, что окружаешь трусость славой, предназначенной для мужества;

Ты, что безобразию воздаешь почести, присущие красоте;

Ты, что в дар дряхлости несешь любовь, принадлежащую только молодости;

Зловредный чародей, — исполни желания наши.

Факел, озаряющий пути жизни;

Проводник и защитник и благодать капиталистов, — исполни желания наши.

Золото, царь славы, солнце справедливости.

Золото, мощь и радость жизни, золото прославляемое,— прийди к нам.

Золото, милостивое к капиталисту и грозное в отношении к рабочему,— прийди к нам.

Зеркало наслаждений,

Ты, что даруешь тунеядцу плоды труда,— прийди к нам.

Ты, что наполняешь кладовые и амбары тех, кто не обрабатывает землю, не возделывает виноградников, не пашет и не жнет,— прийди к нам.

Ты, что мясом и рыбой кормишь тех, кто не пасет стада, кто не вступает в бой с морскими бурями,— прийди к нам.

Ты, мощь, знание и разум капиталиста,— прийди к нам.

Ты, добродетель и слава, красота и честь капиталиста,— прийди к нам.

О, прийди к нам, соблазнительное золото, заветная мечта, начало и конец всякого действия, всякого помысла, всякого чувства капиталиста.

Аминь.

6. ПЛАЧ ИОВА-РОТШИЛЬДА, КАПИТАЛИСТА

Капитал, господь мой и властитель, за что отверг ты меня? Какой грех совершил я, что ты низверг меня с высоты богатства и попираешь тяжестью суровой нужды?

Разве не жил я согласно твоему закону? И поступки мои разве не были честны и праведны?

Разве могу я упрекнуть себя в том, что когда-либо работал? Разве не брал я от жизни все наслаждения, на которые давали мне право мои деньги и мои вожделения? Разве не заставлял я работать денно и нощно мужчин, женщин и детей, работать, сколько хватало сил — и даже сверх их сил? Разве я когда-либо платил им больше голодной заработной платы? И разве хоть раз растрогался я при виде нищеты и отчаяния моих рабочих?

Капитал, господь мой, я фальсифицировал товары, которые я продавал, нисколько не интересуясь тем, что ими я отравлял потребителей. Я обирал дураков, которые попадались на удочку моих реклам.

Я жил только затем, чтобы наслаждаться и богатеть. И ты благословил мое безупречное поведение и мою похвальную жизнь, даровав мне женщин, детей, лошадей и

слуг, все телесные наслаждения и все радости тщеславия.

И вот я лишился всего, всего и стал негодным отбросом.

Мои конкуренты радуются моему разорению, а мои друзья отворачиваются от меня. Они отказываются даже давать мне бесполезные советы, даже не попрекают меня, — они просто меня не замечают. Мои любовницы обдают меня грязью, проносясь в экипажах, купленных на мои деньги.

Нищета смыкается надо мной и, подобно тюремным стенам, отрезывает меня от остального человечества. Я одинок, и мрак во мне и вокруг меня.

Моя жена, которой не на что покупать белила и румяна, ходит предо мной во всем своем безобразии. Мой сын, воспитанный так, чтобы ничего не делать, даже не понимает — идиот! — всей глубины постигшего меня бедствия. Из глаз моей дочери, словно из двух фонтанов, текут ручьи слез при воспоминании об упущенных ею выгодных браках.

Но что представляет собою горе моих близких наряду с постигшим меня несчастьем! Там, где я прежде повелевал как господин, меня теперь выгоняют, когда я предлагаю свои услуги в качестве служащего!

В моей конуре — зловонье и грязь. Мое тело, изболевшееся от жесткой постели, искусанное клопами и отвратительными насекомыми, не имеет больше покоя. Мой мозг не знает больше дающего забвение сна.

О, как счастливы они, несчастные, никогда не знавшие ничего, кроме бедности и грязи! Они представления не имеют об изящном, о прекрасном. Их огрубевшей коже и отупевшим чувствам неведомо отвращение.

Зачем дал ты мне вкусить счастья? Неужели только для того, чтобы оставить воспоминание о нем, более жгучее, чем карточный долг?

Лучше было бы мне, о, господи, родиться в бедности, чем быть обреченным теперь гнить в нищете, после того как я вырос в богатстве.

Что способен я делать, чтобы снискивать себе хлеб насущный?

Разве могут владеть инструментом эти руки, привыкшие носить одни только перстни, привыкшие ворочать одними только кредитными билетами? Мой мозг, который думал лишь о том, как бы увильнуть от работы, как бы отдохнуть от тягот богатства, разогнать скуку праздности и

преодолеть отвращение от пресыщенности, не способен сосредоточиться настолько, чтобы заняться копированием писем и подсчетом цифр.

Но мыслимо ли, господи, чтобы ты так ужасно покарал человека, который ни разу не нарушил твоих велений?

Это дурно, несправедливо, безнравственно, что я лишаюсь богатства, которое другие с таким тяжким трудом накопили для меня.

Капиталисты, братья мои, при виде бедствия, постигшего меня, будут знать, что милость твоя капризна, что даруешь ты ее без основания и отнимаешь без всяких причин.

Кто захочет тогда веровать в тебя?

Какой капиталист будет настолько отважен, настолько безрассуден, чтобы принять твой закон, изнежиться в лени, удовольствиях и праздности, если будущее так ненадежно, так мрачно, если малейшее колебание на бирже сметает самые солидные состояния, если ничто не прочно, если сегодняшний богач может назавтра оказаться нищим?

При виде моего унижения проклянут тебя люди, о, бог-Капитал! Они станут отрицать твою мощь, взирая на глубину моего падения, они станут отвергать милости твои.

Во имя славы своей верни мне мое прежнее положение, подними меня из бездны моего унижения, ибо сердце мое наливается желчью и слова ненависти и проклятия жгут мои уста.

Бог безжалостный, тупоголовый, слепой, остерегайся того, чтобы богачи не раскрыли, наконец, глаза свои и не увидели, что беспечные, несознающие бредут они на краю пропасти. Трепещи, чтобы не засыпали они тобой эту пропасть, чтобы не объединились они с коммунистами, чтобы уничтожить тебя!

Но какое я сотворил богохульство! Великий бог, прости мне сии нечестивые и неосторожные слова.

Ты — властелин, ты распределяешь блага независимо от заслуг и отнимаешь их независимо от вины, ты действуешь по своему произволению и ведаешь, что творишь.

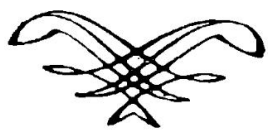
Ты изничтожаешь меня для моего же блага, ты испытываешь меня для моей же пользы.

О, господь, кроткий и милостивый, ниспошли на меня благодать свою. Ты — справедливость, и если ты меня ка-

раешь, — значит я совершил, не ведая того, какой-нибудь проступок.

О, господь, если ты вернешь мне богатство мое, я приношу обет еще более строго исполнять закон твой. Я стану еще больше, еще жестче эксплоатировать моих наемных рабочих, еще хитрее обманывать потребителей, еще решительнее обкрадывать всяких дураков.

Я покорен тебе, как покорен пес стегающему его хозяину. Я — твоя вещь. Да свершится воля твоя.



ЭНЦИКЛИКА СВЯТЕЙШЕЙ ЯКОБИНСКОЙ ЦЕРКВИ, ЕДИНОДЕРЖАВНОЙ И ЕДИНОИПОСТАСНОЙ

Спешим ознакомить наших читателей с помещаемым ниже письмом-энцикликой. Оно обнаруживает любопытное настроение.

Мы искренне сочувствуем горю этих почтенных господ, и нам хочется поэтому доставить им некоторое утешение.

К тому же, мы чистосердечно восхищаемся их крепкой верой в своих небесных и земных богов.

De profundis clamavi ad te, domine [1].

Верная паства!

Божественный лик отвернулся от нас. Все рушится под нами и вокруг нас.

Народилась молодежь без веры и без закона. Она начертала на своем знамени ужасные слова: атеизм, революция, социализм.

Эта безрассудная молодежь дерзает все подвергать анализу. Она не желает признавать никакого догмата. Сторонясь проторенных путей, она дерзает прокладывать собственные пути. Она не хочет никаких богов — ни гипсовых, ни деревянных, ни живых с живою плотью и кровью.

Эти непочтительные дети берут из наследия своих от-

[1] Из бездны воззвал я к тебе, господи!

цов лишь то, что им нравится. Из их дел они воспринимают лишь те, которые полезны человечеству. Что же касается тех, что вызвали хаос, в котором мы живем, то они их просто и решительно отвергают.

Эта зеленая и ничтожная молодежь, еще ровно ничего не совершившая, — нужно, впрочем, признать, что она была связана по рукам и ногам, — дерзает осуждать стариков, мучеников, святых.

Она говорит: «Мы, молодежь, мы не были очевидцами той борьбы, которую вели эти люди. Мы только пожинаем плоды их дел. Мы не будем питать к ним ни идиотской ненависти, ни легкомысленного энтузиазма, и это даст нам возможность судить с беспристрастием. И лучшим доказательством нашего беспристрастия служит то, что хотя мы не имеем обыкновения обнажать головы пред всякими фетишами, хотя мы и осуждаем политическую деятельность некоторых лиц, мы тем не менее почитаем своим долгом преклоняться пред их моральной силой, пред их мужеством, их самоотвержением. Но всех этих добродетелей нам мало. От сапожника мы, помимо добродетели, требуем еще знания ремесла, уменья шить хорошую обувь. А вот эти люди должны служить делу революции, между тем они контрреволюционеры».

Мало того, что они осуждают таким образом наших святых, — они еще издеваются над их мефистофельской, мастодонтской, допотопной внешностью. Они обращаются с ними точно с уродливыми китайскими куклами, хватают их своими грубыми руками, поворачивают их во все стороны, уверяя, что они пусты внутри. Они не могут, да и не желают восхищаться их многословными речами. Они говорят, что за шумихой слов не скрывается мысли.

Они уверяют, что старикам нужно было бы учиться, а не похваляться постоянно былой славой. Чванясь тем, что они, по совету никому неведомого Огюста Конта и бесноватого Прудона, нахватались понемногу от всех наук, особенно наук естественных и экономических, эти молодые люди заявляют, что наши старики, подобно бурдюкам, наполнены только воздухом.

Но вот еще более поразительно. Они говорят: «Мы не хотим больше революций сверху. Мы совершенно не интересуемся тем, кто будет нами управлять, — Пьер, Поль, Жан или Жак, — нам это все равно. Все наши политические революции приводили лишь к смене лиц в правительстве. За мужество народа в борьбе, за пролитую им

на баррикадах кровь победившие новые правители расплачиваются с ним пулями. Нет, нет, мы не хотим больше революций сверху, политических революций, — мы хотим революций снизу, революций социальных. Мы ненавидим все правительства, ненавидим синюю республику так же сильно, как конституционную монархию и как всякую другую форму правления. Мы хотим анархию (an-archie). Мы хотим не захватить власть, а уничтожить ее, Тогда у нас больше не будет властелинов: ибо властелин наш — враг наш. Все революционеры, действовавшие до нас, были политическими революционерами. Исключений было весьма мало; мы можем, однако, назвать Марата, Дантона, Бланки, Прудона. Это наши; мы с ними — и мы хотим продолжать их дело».

«И мы не станем строить баррикады только для того, чтобы низвергнуть какого-нибудь Наполеона, — о нет! — а для того, чтобы разрушить и перестроить весь общественный строй донизу. Ибо если мы падем в борьбе, то мы не хотим, чтобы наша смерть послужила на пользу какому-нибудь Пьеру или Полю, который уже придумывает позу, в какой он будет приносить присягу единой и неделимой республике. О нет, дорогие президенты, префекты, супрефекты и сельские стражники будущей республики, не за вас хотим мы сражаться и умирать, а за народ, к которому вы относитесь с таким презрением! Вы говорите, что народ существует для того, чтобы платить налоги, терпеть издевательства и почитать себя счастливым тем, что мы его эксплоатируем. Вы ошибаетесь, господа».

О, правоверные, слышите ли вы эти речи? Что станется с нами без правительства? Мы не можем существовать без провидения — божественного или правительственного. Молодые люди, — вы, уверяющие, что великие люди являются язвой рода человеческого, — что станем мы делать без них? Кто будет услаждать нас звучными речами? Кто будет направлять наши дела? Вы говорите нам, что мы сами должны все делать для себя и что все тогда будет лучше делаться, потому что — повторяете вы вслед за Лафонтеном — «нет лучшего друга и родственника, чем каждый человек для себя самого». А если вам так нравится засыпать под музыку звонких и искусно закругляемых фраз, — ну, что же, вы получите великих ораторов, нанимая их почасно, как извозчиков, и будете до пресыщения наслаждаться их декламацией.

О, ужас, ужас!

Правоверные, вот какова эта молодежь! Вы знаете теперь ее зловредные мысли. Предписываем вам избегать ее, она вас загрязнит; никогда не читать ее изданий, — она вас, пожалуй, еще убедит в своей правоте, — ведь она всегда говорит во имя разума. Присоединяйтесь лучше к нам, чтобы вместе молить господа притти к нам на помощь. Дабы вымолить у него милосердие, великие жрецы и высокочтимые отцы святейшей якобинской церкви, единодержавной и единоипостасной, составили нижеприводимую молитву. Приказываем вам произносить ее трижды в день — в шесть часов утра, в полдень и в шесть часов вечера. При этом надлежит преклонять колени, обращаясь лицом к востоку, и помещать пред собою саблю, жезл и бюст Гарибальди, — если нет бюста, можно, в крайнем случае, удовольствоваться его фотографией, — а слова молитвы надлежит произносить глухим и сдержанным голосом.

Всевышний наверное услышит нашу слабую молитву и выведет нас из того бедственного положения, в котором мы очутились.

NB. Во время молитвы не следует ни кашлять, ни плевать, особенно не следует сморкаться, — в противном случае надлежит начинать молитву сначала.

Молитва

Во имя отца и сына и святого духа. Аминь.

Господи, господи, что ты делаешь?

Саваоф, бог сильных, коленопреклоненно молим тебя: защити нас. Дух зла, точно червь подтачивающий, проникает всюду и все портит. Сомнение искушает все души. О, господи, гаснет вера в тебя, гаснет вера в твое божественное провидение.

Сумасбродная, безнравственная, объятая гордыней молодежь дерзнула утверждать, что ты не существуешь, — эти дети, о, высокочтимый отец, насмехались над тобой.

Их кощунство не имеет, конечно, значения, о, верховный судия, — ты столь велик, что можешь им это простить. С твоих пророков, твоих возлюбленных пророков, тех, что клялись именем dio e porolo, они сорвали венец славы, сиявший вокруг их чела.

Слышал ты их кощунственные речи?

Они говорят, о, господи: «все люди равны». Они говорят, что великие люди, твои представители на земле, те, устами

которых говоришь ты сам, могут, как и простые смертные, совершать ошибки и быть вредными.

Они говорят, о, бог воинств: «Война нечестива, и все, кто способствуют ей, вредны».

Они говорят, о, бог Израиля: «Мы не хотим больше отечества, — итальянцы, как и австрийцы, — наши братья». Они хотят, чтобы чистые соединились с нечистыми, израильтяне — с филистимлянами. И в своем безумии они прибавляют: «Те, кто обостряет эту ненависть между народами, вредны».

Они говорят, о, бог богатых и сильных: «Мы не хотим больше бедных, мы хотим только одного — освободить пролетария, сделать его господином своей личности и своего труда», и в своей гордыне они восклицают: «Люди, которые отвлекают народы от изучения социальных вопросов, чтобы бросить их в жертву войне, вредны, вредны по существу».

Иегова, Иегова! Твои молнии слишком долго не поражают этих иконоборцев.

Что же, ты нас покидаешь, о, любезный отец, а между тем души наши давит смертная тоска. Ты был нашей силой и нашим знанием, а теперь, когда ты нас покидаешь, мы слабы, как только что родившийся ребенок. Скажи, что хочешь ты, чтобы мы предприняли против этой пылкой и нечестивой молодежи, которая, во имя науки, провозглашает уничтожение всех небесных и земных богов?

. . . . . .

Господи, твоя всесильная десница отвернулась от нас, и, точно плод, которого коснулось жгучее дыхание пустыни, мы совсем высохли.

Сатана, сатана, которого эти молодые люди называют своим отцом, — сатана торжествует! Он царствует теперь на всем протяжении земли.

Дух прежних времен исчезает, и, объятый ужасом, он восклицает вслед за молодым поколением: «Место, место разуму! Место науке! Место справедливости!»

Господи, да исполнится воля твоя на земле и на небесах.

Аминь!

С подлинным верно: *Поль Лафарг*

ПИЙ IX В РАЮ

I

13 декабря 1871 г. в одной из зал Ватикана беседовали два старика. Один был одет в белое, другой — в красное.

Старик в белом был настолько дряхл, что временами терял память и, как малое дитя, несколько раз повторял одни и те же слова, чтобы понять их смысл. Этот человек был Непогрешимый, папа-бог.

Старик в красном был с белой головой, с лицом замкнутым и высокомерным. Это был первый советник Пия IX, кардинал Антонелли. Он с тоской ожидал смерти Непогрешимого, чтобы взойти на папский престол.

— Все потеряно! Все потеряно! — бормотал Непогрешимый.

— Ничто не потеряно для того, кто не потерял мужества.

— Ничто? Ничто не потеряно? Что еще остается у нас? Эти проклятые, эти бандиты вырвали у меня, одну за другой, мои провинции. Там, где в течение веков папы, мои предшественники, распоряжались, как короли, я живу в заточении: у дверей Ватикана, откуда некогда выходили папы, венчаясь славой и пышностью сего мира, стоит на страже солдат отлученного от церкви, проклятого Виктора-Эммануила. Он меня обобрал, он сделал меня беднее, нежели Христос, столь же нищим, как Петр, когда он ловил рыбу своими сетями, чтобы добывать себе кусок хлеба.

— О, папа! Ты владеешь тем, чем не обладал Григорий VII, пред которым трепетали короли и императоры,

как трепещут звери лесные, когда затмение скрывает солнце. Ты владеешь тем, чем ни один папа, как бы велик он ни был, никогда не обладал: ты — непогрешим. Ты величайший из самых великих смертных. Ты более велик, чем бог. Закончив свое творение, бог раскаялся; он поглотил его в потопе. Ты же непогрешим. Ты не должен, ты не можешь ошибиться, ты не можешь раскаиваться. И ты сетуешь — ты, поднявшийся столь высоко, что превзошел самого бога. Он твой слуга, — ты приказываешь, а бог повинуется.

— Ах, что мне до величия, что мне до непогрешимости, если безжалостная старость разрушает мое тело, уносит мои зубы, затемняет мой разум и оставляет мне только одно ощущение: оцепенение? Что мне до величия, если язвы на ногах приковывают меня к креслу и лишают меня аппетита, этого блага, которым обладают самые несчастные из сынов земли? Вечную молодость, вечную жизнерадостность, — вот что нужно было мне дать.

«Глупец! Зачем смерть медлит покончить с твоим телом, давно представляющим собою гроб повапленный?» — думал человек в красном, раздраженный постоянными жалобами святого отца.

— Зачем мне непогрешимость, — продолжал, плача, папа, — если завтра черви без глаз и без ушей будут грызть тело Непогрешимого?

— Мы тебя набальзамируем, мы окаменим тебя, чтобы лицо первого Непогрешимого жило всегда. Зачем плакать, точно женщина, когда ты должен был бы действовать, как мужчина? Твое тело слабо, потому что ты позволил неверующим подорвать твой дух. Человек жив не только хлебом и мясом. Ты вновь обретешь свою бодрость, если вновь завоюешь власть, если станешь более могущественным, чем Львы, Сиксты, Григории, если пред тобой склонятся величайшие среди великих, если ты один будешь стоять во весь рост, посреди множества коленопреклоненных людей, склонивших чело во прах.

— Кто сотворит это чудо? — спросил папа, наэлектризованный пылким честолюбием его слуги, в действительности бывшего его господином.

— Вера!

— Она мертва.

— Мертва? Мы воскресим ее. В продолжение тысячи лет мы привязывали человечество к окровавленным козлам. Теперь мы снова будем рвать раскаленными щипцами

его тело, чтобы вера вошла в его сердце. Вера — дочь страха. Мы заставим дрожать людей.

— У нас нет силы.

— Что же, у тебя глаза только для того, чтобы ничего не видеть? Разве ты не видишь, что все рушится? Наша власть поколеблена, расшатана, и, однако, мы одни устояли среди погибших цивилизаций, потому что мы — представители духа прошедших веков, — духа неумирающего прошлого, сокрушающего людскую пыль. Разве не видишь ты, что буржуазия, — та самая буржуазия, которая в прошлом веке восторжествовала над нами посредством ума, насмешки и ножа гильотины, — что она, напуганная, озирается вокруг себя и тоскует по защитнике, по спасителе? Разве не видишь ты, что короли и императоры, чувствуя, что почва колеблется под ними, поворачиваются в нашу сторону? Мы — якорь спасения, убежище для буржуазии, ибо мы ведем людские толпы, пугая их страхом неизвестного; мы знаем тайные слова, которые ломают энергию, укрощают волю и принуждают людское стадо упускать синицу из рук, гоняясь за журавлем в небе. Не видишь ты разве, что подобно орленку, напирающему на скорлупу яйца, чтобы вырваться из него, черный класс рабочих судорожно поднимается, чтобы взорвать форму старого общества. Все привилегированные классы должны будут соединиться, чтобы задушить чудовище, прежде чем оно вылупится. Не видишь ты разве, что страх перед пролетарскими требованиями, страх перед Интернационалом, страх перед коммунизмом связал в один узел интересы господствующих классов всех стран? Чтобы осадить социализм, возрожден Священный союз. О, непогрешимый папа, это мы — дух прошедших веков — станем во главе крестового похода против разрушителей цивилизации, которые хотят уничтожить всякое общество, всякую мораль, всякую справедливость.

— Что же нужно предпринять? — вскричал увлеченный старик в белом.

— Нужно сделать чудо.

— Чудо? — переспросил Непогрешимый, и голова его безжизненно поникла, и голос его погас.

— Да, большое чудо, которое ослепило бы землю и внесло бы расстройство в ряды врагов.

— Но времена чудес миновали... Кости святого Петра творили чудеса. Верующие поклонялись им. Но пришли анатомы, взяли их в свои зачумленные руки и богохуль-

ствовали: «Да это же бараньи кости!» И чудесные кости приостановили свои чудеса. Во Франции явилась дева Мария, — она говорила, ходила, и неверующие подняли оглушительный хохот.

— Это ребяческие чудеса. А нам нужно настоящее чудо, большое чудо. Поднимись же на небо и поговори с богом так, как он этого заслуживает. Бог слишком легко относится к своему ремеслу. Если он проработал жалкие шесть дней, он думает, что все остальные дни года для него должны быть воскресеньями и понедельниками. Что сказал бы он, что сказали бы мы все, если бы рабочие последовали его примеру? Бог слишком лентяйничает, — встряхни его от его лени. Пусть он сделает что-нибудь для нас, делающих так много для него. Во что превратился бы бог без нас? Он даже имени не имел бы на языке людей. Святой отец, поднимись на небо и возврати на землю Иисуса или духа святого. С ними мы будем творить чудеса и воскресим веру.

Непогрешимый был подавлен.

— Подняться на небо! Мне, такому старому, такому немощному? — повторял он с жестами и голосом слабоумного.

— Свежий воздух, удовольствие путешествия подбодрят тебя. На небе бог прикоснется к твоим геморроидальным шишкам. Врач пророчит тебе новый свищ в анусе. Палец всемогущего исцелит твое седалище. Ну же, поторопись на небо, а я буду управлять вместо тебя.

Указание на свищ было неопровержимым аргументом Антонелли.

— Но ты не выставишь меня за дверь, когда я вернусь? — спросил встревоженный Непогрешимый.

— О, святой отец, я — ваш верный слуга!

«Хорошо! Я поднимусь на небо. Но я поручу кому-нибудь следить за тобою», — подумал человек в белом.

«О, если бы ты свернул себе шею по дороге!» — мысленно ответил человек в красном.

II

Перед тем как взять себе билет на тот свет, папа облачился в свои лучшие одеяния. На всякий случай он наполнил свой кошелек. Он вспомнил совет трактирщика, который посвятил в рыцари Дон-Кихота: немного денег и несколько рубашек необходимы в дороге.

Папа прибыл к дверям рая около 11 часов вечера. Был еще свет в сторожке привратника. Он осторожно постучался: никакого ответа. Он постучал изо всех сил, — святой Петр поспешно открыл. Лицо его было гневно, его пьяная физиономия пылала. Он собирался строго проучить пришельца, который так некстати нарушил его обычную ночную беседу с божественной бутылкой.

— Что за сволочь здесь стучит? — закричал он сердитым голосом. Но звуки мгновенно замерли в его глотке. Скинув свою бобровую шапку и низко кланяясь, он сказал: — Прошу прощения, ваше святейшество, я думал, что в такой поздний час может притти только этот вшивый — святой Лавр. Прошу простить...

Пышное одеяние папы произвело революцию в душе святого Петра. Пий IX, возмущенный, бросил монету райскому церберу и вошел, бормоча:

— Нечего сказать, а ведь я преемник этого пьяного и наглого лакея. Он отрекся от своего господина в минуту опасности. Он отречется еще сто раз, этот пьяница, если это ему нужно будет.

Святой Петр, несколько успокоенный, восхищенным взором следил за Пием IX, направлявшимся по большому проспекту рая.

— Вот скряга! Какая собака! Он дал мне монету в два франка. Проклятье! Это папская фальшивая монета... Ворюга!

Проблуждав до утра, папа узнал, наконец, где находится жилище вечного отца. Это была жалкая хижина. Его предупредили, чтобы он не стучался, потому что никто не откроет. Говорили, что бог на старости лет стал мизантропом. Он жил один и не хотел слышать звука человеческого голоса. Эти сведения опечалили папу. Он начал сомневаться в успехе своего предприятия. Однако он решительно толкнул дверь и твердо вошел в единственную комнату лачуги. Вид ее был жалкий. Обои были грязны, разорваны и местами отклеились. На закопченном потолке зигзагами шли трещины. У очага расположены были вольтеровское кресло и маленький стол, на котором стояли горшок с отваром мальвы и выщербленный стакан. Сидя в кресле, согнутый вдвое старик мешал головешки, дававшие больше дыма, нежели тепла.

Этот старик был бог.

Это не был уже мощный работник, который сотворил когда-то мир в шесть дней; это не был уже грозный Ие-

гова, который метал гром и молнии на Содом, который открыл хляби небесные, чтобы потопить людей; это не был уже страшный бог Моисея, который на горе Синайской появился посреди молний, который сеял страх, чтобы внушить любовь, который посылал на землю опустошения, чуму и голод.

Это не был мрачный бог средних веков, который, притаившись в глубине скиний, затемненных тенями, вдыхал запах горелого человеческого мяса и наслаждался стенаниями и воем пытаемых инквизицией; это не был самодержавный бог Карла V и Людовика XIV, который держал в своей сильной руке земной шар; это не был даже бог Вольтера, жалкий часовой мастер, который каждое утро заводил машину вселенной; это не был даже буржуазный бог, конституционный монарх, который царствовал, но не управлял; это не был даже туманный бог немецких метафизиков, — первая антитеза, отрицание отрицания.

Это был грязный старичок, отвратительный, с запущенной и заплеванной бородой, дрожащий, кашляющий, фыркающий, слюнявый, с ногами, закутанными в фланель, с телом, завернутым в заштопанный изношенный халат, с обнаженной на ягодицах красной подкладкой.

Изумленный папа забылся и сказал вслух:

— Вот одряхлевшее, развалившееся, разрушившееся величие, представителем которого я являюсь на земле.

— Кто говорит здесь? — воскликнул бог, подняв свое желтоватое лицо, на котором вырисовывался громадный еврейский нос, набитый табаком. — Ты называешь себя моим представителем на земле и ты осмеливаешься говорить в моем присутствии! И ты осмеливаешься тревожить меня в этом уголке рая, где, не будучи в состоянии умереть, я пытаюсь заставить забыть меня... Раз уж ты без спроса проник в мое убежище, полюбуйся на то, что ты называешь развалившимся величием. Полюбуйся на твою работу и на работу твоих предшественников, проклятых пап. Да будет проклят день, когда я вздумал послать моего сына Иисуса на землю. Тогда я был верховным повелителем земли и неба. Люди поклонялись только мне. Теперь меня отправили в глубину скиний, как старую тряпку, и люди преклоняют колени и жгут свечи перед идиотским изображением Иисуса и перед девственностью его потаскухи-матери, перед грязными и вонючими ногами святого Антония, перед его спутником, превращая их в святыню. Времена Маммона возвратились, золотая свинья топчется

у ног Саваофа, бога сил... Да будет проклят день, когда я дал разум людям. Я наполнял тогда вселенную своею силою и своим существом, я метал громы, я спускал ветры, я разнуздывал бури, я поднимал морские волны, я сотрясал землю в самых ее глубинах. Но подобно тому как дитя безжалостно вырывает у насекомого лапки и крылышки, разум вырвал у меня одну за другой мои функции. Он приписал их силам бессознательной природы. Я оставался еще провидением, которое сажает на троны королей и проливает богатства на людей. Но бесчеловечный разум учит, что короли суть короли, что сильные богаты потому, что масса людская глупа и труслива и покорно подчиняется командованию над нею и эксплоатации. Разум, разрастаясь, умалил меня. Разум заполнил вселенную. Да будет проклят разум! Я был отодвинут на второй план, я ослабел. Но души невежественные, темные, боязливые еще нуждались во мне. Я существовал для них. Я тот, кто один только имел право быть непогрешимым. И ты, глупый старик, ты лишил меня моей последней прерогативы, ты низверг меня с моего престола, ты сделал из бога картонного плясуна, нити которого ты держишь в своих руках. И твоими глазами я должен видеть, твоими устами я должен лгать. Будь проклят, тщеславный и нечестивый старик! Будь проклят, род людской, отрекшийся от меня, после того как создал меня по своему образу! Да будет проклят, проклят тот, кто сотворил людей!.. О, если бы я мог побить камнями, раскрошить сынов земли, если бы я мог затопить их, бросить на них все язвы египетские и все громы! Ах, я бессилен!

И всемогущий поник, изнеможенный.

«Да это ведь маньяк! — подумал папа. — Все плохо, — и то, что сделал он, и то, что сделали другие. Воображаю, что произошло бы, если бы я заговорил о своих геморроидальных шишках, как советовал Антонелли. Впрочем, это было бы и бесполезно. Бог-отец годен только на то, чтобы выбросить его собакам... Иисус — вот бог, который мне нужен...»

Пий IX молча и поспешно удалился

III

Неподалеку от лачуги бога-отца папа-бог встретил веселую толпу женщин и молодых девушек, разодетых в яркие и пестрые ткани. Радостная толпа извивалась вокруг

белокурого молодого человека с лоснящимися завитыми волосами, с ярко накрашенными щеками и губами, с пухлыми и покрытыми драгоценными камнями руками. Этот свежий молодой человек, кокетливый и напомаженный, казалось, думал только о своей шевелюре и о том, какое впечатление его красота производит на окружающих его женщин. Этот маленький толстяк был Иисус.

О, как сильно отличался он от Христа Назареянина, сына плотника, друга Иоанна Крестителя, дикого пастуха, спавшего в пещерах и питавшегося саранчой! Как мало напоминал он того Христа, который, подавленный видом человеческих страданий, удалялся в пустыни и постился, чтобы разделить мучения голодных; того Христа, который босиком ходил по каменным дорогам и на кроткой ослице торжественно въезжал в Иерусалим; того Христа, который привлекал своими божественными лохмотьями толпы несчастных, внушал страх священникам и богачам и возвещал надежду беднякам, не знавшим надежд! Как мало напоминал он Христа, скорбно рожденного рабами древнего Рима, — Христа, их сотоварища по цепям, распятого подобно героическим гладиаторам Спартака, этого грозного мятежника! Как сильно отличался он от печального и худощавого Христа средних веков, символизировавшего бедствия крестьян! Эти Христы, обаятельные, великие, как народная скорбь, рожденные, пытаемые, распятые в сердце плебейских масс, — эти Христы мертвы. В живых остался только завитой Иисус эпохи Возрождения, Иисус-буржуа, Иисус светских дам и куртизанок, пошлый белокурый молодой человек.

Смущенный папа с изумлением глядел на него.

— Привет тебе, знатный иностранец! — сказал ему Иисус. — По твоему смущенному виду я вижу, что ты новичок у нас. Какое счастье! У нас будут новости с земли. Принес ты последние номера «Обозрения мод»? Да будет благословен господь и ты, досточтимый старец, вместе с ним. Ну, выкладывай все, что знаешь! Мои нежные голубки более любопытны, чем молодые обезьяны. Что же, женщины на земле все еще носят столь же короткие платья, носят они еще полиссоны? Я обожаю этот костюм Это легко, изящно!.

— Я пришел, господь, чтобы поговорить с вами о нуждах вашей святой церкви, — прервал его папа.

— Парижанки все еще окрашивают свои волосы в желтый цвет? Проклятая мода! Моя борода и мои волосы

теряют свою оригинальную привлекательность, и у меня является охота окрасить их в черный цвет. Что вы думаете об этом, королевы моего сердца?

— Сладкий Иисус, наш идеал, тебе краситься — все равно что раскрашивать лилию, — вскричала хором влюбленная толпа.

— Зрачки моих глаз, ваше желание — для меня закон.

— Господь, на вашу церковь нападают...

— Женщины все еще пудрятся рисовой пудрой? Фу! Можно подумать, что целуешь мельничные мешки. Я воспретил употребление пудры и румян всем, кто посвятил себя мне. Если бы мужчины поступали точно так же...

— Господь, ваши храмы оскверняются...

— А Рашель изобрела, наконец, новый элексир, чтобы опьянять душу и будить силы, истощенные любовью?

— Господь, ваши верующие в отчаянии. Они не плачут больше. Они выплакали все свои слезы. Они не жалуются больше, — рука нечестивых замкнула их уста. Господь, вы изгнаны из ваших дворцов, и ваш представитель на земле спит на тюремной соломе.

— Это, должно быть, неудобно. И это единственные новости, которые ты нам принес из местопребывания живых? Ну, кто же ты, что проявляешь столько интереса к моей церкви?

— Господь, я — Пий IX.

— Ха-ха-ха! — игриво рассмеялась толпа. — Так этот жалкий старикашка — представитель нашего возлюбленного Иисуса, поцелуи которого так сладки, от ласк которого темнеет рассудок? Мы понимаем, почему вера умирает в сердцах женщин.

Негодование наполнило душу святого отца, краска гнева и стыда залила его морщинистое лицо. Но Иисус тупо улыбался и гладил свою бороду, опираясь рукой на Магдалину, свою фаворитку, между тем как его пожирали горящие любовным желанием глаза святой Терезы.

— Старик, не обращай внимания на то, что говорят эти маленькие сумасбродки. От любви, которую они питают ко мне, они забывают, с каким почтением они должны относиться к тебе. Между нами говоря, они правы. Кому пришла странная мысль сделать подагрических отвратительных стариков представителями моей особы, — столь великолепной, что один вид мой заставляет женские сердца прыгать, как молодых козлят? Дай же мне поделиться с тобою мыслью, которая пришла мне в голову.

Это со мной бывает не так часто, чтобы я дал ей напрасно затеряться. Я предлагаю реформу: избирать папессу и папу из числа самых красивых детей земли. Вместо того, чтобы писать «силлабусы», которые могут возрадовать лишь желчных и слезливых меланхоликов, оба эти верховные служители моей церкви будут дарить свои ласки тем, кто сильнее будет меня обожать... Не пожимай плечами, старина. Моя мысль стоит вашей смехотворной непогрешимости, приведшей в бешенство моего отца. В конце концов, мне на это наплевать, — делай, что хочешь, с моею церковью.

— Господь, не отвращайте глаз от вашей церкви, не смейтесь над скорбью вашего слуги...

— Старина, я серьезен, как лакей в ресторане, когда он представляет счет к уплате... Раз навсегда — пусть моя церковь идет к чорту. Я не хочу ломать себе голову, у меня достаточно бед с моими султаншами. Одна только святая Тереза справилась бы с десятью Геркулесами. Это настоящая Мессалина. Ступай к моему отцу.

— Бог меня проклял!..

— Вот как! Не делай такой желчной физиономии. Это расстраивает мне пищеварение. Что я могу сделать для тебя?

— Спуститесь со мною на землю.

— Ты что — ошалел? Мне вернуться на землю!.. Я достаточно насмотрелся на людей на всю вечность... А вот святой дух! Он сохранил прекрасное воспоминание о земном шаре. Быть может, он и последует за тобой.

IV

Дева Мария, одетая в свободное со шлейфом голубое платье без пояса, лениво подвигалась к ним.

Белый голубь, святой дух, взобравшись на ее плечи, ворковал и любовно прикасался к ее щекам и шее.

Позади шел святой Иосиф. Два гигантских рога с многочисленными разветвлениями украшали его лоб. Рога сперва опечалили доброго Иосифа, но по предложению своей верной подруги он посоветовался с одним молодым ученым, и это успокоило его. Он узнал, что рога знаменуют некоторое превосходство. Он стал их любить; он заметил, что привязанность Марии становится сильнее по мере их разрастания. В конце концов он стал рассматривать их как самую ценную вещь в раю.

Вид этой супружеской троицы вызвал улыбку у папы.

— Святая дева, мать моя, — сказал Иисус, — дай нам святого духа, моего отца по плоти. А ты, голубь, представляющий разум семьи, дай совет Пию IX.

— Если нужен только дух, то он у меня есть на улице Гэй-Люссак, № 95, не винный, а божественный, и даже самый... [1]?

— Скоро этому будет конец? — прервал папа.

— Никогда. Я делаю 60 каламбуров в час, 1440 в 24 часа. Не правда ли, нужно иметь наглость комиссара, чтобы отрицать мою божественность?

Мария упивалась словами своего голубка, но Пий IX ворчал сквозь зубы:

— Какая семейка! Самый умный среди них — птица. Если бы на беду люди узнали, что творится на небе... Какая коллекция идиотов!

— Пий IX предлагает мне вернуться на землю, — сказал Иисус. — Если когда-нибудь меня туда опять затянут, — я распущу свой гарем и женюсь. Но тебе-то не в чем упрекать людей, особенно женщин; ты можешь помочь бедному старику. Ты умеешь летать, и в случае нужды крылья выведут тебя из затруднений.

— Жулье ты, Пий IX! Ты на мели, и тебе хочется основать при моем участии ломбард, чтобы благочестиво сдирать шкуру с благочестивых верующих. Ты хочешь превратить меня в сороку-воровку, старый сорокопут.

И священный голубь горделиво нахохлился и распустил свой хвост, равнодушный к умильным взглядам влюбленной Марии.

— Хорошо, я согласен вновь спуститься на землю, но прежде я должен высказать мой символ веры.

Святой дух взобрался на один из рогов святого Иосифа и, откашлявшись несколько раз, чтобы прочистить голос, произнес:

— Я член троицы, но я не так заскорузл, как бог, и не такой повеса, как мой сын Иисус. Я заявляю пред лицом рая, что я за прогрессивный прогресс, за совершенное совершенствование людей и богов. Я за железные дороги; я отвергаю повозки, влекомые как величественными быками, так и академиками; я за электрический свет и отвергаю

---

[1] Здесь и дальше в речах св. духа совершенно непередаваемая игра слов, на которую был такой неподражаемый мастер Поль Лафарг.

свечи, распространяющие зловоние. Я за английские бритвы, бреющие без порезов; я за Интернационал и коммунизм... Ах, да нет же, — я обмолвился! Вы понимаете, когда столько идей теснится в голове, то путаешься и лепечешь. Итак, возвращаюсь к прерванному символу веры. Я за Христофора Колумба; я за федеративную, парламентарную, свободолюбивую, децентрализованную республику. Взвесив внимательно все обстоятельства, заявляю, что троица есть федеративная, эгалитарная республика, идеал республики. Следите хорошенько за моей мыслью: Иисус, хотя и дурак, есть бог; бог, хотя и сумасшедший, есть бог; я, несмотря на то, что я чистый дух, я бог. И все боги равны и состоят в федеративных отношениях между собою. Следовательно...

— Как это неприлично, чтобы голубь говорил такие гнусности! — воскликнул папа.

— Милый святой дух, — сказал Иосиф, — если ты отправишься на земную кору — кто станет утешать мою безутешную супругу? Кто будет составлять ей компанию в бессонные ночи, когда она покидает мое ложе, чтобы плакать и молиться?

— Мария разыщет молодого ученого, который утешил тебя, мой добрый Иосиф, — ответил святой дух, — он успокоит ее рогоносным соком... Ухаживай внимательно за твоей женой, — она скоро будет матерью.

— Опять матерью, — вскрикнул святой Иосиф. — О, уж этого байструка я не признаю. Я тут ни при чем, вот ни на эстолько. Не хочу больше принимать на себя детей моей жены. Мария отвергает мои ласки, желая якобы сохранить свою девственность, а между тем она плодит больше малышей, чем кроличиха.

— Иосиф, зачем столько шума из-за такого пустяка? Экая важность, что будет одним ребенком больше. Ведь содержу весь дом я, и я выдаю тебе облигацию на ренту после каждых новых родов твоей дорогой половины. Это я, святой дух, оплодотворил Марию. Но она остается девственницей, хотя и беременна, и останется девственницей после родов. Это тайна, которая выше твоего разумения. Ты, может быть, разгадаешь ее только тогда, когда твои рога достигнут 10 метров длины... Однако пора отправляться. Священный пыл горит в моей груди. Я хочу поднять людей, вдохнуть им любовь к свободе, к свободной торговле, дешевому кредиту и научить их употреблению английских непромокаемых плащей.

— Придется заткнуть глотку этому животному, — ос мотал папа, — а пока нужно заложить уши ватой.

Мария плакала. Иосиф смеялся, он чувствовал, что рога его растут.

Святой отец и святой дух прибыли к дверям рая и потребовали от привратника, чтобы он их пропустил.

— Куда ты идешь, святой дух? — спросил святой Петр.

— На землю.

— Ты храбр. Сезон охоты начался, и может случиться, что тебе всадят порцию свинца в зад.

— Ах, проклятье, проклятье! Ведь в самом деле... Непогрешимый папа, — продолжал он самым серьезным тоном, — на мне лежат великие обязанности. Я не могу рисковать своею жизнью, как какой-нибудь простой голубь. Эти нехристи обожают только свой желудок, — они могли бы подстрелить, ощипать и поджарить меня, распластав на кусочки. Что будет с троицей, если я, ее разум, буду превращен в паштет? А несчастная дева Мария? Старик, священные, общественные и частные обязанности привязывают меня к берегам рая. Какая жалость! Я так хотел пожертвовать собою, чтобы насадить среди людей муниципальную автономию и парламентарную и мальтузианскую республику. Прощай!

И голубь улетел, распустив крылья.

— А кто же ты такой? — спросил привратник.

— Я твой преемник, Петр, — не сделаешь ли ты чего-нибудь для меня?

— А, так это ты, воришка Пий IX? Это ты эксплоатируешь мое имя и выколачиваешь на этом деньгу? Ты упрятываешь в карман сборы именем святого Петра и не даешь мне из них даже гроша медного. Прочь отсюда, каналья!

И пинком ноги святой Петр швырнул святого отца на землю.

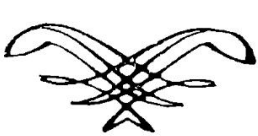
***

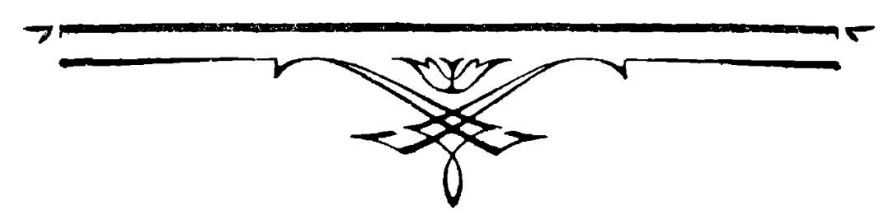
В одной из зал Ватикана беседовали два старика, — один был в белом, другой в красном. Старик в белом стонал и плакал. Старик в красном гневно воскликнул:

— Конец нашему царству! Да будут прокляты люди!

Мощный голос огласил пространство, это был голос Пана, голос природы. Он прогремел:

— Небеса пусты!





БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СПРАВКИ[1]

1. «Происхождение и эволюция понятия души» является частью широко задуманного Лафаргом и в значительной степени осуществленного им марксистского исследования вопроса о возникновении основных понятий морали и религии. Изучению этих вопросов Лафарг посвятил следующие работы: «Исторический метод Карла Маркса», «Происхождение абстрактных идей», «Происхождение идей справедливости», «Происхождение идеи добра», «Происхождение и эволюция понятия души», «Происхождение веры в бога». Вышеназванные исследовательские очерки были написаны и опубликованы Лафаргом в девяностых и девятисотых годах. В дальнейшем (в 1909 г.) Лафарг издал их одной книгой под общим названием «Экономический детерминизм Карла Маркса» («Исследование о происхождении и развитии идей: справедливости, добра, души и бога»).

В «Die Neue Zeit» они печатались в следующем порядке:

«Der Ursprung der abstrakten Ideen», №№ 1, 2; Band I. 1898—1899.

«Der Ursprung der Idee des Gerechten und Ungerechten», №№ 40, 41, 42; Band II. 1898—1899.

«Der Ursprung der Idee des Guten», №№ 3, 4, 6; Band I. 1899—1900.

«Marx historischer Materialismus», №№ 25, 26; Band I. 1903—1904.

«Die Ursachen des Gottesglauben», №№ 15, 16, 17; Band I. 1905—1906.

«Ursprung und Entwicklung des Begrifs der Seele», специальным приложением к II тому «Die Neue Zeit» 1908—1909.

В качестве эпиграфа для своей работы Лафарг избрал определение Маркса: «Способ производства материальной жизни обусловливает собой процесс жизни общественной, политической и духовной вообще». В изменениях способа производства Лафарг пытается вскрыть причины эволюции таких отдаленных от экономического базиса идеологических форм, как нравственность и религия. На основе марксистского исследования, например, понятий справедливости, добра и т. д. Лафарг разоблачает подлинное содержание буржуазной справедливости и добра, возведенных идеологами эксплоататорского класса в ранг «вечных и божественных истин». Исследования Лафарга вызвали резкое негодование со стороны буржуазных

[1] Составил Ф. Мовджан.

кругов и лакействующих перед ними «социалистов». Так, например, Георг Сорель, этот «известный путаник», как его в свое время назвал Ленин, с развязностью профессионального писаки заявил: «Никто, конечно, не склонен думать... что исторический материализм может состоять в парадоксах, чудачествах или наивностях, которые написаны Поль Лафаргом о возникновении права, морали и религии»[1]. Однако сам Сорель оказался абсолютно беспомощным вскрыть ошибки и наивности в исследованиях Лафарга.

Работа Лафарга «Происхождение и эволюция понятия души» является одной из немногочисленных марксистских работ, посвященных исследованию этого вопроса. Однако, как уже указано в предисловии, исследование Лафарга не свободно от отдельных механистических ошибок, которые должны быть учтены читателем.

2. Работа Лафарга «Вера в бога» также вошла в его книгу «Экономический детерминизм Карла Маркса». Руководствуясь методом исторического материализма, в данной работе Лафарг показывает процесс возникновения и развития идеи бога и ее реакционный характер для эксплоатируемых масс. «Вера в бога» является одной из наиболее популярных работ Лафарга. Она неоднократно переиздавалась отдельными изданиями почти на всех европейских языках. Работа Лафарга имела относительно широкое распространение в первые годы после Октябрьской социалистической революции и безусловно сыграла значительную роль в деле разоблачения религии. Однако вместе с тем ряд неверных, механистических установок Лафарга были некритически восприняты некоторыми советскими атеистами.

3. «Миф об Адаме и Еве» был напечатан в № 34 II тома «Die Neue Zeit» за 1890—1891 гг., а затем на французском языке («Le Mythe d'Adam et d'Eva) в журнале «La Revue Socialiste» № 15 за 1894 г. В данной работе, как и во всех специальных своих очерках по сравнительной мифологии, Лафарг, руководствуясь марксистским тезисом, согласно которому религия есть превратное, фантастическое отражение реальных земных отношений, пытается найти материальные корни религиозного мифа об Адаме и Еве. Так, например, истоками библейского рассказа о запрещенном плоде Лафарг считает «табу» (запрещение общиной уничтожать те или иные виды животных и растений), характерное на низших ступенях развития человеческого общества. Лафарг шаг за шагом объясняет отдельные элементы мифа и тем самым наносит сокрушительный удар по религиозному мировоззрению.

4. «Обрезание, его социальное и религиозное значение» было напечатано в журнале «Die Neue Zeit» в 1888 г. Это одна из первых работ Лафарга, посвященных вскрытию социально-экономических причин возникновения отдельных религиозных обрядов и мифов. На основе богатого фактического материала Лафарг вскрывает социальные причины возникновения и особый характер обряда обрезания у различных народов. Если у диких народов обрезание—одна из церемоний при вступлении юношей в класс воинов, то «у других варварских народов оно служит религиозным обрядом, данью жестокому и злому божеству, которому необходимо принести в жертву часть, чтобы спасти целое...»

Лафарг показывает всю несостоятельность библейского рассказа, согласно которому обряд обрезания якобы берет свое начало у ев-

[1] G. Sorel — La décomposition du marxisme

реев. Ссылаясь на Геродота, Лафарг доказывает, что обряд обрезания еще с незапамятных времен соблюдался у египтян и был у них заимствован евреями. Несостоятельным считает Лафарг также обыденное объяснение возникновения обрезания гигиеническими соображениями. Особая ценность очерка Лафарга заключается в его антирелигиозной заостренности против этого варварского, лишенного всякого рационального значения обряда.

5. «Миф о непорочном зачатии» впервые был напечатан в № 1 «Die Neue Zeit». Band I. 1892—1893 гг.

В этом исследовательском очерке по сравнительной мифологии Лафарг показывает, что учение о «непорочном» зачатии мифического Христа перенято христианством у более древних восточных религий. Возникновение антинаучной, религиозной идеи непорочного зачатия Лафарг относит к разложению матриархата, когда «мужчина стремился подчинить себе женщину ради ее имущества и господства в матриархальной семье и для этой цели оспаривал важную роль женщины в акте деторождения. Женщина же отвечала на это посягательство на ее права и на ее функции утверждением, что она может зачать без содействия мужчины».

Свое объяснение Лафарг подкрепляет данными греческой мифологии.

6. «Миф о Прометее» («Le Mythe de Prométhée») впервые появился на французском языке в журнале «La Revue des idées» в № 12 за 1904 г. Эту работу Лафарга нужно считать наиболее завершенной из всех его трудов по сравнительной мифологии. Исключительная эрудиция и умелое применение метода исторического материализма позволили Лафаргу распутать один из наиболее сложных и не разгаданных мифов глубокой древности. Но одновременно в этой работе Лафарг серьезно грешит антиисторическим перенесением социальных отношений, общественных категорий, характерных для буржуазного общества, на предшествующие ему общественно-экономические формации. Так, например, в индивидуалистической (состоящей из одной брачной пары) семье античной Греции Лафарг усматривает типичную «семью буржуазного класса».

7. Памфлет «Религия капитала» написан Лафаргом в 1887 г. С огромным темпераментом пролетарского революционера Лафарг подверг гневному сатирическому бичеванию весь капиталистический строй, всю жестокую и омерзительную картину эксплоатации миллионов тружеников кучкой людей из финансово-промышленной олигархии. Лафарг показал животный страх воротил капиталистического мира перед нарастающими революционными событиями, которые грозят развеять впрах весь этот эксплоататорский мир «юдоли и плача». С замечательным мастерством Лафарг вскрывает и осмеивает попытки эксплоататорских классов «подчистить» старую религию, которая день-ото-дня становится не пригодной как средство обмана и разложения эксплоатируемых масс.

8. «Энциклика святейшей якобинской церкви» была напечатана впервые в газете «La rive gauche» в июне 1866 г. В этом памфлете Лафарг резко обрушился на буржуазных либералов, игравших в якобинство, и сформулировал задачи революционной французской молодежи. Но как критика, так и положительные идеалы, начерченные в памфлете, пронизаны мелкобуржуазным анархистским бунтарством. «Мы ненавидим все правительства, — пишет Лафарг, — ненавидим синюю республику так же сильно, как конституционную монархию

и как всякую другую форму правления. Мы хотим анархию (a archie). Мы хотим не захватить власть, а уничтожить ее». Руководствуясь анархистским тезисом, что освобождение от религиозного гнета должно якобы предшествовать и послужить основой освобождения человечества от гнета социального, Лафарг в данном памфлете выдвигает борьбу против религии на первый план. Несмотря на свои основные недостатки, «Энциклика» сыграла значительную роль в деле разоблачения поповствующей французской буржуазии времен Наполеона III.

9. Памфлет «Пай IX в раю» был написан Лафаргом в 1881 г. и впервые напечатан в газете «L'Egalité». Эта талантливая работа нанесла огромный удар как по религии, так и в частности главе католической церкви — Пию IX. Пий IX — граф Джьованни Мария Мастаферетти — родился в 1792 г. в Синигаме. В связи с итальянской революцией 1848 г. бежал в Гаэту. После подавления революции австро-французскими штыками (1849 г.) папа возглавил жестокий террор против революционеров. В мрачной и кровавой истории католической церкви имя Пия IX занимает видное место. С этим именем связан ряд реакционных и мракобесических затей католической церкви. Так, например, в 1854 г. Пием IX был провозглашен догмат о непорочном зачатии (immaculata conceptio) девы Марии. В 1870 г. по инициативе Пия IX ватиканский собор возвел в догмат папскую непогрешимость. Пий IX был ярым врагом социалистического движения. В 1864 г. он издал пресловутую энциклику и силлабус (syllabus errorum), где осуждал как противоречащее средневековому католицизму все прогрессивное и революционное в общественной жизни, науке, философии, литературе и искусстве. В 1870 г. войска Виктора-Эммануила захватили папские владения, заняли Рим и объявили его столицей Итальянского королевства. В 1871 г. итальянский парламент признал папу государем, но ограничил его власть пределами Ватикана. Пий IX протестовал против занятия Рима, не признал нового правительства и объявил себя «ватиканским узником».

Итальянский фашизм, придя к власти, расширил влияние папы и оказывает огромную поддержку Ватикану. Папа Пий XI, как и все его предшественники, является проводником реакционнейшей политики. Именно он был вдохновителем «крестового похода» против СССР и теперь освящает разбойничьи войны фашистских захватчиков в Абиссинии, Китае и в Испании. Пий XI является злейшим врагом революционного движения и ярым союзником фашизма. Он действует вместе с поджигателями новых войн и активно участвует в подготовке нападения на СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие III

Происхождение и эволюция понятия души

1. Измышление души 3
2. Измышление рая 12
3. Затмение понятия души 19
4. Возрождение понятия души 29
5. Измышление ада 51
6. Представление о душе и о загробной жизни у христиан первых веков 58

Вера в бога

1. Религиозность буржуазии и иррелигиозность пролетариата 69
2. Естественное происхождение представления о боге у дикарей . . 72
3. Экономическое происхождение веры в бога у буржуа 73
4. Эволюция представления о боге 87
5. Причины безверия пролетариата 91

Миф об Адаме и Еве

1. Два рассказа о сотворении человека 102
2. Миф об Адаме, мужчине-женщине 103
3. Миф об Адаме и Еве 109
4. Миф о Каине и Авеле 118

Обрезание, его социальное и религиозное значение 121

Миф о непорочном зачатии 136

Миф о Прометее

1. Интерпретация мифа 145
2. Культ огня 146
3. Матриархат и патриархат 150
4. Патриархат на Олимпе 151
5. Дар Прометея смертным 159

1. Лондонский конгресс 170
2. Катехизис трудящихся . . . . . 17..
3. Поучение куртизанки 181
4. Экклезиаст, или книга капиталиста . . . . . 18[illegible]
а) Природа бога-капитала 190
б) Избранник капитала 191
в) Обязанности капиталиста 193
г) Правила божественной мудрости 197
д) Ultima verba 199
5. Капиталистические молитвы 201
6. Плач Иова-Ротшильда, капиталиста 205

Энциклика святейшей якобинской церкви, единодержавной и единоипостасной 209

Пий IX в раю 214

Библиографические справки 227